БОР. ПИЛЬНЯКЪ

БЫЛЬЕ

Издательство „Библіофилъ“
Ревель

БОР. ПИЛЬНЯКЪ

БЫЛЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „БИБЛІОФИЛЪ“
РЕВЕЛЬ / 1922

Наборъ „Berliner Druckerei“ G. m. b. H. —
Печатано въ типографіи Куммеръ и Ко., Берлинъ

СОДЕРЖАНІЕ

НАДЪ ОВРАГОМЪ.

I.

Оврагъ былъ глубокъ и глухъ.

Его суглинковые и желтые скаты, поросшіе красностволыми соснами, шли крутыми обрывами, а по самому дну протекалъ ключъ. Надъ оврагомъ, направо и налѣво, стоялъ сосновый лѣсъ, — глухой, старый, затянутый мхами и заросшій ольшаникомъ. А наверху было тяжелое, сѣрое, низко спустившееся небо.

Тутъ рѣдко бывалъ человѣкъ.

Грозами, водою, временемъ корчевались деревья, падали тутъ-же, застилая землю, гнили, и отъ нихъ шелъ густой, сладковатый запахъ тлѣющей сосны. Чертополохи, цикоріи, рябинки, полыни не срывались годами и колючей щетиной поросли землю. На днѣ оврага была медвѣжья берлога, въ лѣсу было много волковъ.

На крутомъ, грязновато-желтомъ скатѣ оборвалась сосна, перекинулась и повисла на много лѣтъ корнями кверху. Корни ея, походившіе на застывшаго осьминога, задравшіеся вверхъ, обросли уже кукушечьимъ мхомъ и можжевельникомъ.

И въ этихъ корняхъ свили гнѣздо себѣ двѣ большія, сѣрыя птицы, самка и самецъ.

Птицы были большими, тяжелыми, съ сѣровато-желтыми и коричневыми перьями, густо растущими. Крылья ихъ были коротки, широки и сильны; лапы,

съ большими когтями, заросли чернымъ пухомъ. На короткихъ, толстыхъ шеяхъ сидѣли большія, квадратныя головы съ клювами, хищно изогнутыми и желтыми, и съ круглыми, суровыми, тяжело глядящими глазами.

Самка была меньше самца. Ея ноги казались тоньше и красивѣе, и была тяжелая какая-то и грубая граціозность въ изгибахъ ея шеи. А самецъ былъ суровъ, угловатъ, и одно крыло его, лѣвое, не складывалось, какъ слѣдуетъ: такъ отвисало оно съ тѣхъ поръ, когда онъ дрался съ другими самцами за самку.

Гнѣздо располагалось между корней. Подъ нимъ съ трехъ сторонъ падалъ отвѣсъ. Надъ нимъ стлалось небо и протягивалось нѣсколько изломанныхъ древесинъ корней. Кругомъ и внизу лежали кости, уже омытыя дождями и бѣлыя. А само гнѣздо было уложено камнями и глиной и устлано пухомъ.

Самка всегда сидѣла въ гнѣздѣ.

Самецъ же гомозился на лапѣ корня, надъ обрывомъ, одинокій, видящій своимъ тяжелымъ взглядомъ далеко кругомъ и внизу, сидѣлъ, втянувъ въ плечи голову и тяжело свѣсивъ крылья.

II.

Встрѣтились онѣ, эти двѣ большія птицы, здѣсь же, недалеко отъ оврага.

Уже нарождалась весна, по откосамъ таялъ снѣгъ, а въ лѣсу и лощинахъ онъ сталъ сѣрымъ и рыхлымъ, тяжелымъ запахомъ курились сосны, на днѣ оврага проснулся ключъ. Днемъ пригрѣвало солнце. Сумерки были зеленоватыми, долгими и настороженно гулкими. Волки ходили стаями, и самцы грызлись за самокъ.

Онѣ встрѣтились на полянѣ въ лѣсу въ сумерки.

Эта весна, солнце, мягкій вѣтерокъ вложили въ тѣло самца невѣдомую тяготу. Раньше онъ леталъ или сидѣлъ, ухалъ или молчалъ, летѣлъ быстро или

медленно, потому что кругомъ и внутри него были причины: когда онъ чуялъ голодъ, онъ летѣлъ, чтобы найти зайца, убить его и съѣсть, когда сильно слѣпило солнце или рѣзокъ былъ вѣтеръ, онъ скрывался отъ нихъ, когда видѣлъ крадущагося волка, отлеталъ поспѣшно отъ него.

Теперь было не такъ.

Уже не ощущенія голода и самосохраненія заставляли его летать, сидѣть, кричать или молчать. Что-то, внѣ его и его ощущеній лежащее, владѣло имъ.

Когда наступали сумерки, онъ какъ въ туманѣ, не вѣдая зачѣмъ, снимался съ своего мѣста и летѣлъ отъ поляны къ полянѣ, отъ откоса къ откосу, безшумно двигая большими своими крыльями и зорко вглядываясь въ зеленую, насторожившуюся мглу.

И когда однажды онъ увидалъ на одной изъ полянъ себѣ подобныхъ и самку среди нихъ, онъ, не зная, почему такъ должно быть, бросился туда, почувствовалъ чрезмѣрную силу въ себѣ и великую ненависть къ тѣмъ остальнымъ самцамъ.

Онъ ходилъ около самки медленно, сильно оттаптывая, распустивъ крылья и задравъ голову и косо поглядывая на самцовъ. Одинъ изъ нихъ, тотъ, который до него былъ побѣдителемъ, старался мѣшать ему, а потомъ бросился на него съ приготовленнымъ для удара клювомъ, и у нихъ завязалась драка, долгая, молчаливая и жестокая, они налетали другъ на друга, бились клювами, грудями, когтями, крыльями, глухо всклекотывая и разрывая другъ другу тѣло.

Его противникъ оказался слабѣе и отсталъ, а онъ бросился снова къ самкѣ и ходилъ вокругъ нея, немного прихрамывая и волоча по землѣ окровавленное свое лѣвое крыло.

Сосны обстали поляну, земля была вся засыпана хвоей, синѣло ночное небо.

Самка была безразлична и къ нему, и ко всѣмъ, она ходила спокойно по полянѣ, рыхлила землю,

поймала мышь, съѣла ее покойно. На самцовъ она, казалось, не обращала вниманія.

Такъ было всю ночь.

Но когда ночь стала блѣднѣть, а у востока легла зеленовато-лиловая черта восхода, она подошла къ нему, побѣдившему всѣхъ, прислонилась къ его груди, потрогала нѣжно клювомъ его больное крыло, точно обнюхивая и исцѣляя, и, медленно отдѣляясь отъ земли, полетѣла къ оврагу.

И онъ, тяжело двигая больнымъ крыломъ, но не замѣчая этого, пьяно всклекотывая, полетѣлъ за нею.

Она опустилась какъ разъ у корней той сосны, гдѣ потомъ стало ихъ гнѣздо. Самецъ сѣлъ рядомъ. Нерѣшительнымъ и точно смущеннымъ былъ онъ.

Самка обошла нѣсколько разъ вокругъ самца, обнюхала снова его. Потомъ, прижимая грудь къ землѣ, разставивъ ноги и поднявъ хвостъ, сожмуривъ глаза, — замерла въ этомъ положеніи. Самецъ бросился къ ней, хватая клювомъ ея перья, хлопая по землѣ тяжелыми своими крыльями, — и въ его жилахъ потекла такая прекрасная мука, такая крѣпкая радость, что онъ ослѣпъ, ничего не чуялъ, кромѣ этой муки сладкой, тяжело ухалъ, нарождая въ оврагѣ глухое эхо и всколыхивая предъ-утро.

Самка была покорной.

На востокѣ уже ложилась красная лента восхода, и снѣга въ лощинахъ стали лиловыми.

III.

Зимою сосны стояли неподвижными, и стволы ихъ бурѣли. Снѣгъ лежалъ глубокій, сметенный въ большія горы, хмуро склонившіяся къ оврагу, небо стлалось сѣро, дни были коротки, и изъ нихъ не уходили окончательно сумерки. А ночью отъ мороза трещали стволы и лопались вѣтки. Свѣтила въ безмолвіи блѣдная луна и казалось, что отъ нея морозъ становится еще крѣпче.

Ночи были мучительны — морозомъ и этимъ фосфорическимъ свѣтомъ луны. Птицы сидѣли, сбившись въ гнѣздѣ, прижимаясь другъ къ другу, чтобы согрѣться, но все же морозъ пробирался подъ перья, шарилъ по тѣлу, захолаживалъ ноги, около клюва и спину. А блуждающій свѣтъ луны тревожилъ, напоминалъ, будто вся земля состоитъ изъ одного огромнаго волчьяго глаза и поэтому свѣтится такъ страшно.

И птицы не спали.

Онѣ тяжело ворочались въ гнѣздѣ, мѣняли мѣста, и большіе глаза ихъ были кругло открыты, свѣтясь въ свою очередь зеленовато. Навѣрное, если бы онѣ умѣли думать, онѣ больше всего хотѣли бы утра.

Еще за часъ до разсвѣта, когда уходила луна и едва-едва подходилъ свѣтъ, птицы начинали уже чувствовать голодъ: во рту былъ непріятный, желчноватый привкусъ, и отъ времени до времени больно сжимался зобъ.

И когда утро уже окончательно сѣрѣло, самецъ улеталъ за добычей, летѣлъ медленно, раскинувъ широко крылья и рѣдко взмахивая ими, зорко вглядываясь въ землю передъ собою. Охотился онъ обыкновенно за зайцами. Иногда добычи не встрѣчалось долго, онъ леталъ надъ оврагомъ, залеталъ очень далеко отъ гнѣзда, на десятокъ верстъ, вылеталъ изъ оврага къ широкому, бѣлому пространству, гдѣ лѣтомъ была Кама. Когда зайцевъ не было, онъ бросался и на молодыхъ лисицъ, и на сорокъ, хотя мясо ихъ и было невкусно. Лисицы защищались долго и упорно, сильно кусаясь, и на нихъ нападать надо было осторожно и умѣло: надо было сразу ударить клювомъ въ шею, около головы, и сейчасъ же, вцѣпившись когтями въ спину, взлетѣть на воздухъ—въ воздухѣ лисица уже не сопротивлялась.

Съ добычей самецъ летѣлъ къ себѣ въ оврагъ, въ гнѣздо, и здѣсь съ самкой они съѣдали все сразу. Ѣли они одинъ разъ въ день, и наѣдались такъ, что

было тяжело двигаться и зобъ тянуло внизъ. Подъѣдали даже снѣгъ, замоченный кровью. А оставшіяся кости самка сбрасывала подъ обрывъ.

Самецъ садился на лапу корня, ежился и хохлился, чтобы было удобнѣе, и чувствовалъ, какъ теплю, послѣ ѣды, бѣгаетъ въ немъ кровь, переливается нѣчто въ кишкахъ, доставляя наслажденіе.

Самка сидѣла въ гнѣздѣ.

Передъ вечеромъ самецъ, неизвѣстно почему, ухалъ:

— У-гу́-у! — кричалъ онъ гортаннымъ голосомъ, такъ, будто звукъ въ горлѣ его проходитъ черезъ воду.

Иногда его, одиноко сидящаго наверху, замѣчали волки, и какой-нибудь изголодавшійся волкъ начиналъ карабкаться по отвѣсу вверхъ.

Самка волновалась и испуганно всклекотывала, а самецъ спокойно глядѣлъ внизъ своими широкими, подслѣповатыми глазами, слѣдилъ за волкомъ, — какъ волкъ, медленно карабкаясь, срывался и стремительно летѣлъ внизъ, сметая собой комья снѣга, кувыркаясь и повизгивая отъ боли.

Подползали сумерки.

IV.

Въ мартѣ, когда выростали дни, начинало грѣть солнце, бурѣлъ и таялъ снѣгъ, долго зеленѣли сумерки и ходили стаями волки, добычи было больше, потому что всѣ лѣсные жители чуяли уже тревогу предвесны, томящую и зачаровывающую, бродили полянами, откосами и лѣсомъ, не смѣя не бродить, безвольные во власти предвесенней томы; и ихъ легко было ловить.

Всю добычу самецъ приносилъ самкѣ, — самъ онъ ѣлъ мало: только то, что оставляла ему самка, — обыкновенно это были внутренности, мясо грудныхъ мышцъ, шкура и голова, хотя у головы самка всегда съѣдала глаза, какъ самое вкусное.

Днемъ самецъ сидѣлъ на лапѣ корня.

Свѣтило солнце. Слабый и мягкій шелъ вѣтерокъ. На днѣ оврага шумѣлъ сильно черный и поспѣшный теперь ключъ, рѣзко вычерченный бѣлыми берегами снѣга.

Было голодно. Самецъ сидѣлъ съ закрытыми глазами, втянувъ голову въ шею. И въ его наружности было много покорности, истомнаго ожиданія и смѣшной какой то виновности, такъ не вяжущейся съ его суровостью.

Въ сумерки онъ оживлялся. Въ него входила тревога. Онъ поднимался на ногахъ, вытягивалъ голову, широко раскрывъ круглые свои глаза, раскидывалъ крылья и снова складывалъ ихъ, билъ ими воздухъ. Потомъ, снова сжимаясь въ комокъ, втягивая голову, жмурясь ухалъ:

— У-гу-гу-у! — кричалъ онъ жутко, пугая лѣсныхъ жителей.

И эхо въ оврагѣ отвѣчало:

— У-у...

Были зелено-синіе сумерки. Небо вымащивалось крупными, будто новыми, звѣздами.

Шелъ маслянистый запахъ сосенъ. Въ оврагѣ стихалъ на ночь, въ морозѣ, ручей. Гдѣ-то на токахъ кричали птицы. Но все же было настороженно-тихо.

Когда темнѣло окончательно и ночь становилась синей, самецъ, крадучись, виновато, осторожно разставляя большія свои, не умѣющія ходить по землѣ, ноги, шелъ въ гнѣздо къ самкѣ. Его тянула къ ней большая, прекрасная страсть.

Онъ садился рядомъ съ самкой, гладилъ клювомъ ея перья; и все по прежнему была въ немъ смѣшная немного и нелѣпая для него виновность.

Самка была довѣрчива къ его ласкамъ, казалась слабой и мягкой очень; но за этой мягкостью чуялась большая ея сила и власть надъ самцомъ; быть можетъ, даже въ этой мягкости чуялась она.

На своемъ языкѣ, языкѣ инстинкта, самка говорила самцу:

— Да. Можно.

И самецъ бросался къ ней, весь изнемогая въ страсти. И она отдавалась ему.

V.

Такъ было съ недѣлю, съ полторы.

Потомъ же, когда ночью приходилъ къ ней самецъ, она говорила:

— Нѣтъ. Довольно.

Говорила она, инстинктомъ своимъ чувствуя, что довольно, ибо пришла другая пора — пора рожденія дѣтей.

И самецъ, смущенный, будто виноватый тѣмъ, что не предугадалъ велѣнія самки, велѣнія инстинкта, вложеннаго въ самку, уходилъ отъ нея,чтобы притти черезъ годъ.

VI.

И съ весны все лѣто до сентября они, самецъ и самка, были поглощены большимъ, прекраснымъ и необходимымъ дѣломъ рожденія, — до сентября, когда улетали птенцы.

Многоцвѣтнымъ ковромъ развертывались весна и лѣто. Горячими огнями горѣли они. Сосны украсились свѣчками и маслянисто пахли. Полыни пахли. Цвѣли и отцвѣтали: свирбига, цикоріи, колокольчики, лютики, рябинки, иван-да-марья; чертополохи колючились.

Въ маѣ ночи были синими.

Въ іюнѣ — зеленовато-бѣлыми.

Алымъ пламенемъ пожара горѣли зори, а отъ ночи по дну оврага бѣлыми, серебряными пластами, стирая очертанія сосенъ, шли туманы.

Сначала въ гнѣздѣ было пять сѣрыхъ, съ зелеными крапинками яицъ. Потомъ появились птенцы: большеголовые, съ чрезмѣрно большими и желтыми рта-

ми, покрытые сѣрымъ пухомъ. Они жалобно пищали, вытягивая длинныя шеи изъ гнѣзда, и много очень ѣли.

Въ іюнѣ они уже летали, все еще головастые, пикающіе, нелѣпо дергая неумѣлыми крыльями.

Самка была все время съ ними, заботливая, нахохленная и сварливая.

Самецъ не умѣлъ думать и едва ли чувствовалъ это, но чувствовалось въ немъ, что онъ гордъ, у своего прямого дѣла, которое вершитъ съ великой радостью. И вся жизнь его была заполнена инстинктомъ, переносящимъ всю волю его и жизнеощущеніе на птенцовъ.

Онъ рыскалъ за добычей.

Надо было ея очень много добывать, потому что и птенцы, и самка были прожорливы. Приходилось летать далеко, иногда на Каму, чтобы тамъ ловить чаекъ, всегда роящихся около необыкновенно большихъ, бѣлыхъ, невѣдомыхъ и многоглазыхъ звѣрей, идущихъ по водѣ, странно шумящихъ и пахнущихъ такъ же, какъ лѣсные пожары,—около пароходовъ.

Онъ самъ кормилъ птенцовъ. Разрывалъ куски мяса и давалъ имъ. И наблюдалъ внимательно своими круглыми глазами, какъ птенцы хватали эти куски цѣликомъ, широко раскрывая клювы, давились ими и, таращa глаза, покачиваясь отъ напряженія, глотали.

Иногда кто-нибудь изъ птенцовъ, по глупости, вываливался изъ гнѣзда подъ откосъ. Тогда самецъ поспѣшно и заботливо летѣлъ внизъ за нимъ, хлопотливо клекоталъ, будто ворчалъ; бралъ его осторожно и неумѣло когтями и приносилъ, испуганнаго и недоумѣвающаго, обратно въ гнѣздо. А въ гнѣздѣ долго гладилъ его перья своимъ большимъ клювомъ, ходилъ вокругъ него, изъ осторожности высоко поднимая ноги, и не переставалъ клекотать озабоченно.

Ночами онъ не спалъ.

Онъ сидѣлъ на лапѣ корня, зорко вглядываясь во мглу ночи, остерегая своихъ птенцовъ и мать отъ опасности.

Надъ нимъ были звѣзды.

И онъ иногда, чуя полноту жизни, красоту ея, — казалось такъ, — грозно и жутко ухалъ, встряхивая эхо.

— У-гу-гу-гу-у! — кричалъ онъ, пугая ночь.

VII.

Онъ жилъ зимы, чтобы жить. Весны и лѣто онъ жилъ, чтобы родить. Онъ не умѣлъ думать. Онъ дѣлалъ это потому, что такъ велѣлъ Богъ, такъ велѣлъ тотъ инстинктъ, который правилъ имъ.

Зимами онъ жилъ, чтобы ѣсть, чтобы не умереть. Зимы были холодны и страшны.

Веснами же — онъ родилъ.

И тогда по жиламъ его текла горячая кровь, было тихо, свѣтило солнце и горѣли звѣзды, и ему все время хотѣлось потянуться, закрыть глаза, бить крыльями воздухъ и ухать безпричинно-радостно.

VIII.

Осенью улетали птенцы. Старики съ молодыми прощались навсегда, и прощались уже безразлично.

Осенью шли дожди, волоклись туманы, низко спускалось небо. Ночи были тоскливы, мокры, черны. Старики сидѣли въ мокромъ гнѣздѣ, двое, трудно засыпая, мерзнувъ, тяжело ворочаясь. И глаза ихъ свѣтились зеленовато-желтыми огоньками.

Самецъ уже не ухалъ.

IX.

Такъ было тринадцать лѣтъ ихъ жизни.

X.

Потомъ самецъ умеръ.

Въ молодости у него было испорчено крыло, съ тѣхъ поръ какъ онъ дрался за самку. Съ годами ему все труднѣе и труднѣе было охотиться за добычей, все дальше и дальше леталъ онъ за ней, а ночами не могъ уснуть, чуя большую, нудную боль во всемъ крылѣ, было страшно очень, ибо раньше онъ не чувствовалъ своего крыла, а теперь оно стало странно-важнымъ и мучительнымъ.

Ночами онъ не спалъ, свѣшивалъ крыло, будто отталкивалъ отъ себя. А утрами, едва владѣя имъ, онъ улеталъ за добычей.

И самка бросила его.

Предъ-весной, въ сумерки она улетѣла изъ гнѣзда.

Самецъ искалъ ее всю ночь и на зарѣ лишь нашелъ, — она была съ другимъ самцомъ, молодымъ и сильнымъ, нѣжно всклекотывающимъ около нея. И тогда старикъ почувствовалъ, что все, данное ему въ жизни, кончено. Онъ бросился драться съ молодымъ, но дрался неувѣренно и слабо. А молодой кинулся къ нему сильно и страстно, рвалъ его тѣло и грозно клекоталъ. Самка же, какъ много лѣтъ назадъ, безразлично слѣдила за схваткой.

Старикъ былъ побѣжденъ.

Окровавленный, изорванный, съ вытекшимъ глазомъ, онъ улетѣлъ къ себѣ въ гнѣздо, тихо опустился на свою лапу корня. И чуялось въ немъ, что съ жизнью счеты его кончены. Онъ жилъ, чтобы ѣсть, чтобы родить. Теперь ему оставалось — умереть. Вѣрно, онъ чувствовалъ это инстинктомъ, ибо два дня сидѣлъ тихо и неподвижно на обрывѣ, втянувъ голову въ шею.

А потомъ, спокойно и незамѣтно для себя, умеръ. Упалъ подъ обрывъ и лежалъ тамъ съ ногами скрюченными и поднятыми вверхъ.

Это было ночью. Новыми были звѣзды. Кричали въ лѣсахъ, на токахъ птицы. Гдѣ-то ухали филины.

Самецъ пролежалъ пять дней на днѣ оврага. Онъ уже началъ разлагаться, и горьковато, скверно пахнулъ.

Его нашелъ волкъ и съѣлъ.

Августъ 1915.

У НИКОЛЫ, ЧТО НА БѢЛЫХЪ КОЛОДЕЗЯХЪ.

Всему свое время и время всякой вещи подъ небомъ: время рождаться и время умирать.

Экклезіастъ.

I.

Вечеромъ ходили въ театръ, въ оперу, что на Дмитровкѣ. Солдаты со своими страдашками щелкали сѣмечки, въ полумракѣ рядомъ былъ слышенъ женскій шепотъ: «Лексѣй Семенычъ, прошу васъ, не щипись. Лексѣй Семенычъ-жа!» Кто-то, должно быть конторщики, подпѣвали за артистами знакомыя аріи.

— А, сосалъ-макалу Максиму Горькому.

— А, мое почтеніе. Какъ поживаете — кого прижимаете?

— Гдѣ ужъ намъ-ужъ! — Мы ужъ такъ-ужъ! . . . — Смѣшокъ. — Больно ты яровитый.

Пахло махоркой, дешевой пудрой, дегтемъ и потомъ. На второе дѣйствіе уже не остались, вышли, спустились къ Театральной, прошли на Мясницкую, докоротать вечеръ. Стемнѣло по апрѣльски зыбко, призрачно. Китай-городъ, въ отсвѣтахъ фонарей, съ облаками, ставшими надъ нимъ, напоминалъ Чурляниса, на улицахъ было пустынно, тихо. — Гребенская Божья матерь, застрявшая на углу Мясниц-

2*

кой отъ иныхъ столѣтій, не показалась анахронизмомъ, какъ всегда, стояла вросшая въ землю, посинѣвшая въ зеленоватомъ апрѣльскомъ мракѣ. Проскакалъ нарядъ всадниковъ. Подъ ногами потрескивали льдинки подмерзшихъ дневныхъ ручейковъ.

На Мясницкой, Нѣмецкой улицѣ, въ одномъ изъ небоскребовъ, въ комнатѣ устланной коврами и со стѣнами въ книжныхъ полкахъ, человѣкъ, извѣстный всей Россіи, въ толстыхъ книгахъ искавшій и доказывавшій Бога, сказалъ, что въ Россіи поднялъ голову вѣковой хамъ, показалъ свою грязную морду, — если русскаго человѣка поскрести, всегда окажется татаринъ. Андрей думалъ о томъ, что за Москвой, въ безкрайнихъ степяхъ приплюснулись къ землѣ гнилыя избушки со слѣпыми окнами, что тамъ живетъ народъ, тотъ, котораго благословляли всѣ собравшіеся сейчасъ въ небоскребѣ и который показалъ — рожу-ли? — не прекрасное ли свое лицо? — Народъ, который хочетъ строить свою справедливость, — пусть не умѣетъ. Андрей сидѣлъ въ углу на диванѣ, говорилъ о томъ, что завтра уѣдетъ къ полямъ, еще сырымъ и съ ручьями въ долинахъ, къ разливу, — о томъ, что обрѣлъ покой — уже навсегда, дала его революція.

Домой Андрей шелъ одинъ, — на Полянку въ Замоскворѣчье. Улицы были пустынны, пахло навозомъ и весенней прѣлью. Звѣзды были четки и бѣлы, у востока небо уже бѣлѣло, былю въ облакахъ, точно болотная заводь, облака походили на бѣлыхъ коней. Шелъ Александровскимъ садомъ, у Боровицкихъ воротъ замѣтилъ двухъ всадниковъ, одинъ сидѣлъ на лошади, другой опирался на луку, лошади были маленькія и мшистыя, сторожевые въ папахахъ съ пиками и винтовками — громоздки, подъ Боровицкими воротами, у Кремля, всадники, нище одѣтые, молчаливые напоминали XVII вѣкъ. Тоскливо перекликались ночные сторожевые свист-

ки. Съ моста широко стало видно зеленое небо, зыбкое и манящее, и по весеннему защемило сердце, — вдаль, вдаль, туда, гдѣ подлинная Россія. Странно, Петръ I, Антихристъ, увелъ Россію въ Петербургъ, теперь опять она вернулась въ Москву.

II.

Въ ту ночь, когда Андрей пріѣхалъ къ Николѣ, что на Бѣлыхъ Колодезяхъ, въ барскій, графскій домъ нежданно пришли, неизвѣстно откуда, анархисты, размѣщались ночью, везли со станціи воза съ пулеметами, винтовками, и припасами, — и утромъ уже висѣлъ надъ фронтономъ флагъ: «Да вѣетъ черное знамя свободныхъ». Андрей шелъ пѣшкомъ съ тощимъ своимъ чемоданчикомъ, земля разбухла и налипала на ноги, слѣва, за суходолами, широкомъ просторомъ лежала Ока, небо было болотно-зеленымъ, кричали первые коростели. Во мракѣ нагнали возы, подошелъ человѣкъ въ буркѣ и кавказской шапкѣ.

— Будьте добгы, товагищъ, гдѣ тутъ Погечье?

Указалъ, сказалъ, что туда же идетъ. Пошли рядомъ, впереди обоза, вдвоемъ.

— Какая у васъ тихая весна, — сказалъ спутникъ. — Мы съ Укгайны. Тамъ уже цвѣтутъ каштаны. И какія у васъ тихія звѣзды, кажется, онѣ ггустятъ. Вы никогда не увлекались астгономіей? Когда думаешь о звѣздахъ, начинаешь чувствовать, какъ мы ничтожны. Земля — это міговая тюгьма: — что же мы, люди? Что значитъ наша геволюція и неспгаведливость?

Андрей откликнулся живо:

— Да, да! Я тоже это думаю! Надо быть свободнымъ и отказаться отъ всего. Удивительно совпали наши мысли! Нужна свобода — извнутри, не извнѣ.

— Да? — Конечно-же . . .

Спутникъ хотѣлъ еще что-то сказать, но отъ обоза его окликнули.

— Юзикъ! — и сказали нѣсколько фразъ по англійски.

— Пагдонъ! — Спутникъ поклонился, манерно, какъ въ старыхъ испанскихъ пьесахъ, и ушелъ къ обозу.

Церковь Николы, что на Бѣлыхъ Колодезяхъ, сложенная изъ бѣлаго известняка, стояла на холмѣ надъ Окою. Нѣкогда здѣсь былъ монастырь, теперь осталась бѣлая церковь, вросшая въ землю, поросшая зеленымъ мхомъ, со слюдяными, слѣпыми оконцами, глядящими долу, съ острой крышей, покосившейся и прогнившей. Съ холма былъ широкій видъ на Оку, на заокскіе синіе еловые лѣса, на вѣчный просторъ. Около церкви росли мѣдностволыя сосны. Изъ земли, справа отъ церковныхъ стоптанныхъ ступенекъ, билъ студеный ключъ, вдѣланный въ липовую кору — (отъ него и пошло названіе Бѣлые Колодези), — ключъ столѣтіями стекалъ подъ откосъ, пробилъ въ холмѣ промоину, по нему пошелъ проселокъ, а съ той стороны на холмѣ сталъ колонный бѣлый домъ архитектуры классической, графовъ Орловыхъ, съ флигелями, службами, заросшій паркомъ. За Мезенкой лежало село — Порѣчье. Андрей поселился съ попомъ Иваномъ, оконца ихъ избы смотрѣли на церковь, на Оку. Въ тѣсной избѣ были бѣлыя стѣны, обмазанныя известью, огромная бѣлая печь. Попъ Иванъ приносилъ утромъ картошку, молоко, кислую капусту и уходилъ съ кригой на рѣку. Андрей ходилъ на ключъ за водой, топилъ печь и готовилъ приварокъ, садился къ столу, къ книгамъ. Въ Москвѣ закружила-было, замела въ своемъ вихрѣ революція, жилъ днями, не работая, уставалъ, тосковалъ, — затѣмъ обрѣлъ покой: какъ ушло нѣкогда Смутное время, уйдетъ и Осемнадцатый годъ, — надо работать для вѣчности, отстраниться отъ сегодня, жить внѣ

его, не пускать его къ себѣ въ домъ, въ душу. И отказался отъ него. Отошедши отъ революціи, все-же увидѣлъ, что творитъ революцію народъ, русскій нашъ, изъ деревень пришедшій народъ, — и потянуло къ семнадцатому нашему вѣку, къ старымъ пѣснямъ, стариннымъ иконамъ, церквамъ, къ Іуліаніи Лазоревой, Андрею Рублеву, Прокопію Чирину. Но, — потому что сегодня врывалось властно, потому, что въ буйной стихіи человѣческой былъ онъ листкомъ, — оторвавшись отъ времени, пришелъ къ мысли объ истинной свободѣ, — свободѣ извнутри, не извнѣ: отказаться отъ вещей, отъ времени, ничего не имѣть, не желать, не жалѣть, — только жить, чтобы видѣть, — съ картошкой-ли, кислой капустой, въ избѣ-ли, свободнымъ-ли, связаннымъ-ли, — безразлично: пусть стихіи взвихрятъ и забросятъ — всегда останется душа, свѣжая и тихая!.. По землѣ ходили черная оспа и голодный тифъ. Утромъ приносили къ Николѣ покойниковъ, попъ Иванъ отпѣвалъ; иногда, заполднями, къ четыремъ часамъ, приносили крестить младенцевъ. Подъ праздникъ и въ праздникъ у Николы звонили колокола, слышанные еще татарами и Дмитріемъ Донскимъ, проходившими этими мѣстами къ Куликову полю, — тогда въ синемъ сумракѣ, отъ села на холмъ къ Николѣ тянулись черныя, согбенныя тѣни, несущія скорбь свою Богу. Каждый вечеръ на холмъ къ Николѣ приходили дѣвушки изъ села — пѣть по веснѣ и водить хороводы, метелить метелицу. Въ зеленыхъ сумеркахъ, за церковью, на холмѣ, надъ обрывомъ, дѣвушки въ пестрыхъ платьяхъ пѣли старинныя наши пѣсни и около нихъ взъерошенными черными силуэтами стояли парни. Первый же вечеръ постучали Андрею въ оконце.

— Андрюша. Выходи гулять, — разсмѣялись и прыснули отъ оконъ.

Андрей вышелъ къ избѣ, въ зеленомъ теплзомъ мракѣ слышалъ сдавленные голоса.

— Что надо, изъ Ветрограда?!

— Андрюша! Выходи, не бойся!.. Ѣсть нечего — жить весело! Метелицу играть будемъ!..

Стала на минуту тишина, вдалекѣ кричали коростели, затѣмъ зазвенѣла «наборная»:

«Стоитъ олочка на горочкѣ,
На самой высотѣ!
Создай, Боже, помоложе —
По моей по красотѣ!...»

Вечеръ былъ тихій и ясный, съ бѣлыми звѣздами. Никола, что на Бѣлыхъ Колодезяхъ, — церковь казалась синей, строгой, высокая черная ея крыша и крестъ уходили въ небо, къ бѣлымъ звѣздамъ. Были надъ Окою тишина и миръ.

Андрей принялъ революцію, — попъ Иванъ пошелъ въ нее. Тридцать лѣтъ попъ Иванъ пилъ горькую. Пришла иная година — Второе Смутное время, — попъ Иванъ съ краснымъ крестомъ пошелъ ставить правду, правду искалъ своими путями, божьими, очень помнилъ старую иконописную Русь. Вечерами къ Ивану приходили для бесѣдъ, былъ горячъ, какъ протопопъ Аввакумъ, былъ въ коммунистической партіи, но былъ и въ тюрьмѣ. Въ тотъ вечеръ, когда пришелъ Андрей, ловили кригою рыбу. Вода была быстрая, свободная, мутная, шелестѣла, точно дышала. Долго были болотно зеленыя сумерки съ бѣлыми конями облаковъ, затѣмъ пришла черная ночь, холодная и влажная, рѣка стала черной, углубленной. Стояли у суводи, нитку держалъ попъ Иванъ, вода кружилась воронками, шипѣла, шалыя щуки, метая икру, били сѣть сильно, — Андрей ловилъ ихъ на лету, холодныхъ и склизкихъ, блестящихъ подъ звѣздами сталью. Былъ смутный весенній шумъ, и все же стояла тишина, та, которую творитъ ночь.

— Домекни-ка, — попъ Иванъ сказалъ шопотомъ, — когда пошла эта крига?.. Думаешь, топерь выдумали? Какъ?. . .

— Не знаю.

— А я думаю, что ей и прадѣды наши ловили. Какъ?.. Когда Николу ставили, — пятьсотъ лѣтъ тому, — тогда крига уже была... Тутъ допрежь монастырь былъ, пятьсотъ лѣтъ стоялъ, разбойникъ его поставилъ, Редедя, — ну вотъ, говорю, монастырь этотъ сколько разъ татары брали. За это меня изъ коммунистовъ прямо въ кутузку.

— За что?

— Ходила Россія подъ татарами, — было татарское иго. Ходила Россія подъ Петромъ антихристомъ, Катериной — нѣмкой, Александрами, Николаями, — было нѣмецкое иго. Россія сама себѣ умная. Нѣмецъ — онъ умный, да умъ-то у него дуракъ, — про ватеры припасенъ. Говорю на собраніи: нѣтъ никакого интернаціонала, а есть народная русская революція, Второе Смутное Время, и больше ничего. «А Карла Марксовъ?» — спрашиваютъ. — «Нѣмецъ, говорю, а стало быть — дуракъ». «А Ленинъ?» Съ Ленинымъ, говорю, не знакомъ, не представлялся. Мужики дѣлаютъ революцію, а не Ленинъ. Должны, говорю, трезвонить колокола объ освобожденіи отъ ига. Мужикамъ — землю. Купцовъ — вонъ, помѣщиковъ — вонъ, поповъ — вонъ. Попы, говорю, не на высотѣ призванія, — шкурники. Учредилку — вонъ, а надо Земскій Соборъ, чтобы всѣ приходили, кто хочетъ, и подъ небомъ рѣшали. Чай — вонъ, кофій — вонъ! — Брага. Чтобы была вѣра и правда. Столица — Москва. Попы избранные. Вѣрь во что хошь, хоть въ чурбанъ. Ну, меня за дисциплину — прямымъ манеромъ въ кутузку.

Плеснулась въ черной водѣ щука и ушла, испугавшись голоса громкаго отца Ивана.

— Экъ расшумѣлся! — сказалъ шепотомъ. — Вотъ Шекспирова Гамлета ты читалъ, а русскую метелицу, что дѣвки водятъ, не знаешь. Или по-

ложимъ, «Во субботу день ненастный»... Знаешь? Какъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— То-то...

Ночь шла черная, настороженная, гулкая, шелестѣлъ слитный шелестъ струй, булькала заводь. Ночь была подъ праздникъ и когда шли домой, въ разсвѣтной мути, — къ церкви, гдѣ древнимъ звономъ звонили колокола, тянулись черныя согбенныя человѣческія тѣни.

— Будетъ день, пойдутъ толпами. Погоди. Ко красному звону. Народъ дѣлаетъ революцію, черная кость, мужикъ. Погоди... Ленинъ, — онъ умный!.. Щучекъ поймали первобытнымъ способомъ, — ты пожарь.

III.

Проходилъ апрѣль, шелъ май, отцвѣли черемуха, сирень, ландыши, пѣли въ заросли подъ усадьбою соловьи. Анархисты, что пріѣхали ночью, неизвѣстно откуда, нежданно, негаданно, ночью же устраивались жить, жилыми сдѣлали флигеля и рабочимъ главный домъ. Надъ фронтономъ рѣялъ флагъ: «да вѣетъ черное знамя свободныхъ». Были дни разгрома Украйны, наступленія донцовъ, чехословацкаго бунта. Въ поляхъ, деревняхъ отходила навозница, пахали, сѣяли яровые, бороновали, сажали картошку. Анархисты на второе же утро, въ синихъ рабочихъ блузахъ и въ кэпи, выѣхали въ поле работать. Вскорѣ Андрей ушелъ къ анархистамъ въ коммуну. Въ первый же день попъ Иванъ ходилъ на усадьбу, чтобы ознакомиться, и нашелъ тамъ себѣ друга, казака-студента Павленку. Вечеромъ Павленко побывалъ у попа Ивана, они сидѣли на ступенькахъ паперти и говорили. Днемъ прошелъ поспѣшный весенній дождь на четверть часа, облака еще не разошлись, вечеръ былъ парнымъ, смутнымъ, тихимъ. Андрей сидѣлъ у окна въ избѣ, попъ Иванъ

и Павленко виднѣлись смутно, сосны и церковный крестъ сливались съ небомъ.

— Антихристъ Петръ, — говорилъ Павленко сороковедернымъ басомъ, — разорвалъ Россію на пополамъ, приставилъ къ народу опекуновъ.

— Разорвалъ? Опекуновъ? Во-во! — говорилъ попъ.

— У Россіи есть опекуны — Стенька Разинъ, Емельянъ Пугачевъ. Россію аршиномъ не вымѣришь.

— Не вымѣряешь, нѣтъ.

— Сейчасъ мы съ Украйны, отецъ, съ нѣмцемъ дрались. А до этого я колесилъ на Кавказѣ, на Дону, въ Сибири. Вся Россія поднялась, — океанъ, взбаломученное море. Каждая изба поднялась.

— Взбаломученное море, во-во! Вотъ къ этой церкви пойдетъ Степанъ Тимофеевичъ, нищая она. наша, не Петромъ ставленная.

Затѣмъ попъ Иванъ и Павленко ушли къ рѣкѣ. Ночью была первая гроза, шла съ востока, громыхала, свѣтила молніями, дождь прошелъ грозный, поспѣшный, нужный для зеленей. Андрей бродилъ по откосамъ, сосны качали вершинами, во мракѣ подошелъ отецъ Иванъ въ развѣянной рясѣ, со спутанными волосами, безъ шляпы, съ орѣховымъ подожкомъ.

— Гроза. Въ церкви — слышишь? — отъ вѣтра колокола гудятъ. Татары слышали.

У анархистовъ встрѣтилъ Андрея дозорный.

— Кто идетъ?

Попъ Иванъ отвѣтилъ паролью: — «Гайда».

Дорога отъ воротъ со львами пролегала около каменнаго забора, съ вазами на столбахъ, огораживавшаго паркъ; по косогору шли тропки къ огороду на лугъ, къ Мезенкѣ и къ Окѣ. За купами деревьевъ, за зеленымъ плацемъ, стоялъ хмурый колонный домъ и по бокамъ тянулись флигеля; на крыльцѣ, изъ-за колоннъ смотрѣлъ тупорылый пулеметъ,

Максимъ. На дворѣ никого не было. Тропинкой обогнули домъ, зарослями миндаля и сирени пробрались на терассу. Въ столовой за длинными столами сидѣли анархисты, кончали ужинать. Послѣ ужина пили на терассѣ чай. Николай со станціи привезъ почту, вслухъ читали газеты. Пригнали коровъ, женщины пошли доить. Павленко ушелъ въ ночное. Уже былъ поздній часъ, но блѣдное небо еще зеленѣло. Отъ Мезенки, на лугу поползъ туманъ. Многіе пошли спать, чтобы встать завтра на зарѣ. Андрей сидѣлъ съ товарищемъ Юзикомъ, иниціаторомъ коммуны, въ кабинетѣ, со свѣчей; стѣны блестѣли золочеными корешками книгъ.

— Это мы съ вами тогда говогили о звѣздахъ? — спросилъ Юзикъ.

— Да, да, я помню этотъ разговоръ.

— Нигдѣ нѣтъ такихъ звѣздъ, какъ въ Индійскомъ океанѣ — Южный Кгестъ... Я исколесилъ весь міръ и нигдѣ нѣтъ такой стганы, какъ Госсія. Мы пгіѣхали сюда, чтобы жить на землѣ, чтобы дѣлать жизнь. Какъ здѣсь хогошо, и какія книги въ этихъ шкафахъ, книги собигались два столѣтія. — Юзикъ помолчалъ. — Но, знаете, — стганно — этотъ домъ мнѣ чуждъ, онъ гнететъ. Въ этомъ домѣ жили чужіе. Здѣсь у насъ только читальная, столовая, кабинетъ, библіотека... Съ точки зрѣнія европейцевъ, мы, гусскіе, пегеживаемъ сгедневѣковье.

Вошелъ Оскерко, товарищъ Леля и Аганька. Аганька принесла кувшинъ молока и овсяныхъ лепешекъ. — Кто хочетъ?

Перешли въ гостиную. Леля играла на рояли. Въ гостиной въ тщательномъ порядкѣ стояла золоченая мебель стиля ампиръ, сиротливо горѣла свѣча у рояля, за аркой былъ совершенно пустой залъ. Окна гостиной и дверь на терассу были открыты. Подъ откосомъ, на лугу, у Мезенки на разные голоса кричали, шумѣли птицы и насѣкомыя,

точно въ оперѣ, передъ началомъ, когда настраивается оркестръ.

— Въ залѣ мы сдѣлаемъ аудитогію, будутъ нагодные вечера, концегты, хоговоды. — Юзикъ сталъ противъ Андрея. — Я — анагхистъ, я геволюціонегъ. Какъ хогошо смотрѣть на то, что твогится кгугомъ, какъ люди идутъ въ геволюцію. Эти замки должны быть нагодными академіями. — Юзикъ стоялъ, положивъ руки на талію, и Андрей любовался имъ, прекрасной его фигурой, стройной, какъ у англійской лошади, прекрасной его маленькой головой, съ покойно холодными, печальными глазами, которые вѣрно не измѣнятся никогда и одинаково взглянутъ на рожденіе и смерть. Андрей возвращался одинъ и, стоя у Николы, еще разъ пережилъ остро, больно и нѣжно всю ту радость, что творится революціей, мечтой, — пусть нелѣпой! — о правдѣ, о справедливости, о красотѣ — старыхъ пятивѣковыхъ церквей.

У анархистовъ Андрей поднимался съ зарей, — лѣтней безмѣрно ясной, — и онъ съ бочкой, на парѣ въ дышлахъ, мчался на рѣку за водой, ему помогала качать насосъ Аганька, накачавъ и напоивъ лошадь, они, раздѣленные кустомъ, купались, и Андрей увозилъ воду сначала на огородъ и въ паркъ, затѣмъ на кухню. Солнце поднималось красное и медленное, одежда мокла отъ влажной росы, изъ займищъ отъ Мезенки уходили послѣдніе клочья тумана. У Андрея были двѣ обязанности — онъ былъ садовникомъ и библіотекаремъ. До обѣда онъ былъ въ саду и паркѣ, окапывалъ, подрѣзывалъ, сажалъ, подпиралъ, его помощницей была Аганька. Въ двѣнадцать шабашили до трехъ, мужчины поднимали паръ, собирались къ обѣду, бронзовые отъ солнца, потные отъ труда, съ растегнутыми воротами. Послѣ обѣда, въ заполдневный жаръ отдыхали, и Андрей сладко спалъ эти часы. Съ трехъ Андрей сидѣлъ въ прохладныхъ угловыхъ комнатахъ библіотеки, рыл-

ся въ книгахъ, собираемыхъ два вѣка, любовался кожаными переплетами, папирусовой бумагой, старинными наивными завитушками, «т» похожими на «ш». Послѣ шести снова мчался Андрей на рѣку за водой, поливалъ цвѣтникъ до ужина, до девяти. Андрей никогда раньше не работалъ мышцами, — сладко ныли плечи, поясница и бедра, голова была легка, мысли ясны и тихи. Вечера приходили ясные и тихіе, Андрею хотѣлось спать, но онъ или сидѣлъ на терассѣ, или бродилъ по откосамъ, къ Николѣ. Всегда съ нимъ гуляла товарищъ Леля, курсистка изъ Кіева, плела вѣнки себѣ и ему, и, смѣясь, говорила Андрею — о томъ, что онъ такой же тихій, какъ василекъ. Проходили русальныя недѣли, женщины изъ коммуны съ Павленкомъ уходили къ Николѣ, на гулянки. Вечерами привозили газеты, газетчики писали о томъ, что соціалистическое отечество въ опасности, чехо-словаки брали Самару і Казань, — это казалось не важнымъ: кто измѣнитъ Россію? Вечерами мысли были легки и призрачны, преломленныя черезъ хрупкую жажду сна. Проходилъ іюль съ фарфоровыми жасминами, съ хрустальными іюньскими восходами, зори вечернія сливались съ утренними зорями, Андрей почти не спалъ, пришла тихая любовь. Ходили по землѣ черная оспа и голодный тифъ, — двое изъ коммуны умерло.

Днемъ работалъ Андрей съ Аганькой — и любовался ею. Аганька всегда была съ пѣснями и присказками, онъ не видалъ ея усталой и не зналъ, когда она спитъ. Невысокая, коренастая, босая, со смѣющейся рожей, она будила его зорями, прыская водой, уже подоивши коровъ. Послѣ трехъ, когда Андрей былъ въ библіотекѣ, она ходила на картошку, окапывать. Вечеромъ она «охмурялась» — сначала съ Павленкомъ, затѣмъ со Свиридомъ, потомъ со Стаськой. «Эхъ, кому какое дѣло, съ кѣмъ я ночку просидѣла!» Прошла Иванова ночь, жгли костры, пришелъ сѣнокосъ, Андрей съ Аганькой

вдвоемъ ворошили въ саду. Андрей останавливался покурить, Аганька играла граблями, бедрами, точно молодая лошадь, говорила озорно:

— Ты, Андрюша, не охмуряйся, а работай!

— Откуда ты, Аганька? Когда ты спишь, отдыхаешь?

— Откеда все: — отъ мамки.

— Не дури.

— Гдѣ ужъ намъ ужъ! Ты вороши, не охмуряйся. Ха!..

Въ Иванову ночь жгли костры. Была бѣлая в дьмовская ночь, жгли костры въ туманѣ у Мезенки, водили хороводы, прыгали черезъ огонь. Аганька скакала усердно, усердно пѣла, схватила за руку Андрея, устремилась съ нимъ во мракъ, къ займищамъ, остановилась, держась за руку, сказала быстро:

— Сердце болитъ. Танбовская я. Дочка у меня на родинѣ осталась. Въ прислугахъ ходила, — вольной жизни захотѣла. Сердце мое болитъ. Что-то дочка-т-ка?

И опять остервенѣло бросилась въ огонь, къ Стасику. Въ ту же Иванову ночь впервые Андрей увидѣлъ Анну. Тридцать лѣтъ, — тридцать лѣтъ Анны ушло навсегда, кануло, и была въ Аннѣ призрачность и трогательность — тѣ, что у осени въ золотой листопадъ и въ осеннія атласныя звѣздопадныя ночи. Андрей уходилъ въ ночное. Передъ разсвѣтомъ (бѣлая проходила, туманная, ворожейная Иванова ночь), — на лугу Андрей встрѣтилъ Анну, она шла одна, въ бѣломъ туманѣ, въ бѣломъ платьѣ. Андрей подошелъ и заговорилъ.

— Лошади ѣдятъ покойно, сыро — овода не мѣшаютъ. Идемте, я васъ перевезу на лодкѣ на ту сторону. Какой туманъ. Иногда хочется итти, — итти — въ туманъ. Андрей очень много говорилъ съ Анной въ матовый тотъ разсвѣтъ.

У Анны былъ мужъ, инженеръ на заводѣ. Все, что надо было изжить — тамъ, въ городѣ, съ мужемъ, было изжито, отжито, ненужно. Андрей не зналъ, что въ тотъ іюньскій восходъ Анна плакала. Надо жить. Мужъ никогда не пойметъ, что есть Россія съ ея Смутнымъ Временемъ, разиновщиной, пугачевщиной и восемнадцатымъ годомъ, со старыми церквами, иконами, былинами, обрядицами, съ ея степями и лѣсами, болотами и рѣками, водяными и лѣшими. Никогда не пойметъ истинной радости, — истинной свободы. Ничего не имѣть, отъ всего отказаться, какъ Андрей — не имѣть своего бѣлья. Пусть въ Россіи перестанутъ ходить поѣзда. Развѣ нѣтъ красоты, — въ лучинѣ, голодѣ, болѣстяхъ? Надо научиться смотрѣть на все и на себя — извнѣ, только смотрѣть, никому не принадлежать. Итти, итти. Анна ушла въ коммуну къ анархистамъ — навсегда, изжила радость страданія. Шелъ сѣнокосъ, страда. Ночей почти не было, ночами казалось, что нѣтъ неба надъ окскими поемами, полями, суходолами и лѣсами. Андрей совсѣмъ отвыкъ спать, міръ казался ему стекляннымъ, хрустальнымъ и хрупкимъ, какъ іюньскіе восходы. Анна работала вмѣстѣ съ Андреемъ, вмѣстѣ рылись въ старинныхъ книгахъ, Андрей цѣловалъ нѣжно и тихо руки Анны.

Аганька умерла отъ холеры, хоронилъ ее попъ Иванъ на погостѣ за Николой. Попъ Иванъ приходилъ вечерами къ Павленкѣ и они толковали о Богѣ, о правдѣ, о Россіи. Въ іюлѣ цѣлую недѣлю шли дожди, анархисты были въ домѣ и никогда Андрей не видалъ столько радости, радости бытія.

IV.

Коммуна погибла сразу, въ нѣсколько дней, въ августѣ. Шли дожди, ночи по осеннему были тихи и глухи, — и ночью пріѣхали въ коммуну неизвѣстные, вооруженные, въ папахахъ и буркахъ, ихъ привелъ неизвѣстный черномазый товарищъ Гэрри.

За недѣлю до этого ушелъ изъ коммуны товарищъ Шура Стеценко, онъ вернулся съ Гэрри. Въ сумерки прошла гроза, шелъ дождь, шумѣлъ вѣтеръ. Андрей уѣзжалъ съ утра на дальнее поле, въ сумерки онъ засталъ въ библіотекѣ Юзика и Гэрри, они топили каминъ, жгли бумаги. Юзикъ стоялъ, разставивъ тонкія свои ноги, положивъ руки на талію, Гэрри, въ папахѣ, сидѣлъ на корточкахъ противъ огня.

— Вы не знакомы, — товагищъ Андрей, товагищъ Гэгги.

Гэрри молча подалъ огромную руку и сказалъ Юзику по англійски. Юзикъ презрительно пожалъ плечами и промолчали.

— Товарищъ Андрей не понимаетъ англійски, — сказалъ Юзикъ.

— Вы менэ простите, товарищъ Андрей, но я очень усталъ, — губы Гэрри, не приспособленныя къ улыбкѣ, растянулись въ усмѣшку, но смоляные его глаза по прежнему остались тяжелы и холодны, очень сосредоточенные.

— Гэгги пгіѣхалъ съ Укгайны, тамъ ского будетъ возстаніе, мы съ Гэгги вмѣстѣ долго голодали въ Канадѣ. Затѣмъ на Укгаинѣ я спасъ ему жизнь. Когда гайдамаки бгали Екатегинославъ. Гэгги, не умѣя наводить, стгелялъ по гогоду изъ пушки, — не умѣя наводить. Гэгги, говогятъ, ты былъ пьянъ? Гэгги схватили и хотѣли разстгѣлять. Но вечегомъ пгишелъ я со своимъ отгядомъ и спасъ жизнь Гэгги. Я очень люблю жизнь, товагищъ Гэгги, — какъ и ты. Я ничего не хочу отъ дгугихъ, но я не позволю тгонуть меня.

— Товарищъ Юзэфъ, когда придетъ старость, ми будемъ вспоминать. Ти очень фразиченъ.

— Я очень люблю жизнь, Гэгги, ибо у меня свободная воля.

— Ти очень фразиченъ, товарищъ Юзэфъ.

— Пусть такъ, — Юзикъ пожалъ презрительно плечемъ.

Гэрри всталъ разминая мышцы. Огонь въ каминѣ горѣлъ палевыми огнями, стухалъ. Юзикъ стоялъ неподвижно, съ руками на тонкой своей высокой таліи, смотрѣлъ въ огонь.

Въ кабинетъ вошли Оскерка, Стасикъ, Николай, Свиридъ, Леля, Дося, Анна. Павленко въ гостиной заигралъ на рояли гопака, сейчасъ же оборвалъ. Леля подошла сзади къ Юзику, положила руки ему на плечи, прислонила голову и сказала:

— Милый товарищъ Юзикъ! Не надо грустить. Какой дождь! Мы собрались, чтобы провести вмѣстѣ этотъ вечеръ.

Вошелъ Павленко въ халатѣ съ кистями, рявкнулъ:

— Юзка, не хмурься. Хиба-жъ ты дуракъ?

Юзикъ повернулся и громко сказалъ, покойно и презрительно:

— Товагищи! Шуга Стеценко — не товагищъ и не геволюціонегъ. Онъ пгосто бандитъ. Гэгги — нашъ гость. Давайте веселиться.

Въ коммунѣ, въ старомъ графскомъ домѣ веселились безшабашно, задорно и молодо. За окнами сталъ черный мракъ, хлесталъ дождь и шумѣлъ вѣтеръ. Въ гостиной зажгли кенкеты, послѣдній разъ зажигавшіяся вѣрно при графѣ, танцовали, пѣли, играли въ наборы, метелили метелицу. Павленко и Леля таинственно принесли окорокъ, бутылки съ коньякомъ и водками и корзину яблокъ. Гэрри и съ нимъ пріѣхавшихъ не было, и отъ того, что за стѣнами были чужіе, отъ того, что надъ землей шли осеннія уже холодныя облака, — было въ залѣ особенно уютно и весело. Варили жженку, обносили всѣхъ чарочкой, разбредались по разнымъ угламъ и собирались вновь, шутили, спорили, говорили о свободѣ.

Разошлись за полночь.

Андрей выходилъ на терассу, слушалъ вѣтеръ, слѣдилъ за мракомъ, думалъ о томъ, что земля идетъ къ осени, къ сѣрой нашей тоскливой осени, застрявшей въ туманныхъ, желтыхъ суходолахъ. Въ гостиной всѣ уже разошлись, Юзикъ говорилъ Оскеркѣ:

— Надо вездѣ поставить сттажу. Въ домѣ пгикгоются — ты, Павленко, Свигидъ, Василiй и Костя. Съ винтовками и бомбами. — Юзикъ повернулся къ Андрею, улыбнулся. — Товагищъ Андгей. Мы съ вами будемъ ночевать здѣсь въ угловой, въ диванной. Будьте добгы. Гости размѣстились въ нашемъ флигелѣ. Я васъ пговожу.

Въ угловой, у зеркала, мутно горѣла свѣча. Съ двухъ сторонъ въ большiя окна, закругленныя вверху, дулъ вѣтеръ; вѣрно рамы были плохо прикрыты, — вѣтеръ ходилъ по комнатѣ, свистѣлъ уныло. Юзикъ долго умывался и чистился. Затѣмъ обратился къ Андрею:

— Будьте добгы, товарищъ Андгей, пгимите покой. Я буду занятъ еще полчаса. — Взялъ свѣчку и ушелъ, свѣчку оставилъ въ сосѣдней комнатѣ, въ кабинетѣ, шаги стихли вдалекѣ. Свѣчной тусклый свѣтъ падалъ изъ-за портьеры.

Долго была тишина. Андрей легъ на диванъ. И вдругъ въ кабинетѣ заговорили — обратныхъ шаговъ Андрей не слышалъ.

— Юзикъ, ты долженъ сказать все, — сказалъ Павленко.

— Тише, — голоса второго Андрей не узналъ.

— Хогошо, я скажу, — Юзикъ говорилъ шепотомъ, долго, покойно, отрывки Андрей слышалъ.

— ... Гегги и Стеценко подошли ко мнѣ, и Гегги сказалъ: «ты агестованъ», но я положилъ руку въ кагманъ и отвѣтилъ: «товарищъ Гэгги, я также люблю жизнь, какъ и ты, и каждый, кто подниметъ гу-

ку, умгетъ пгежде меня». Я сказалъ и пошелъ, а они остались стоять, потому что они бандиты и тгусы...

— ... Гэгги тгебуетъ тотъ милліонъ, что мы взяли въ экспгопгіаціи Екатеринославскаго банка. Гэгги забылъ Канаду...

— ... Я ему ничего не дамъ, меня годила геволюція и кговь.

Шепотъ былъ дологъ и томителенъ, затѣмъ Юзикъ громко сказалъ, такъ, какъ всегда:

— Павленко, пгишли ко мнѣ Гэгги. Скажи Свигиду и Кащенко, чтобы они скгылись въ этой комнатѣ, съ огужіемъ.

Шаги Павленки стихли, стала тишина, пришли двое, бряцая винтовками, Свиридъ сталъ за портьеру околю Андрея. Затѣмъ издалека загремѣли тяжелые шаги Гэрри.

— Товаришъ Юзэфъ, ти мене звалъ?

— Да. Я хотѣлъ тебѣ сказать, что ты ничего отъ меня не получишь. И я пгошу тебя сейчасъ же покинуть коммуну, — Юзикъ повернулся и четкими шагами пошелъ въ угловую.

— Товаришъ Юзэфъ!

Юзикъ не откликнулся, на минуту былъ слышенъ вѣтеръ, забоцали обратно кованные сапоги Гэрри. Андрей сдѣлалъ видъ, что спитъ. Юзикъ безшумно раздѣлся и легъ, сейчасъ же захрапѣлъ.

На разсвѣтѣ Андрея разбудили выстрѣлы. Бахъ, бахъ, — грянуло въ сосѣдней комнатѣ, издалека отвѣтили залпомъ, донеслись выстрѣлы съ улицы, на крыльцѣ затрещалъ пулеметъ и сейчасъ же стихъ. Андрей вскочилъ, но его остановилъ Юзикъ. Юзикъ лежалъ на кровати со свѣшенною рукой, въ которой былъ зажатъ браунингъ.

— Товагищъ Андгей, не волнуйтесь. Это недогазумѣніе.

Утромъ въ коммунѣ никого уже не было. Домъ, дворъ, паркъ, были пусты. Анна сказала Андрею, что въ сторожкѣ у воротъ со львами лежатъ убитые — Павленко, Свиридъ, Гэрри, Стеценко и товарищъ Леля.

Днемъ въ коммуну пріѣхалъ нарядъ солдатъ отъ Совдепа.

V.

Послѣднюю ночь Андрей провелъ у Николы, что на Бѣлыхъ Колодезяхъ, съ попомъ Иваномъ. Попъ Иванъ ходилъ вечеромъ осматривать жерлицы, принесъ щуку и варили уху. Сидѣли съ лучиной, ночь пришла черная, глухая, дождливая. Уху варили безъ соли. Андрей ходилъ на ключъ за водой. У Николы на колокольнѣ гудѣли уныло, отъ вѣтра, колокола, церковь во мракѣ казалась еще больше вросшей въ землю, еще болѣе дряхлой. Шумѣли сосны. И отъ сосенъ изъ мрака подъѣхалъ всадникъ, въ папахѣ, буркѣ и съ винтовкой.

— Кто ѣдетъ?

— Гайда.

— Юзикъ?

— Это вы, товагищъ Андгей? — Юзикъ остановилъ лошадь. — Я къ вамъ и къ отцу Ивану. — Помолчалъ. — Вамъ надо уйти отсюда. Утгомъ васъ схватятъ и, должно быть, газстгѣляютъ. Я за вами. Идите къ намъ. Завтга мы уходимъ отсюда — на Волгу.

Попъ собирался не долго, безшумно, заходилъ къ Николѣ, клалъ земные поклоны, взялъ крестъ и древнюю библію. Андрей былъ съ Юзикомъ около сосенъ. Юзикъ молчалъ. Когда пришелъ съ мѣшечкомъ попъ Иванъ, Юзикъ, прощаясь съ Андреемъ, сказалъ:

— Ского уже осень. Нѣтъ звѣздъ, міговая тюгьма — помните? Дай Богъ вамъ всякаго счастья. Жить!

Попъ Иванъ влѣзъ на лошадь сзади Юзика.

На разсвѣтѣ Андрей былъ уже на станціи, протискивался къ мѣшечникамъ въ теплушку. Въ разсвѣтной сѣрой мути сиротливо плакалъ ребенокъ и томительно однообразно кричалъ переутомленно веселый голосъ:

— Гаврила, крути-и! Крути-и, Гаврю-юшка-а!..

Поѣздъ стоялъ очень долго, затѣмъ медленно тронулся, томительный и грязный, какъ свинья.

Февраль, 1919 г.

ПОЛЫНЬ.

I.

Возвращаясь, поднялись на лысую вершину, къ раскопкамъ. Запахло горько полынью, полынь обросла холмъ серебряною пыльной щетиной, пахнула горько и сухо. Съ пустынной вершины было видно на сорокъ верстъ кругомъ, подъ холмами текла Волга, вдалекѣ, за холмами, лежалъ вымирающій городъ съ рѣдкими огнями, съ вымирающимъ частоколомъ трубъ. Изъ степи повѣяло сушью.

Остановились, чтобы проститься, — и замѣтили: отъ балки къ раскопкамъ, съ той стороны, бѣжали гуськомъ широкой неспѣшной побѣжкой, голыя женщины, съ распущенными косами, съ черными впадинами лобковъ, съ метелками ковыля въ рукахъ. Женщины безмолвно добѣжали до раскопокъ, обѣжали древнія развалины и повернули къ обрыву, къ балкѣ, къ селу за балкой, поднимая полынную пыль.

Заговорилъ Баудекъ:

— Въ пятнадцати верстахъ — портовый областной городъ, а здѣсь сохранилось повѣрье, которому тысяча лѣтъ. Дѣвушки обѣгаютъ свою землю, заговариваютъ своимъ тѣломъ и чистотой. Это недѣля Петра-Солнцеворота. Кто придумаетъ: — Петра Солнцеворота ! . . Это прекраснѣе раскопокъ. Сейчасъ полночь. Быть можетъ, это онѣ заговариваютъ насъ. Это тайна дѣвушекъ.

Опять изъ степи повѣяло сушью. Въ безмѣрномъ небѣ упала звѣзда, — приходилъ уже іюльскій звѣздопадъ. Кузнечики звенѣли сухо и душно. Пахло горько полынью.

Простились. Прощаясь, Баудекъ задержалъ руку Натальи, сказалъ глухо:

— Наталья, необыкновенная, когда вы будете моею?

Наталья отвѣтила не сразу, тихо:

— Оставьте, Флоръ.

Баудекъ пошелъ къ баракамъ. Наталья вернулась къ обрыву, узкой тропинкой, заросшей калиной и кленами, спустилась въ усадьбу, въ коммуну. Ночь не могла утолить жажду испепеляющаго дня, въ ночи было много жажды и зноя, сухо блестѣли потускнѣвшимъ серебромъ — трава, дали, Волга и воздухъ. Отъ кремнистой тропинки поднималась сухая пыль.

У коннаго двора лежалъ Свиридъ, напѣвалъ, глядя въ небо:

Волга — Волга, — мать рика-а!
Бей па-а рожи Калчи-ка-а!
Волга — Волга, — во-дя-ниста!
Бей па-а рожи комму-ниста!..

Замѣтилъ Наталью, сказалъ:

— Ночь теперь, товарищъ Наталья, нѣтъ возможности уснуть, въ любору бы сыграть. Всѣ коммунисты въ растеніяхъ. Къ капателямъ ходили? — говорятъ, городъ выкапываютъ, — время теперь такое, до всего докапываются. Да. — И снова запѣлъ:

Волга — Волга, мать-ри-ка-а...

— Газеты изъ города привезли. Очень здѣсь полынкой пахнетъ. Страна.

Наталья прошла въ приземистую читальню (у помѣщиковъ была она гостиной), зажгла свѣчу, тусклый свѣтъ масляно отразился въ пожелтѣвшихъ деревянныхъ колонкахъ. Еще по старинному стояли шкафчики въ скатерткахъ, точеныя этажерки, на

окнахъ висѣли кружевныя занавѣски, домашняго плетенья. Низкая мебель стояла въ порядкѣ тщательномъ и наивномъ.

Склонила голову, упали тяжелыя косы, — читала газеты. И газеты изъ города на коричневой бумагѣ, и газеты изъ Москвы на синей бумагѣ изъ опилковъ, — были наполнены смятеніемъ и горечью. Не было хлѣба. Не было желѣза. Были голодъ, смерть, ложь, жуть и ужасъ.

Вошелъ Семенъ Ивановичъ, старый революціонеръ, съ бородою, какъ у Маркса, опустился въ кресло, непокойно закурилъ собачку.

— Наталья.

— Да.

— Я былъ въ городѣ. Вы представляете, что творится? Ничего нѣтъ! Зимою всѣ умрутъ отъ голода и замерзнутъ. Вы знаете, въ Россіи нѣтъ какой то соли, безъ которой нельзя варить стали, безъ стали нельзя дѣлать подпилковъ, нечѣмъ точить пилы, и, стало быть, нельзя пилить дрова, — отъ какой-то соли! Жутко! Вы чувствуете, какая жуть,— какая жуткая, глухая тишина. Взгляните — естественнѣе смерть, чѣмъ жизнь, чѣмъ рожденіе. Кругомъ смерть, голодъ, цинга, тифъ, оспа, холера... Лѣса и овраги кишатъ разбойниками. Вы слышите — мертвая тишина. Смерть. Въ степи есть села, которыя вымерли до тла, мертвецовъ никто не хоронитъ, и среди смрада ночами копошатся дезертиры и собаки... Русскій народъ!..

Въ комнатѣ Натальи, въ мезонинѣ, въ углу стояло распятіе, съ пучками травъ, заткнутыми за него. Зеркало, на пузатомъ туалетѣ краснаго дерева, со старинными нужными бездѣлушками, пожутнѣло и полупилось. Ящикъ отъ туалета былъ раскрытъ: оттуда еще пахло по помѣщичьи, воскомъ, и на днѣ валялись пестрые шелковые лоскутья, — въ этой комнатѣ раньше жила дѣвушка, дочь помѣщика. Лежали коврики и дорожки. За оконцами широко

видно было Волгу, за нею, за займищами — степь, Медынскій лѣсъ, — заволжье, — подумалось, что зимою весь этотъ пустой просторъ бѣлъ отъ снѣговъ. Наталья стояла у окна долго, переплетала косы, скинула сарафанъ, была въ бѣлой одной рубашкѣ. Думала — объ археологѣ Баудекѣ, о Семенѣ Ивановичѣ, о себѣ,— о революціи,— о ея горечи — своей горечи.

Первыми о разсвѣтѣ сказали стрижи, летали въ желтоватомъ сухомъ мракѣ, щебеча. Пролетѣла послѣдняя летучая мышь. Съ разсвѣтомъ горько запахло полынью, и Наталья поняла: полынью, горькимъ ея сказочнымъ запахомъ, запахомъ живой и мертвой воды, пахнутъ не только степные іюли, пахнутъ — всѣ наши дни. Горечь полыни — дней нашихъ горечь. Но полынью же бабы изъ избъ изгоняютъ чертей и нечисть. Русскій народъ, — вспомнила. Въ апрѣлѣ, на маленькой степной станціи, гдѣ были небо, степь, пять тополей, рельсы и станціонная изба, примѣтила троихъ, двухъ мужиковъ и ребенка. Всѣ трое были въ лаптяхъ, старикъ въ полушубкѣ, а дѣвочка полуголой. У всѣхъ были носы, вѣрно говорящіе, что въ ихъ крови есть и чувашъ, и татаринъ. У всѣхъ троихъ были испитыя лица. Меркнулъ широкій желтый закатъ. Лицо старика походило на избу, какъ соломенная крыша, падали волосы, подслѣповатые глаза (тусклыя оконца) неподвижно смотрѣли на западъ, какъ тысяча лѣтъ. И въ этихъ глазахъ было безмѣрное безразличіе, — или, быть можетъ, мудрость вѣковъ, которую нельзя понять. Наталья тогда думала: — вотъ подлинный русскій народъ, эти вотъ испитые, сѣрые, проѣденные грязью и потомъ, съ лицами жуткими, какъ изба, съ волосами, какъ соломенная крыша. Старикъ глядѣлъ на западъ, другой сидѣлъ неподвижно, подогнувъ ногу и положивъ на нее голову. Дѣвочка спала, разметавшись по асфальту, захарканному и заплеванному подсолнечной шелухой. Молчали. И

смотрѣть на нихъ было жутко и томительно, — на тѣхъ, которыми и именемъ которыхъ творится революція... Народъ безъ исторіи, — ибо гдѣ исторія русскаго народа — народъ, создавшій свои сказки, свои пѣсни, свои напѣвы... Потомъ эти, мужики, случайно забрели въ коммуну, пѣли какъ калики, кланялись, просили милостыню, разсказывали, что они «володимерски», пригналъ ихъ голодъ, въ степи въ первый разъ, ходятъ по степи ради Христа: дома оставили заколоченныя избы, съѣли все, даже лошадей. И Наталья замѣтила: съ нихъ падали вши.

На дворѣ зашумѣли ведрами, женщины пошли доить. Пригнали изъ ночного лошадей. Семенъ Ивановичъ, не спавшій ночи, подмазывалъ со Свиридомъ телѣгу, собирался въ поемы за сѣномъ. Шумѣли подросшіе уже цыплята. Пришелъ день, жаромъ своимъ испепеляющій землю, когда надо было испить его жажду, чтобы вечеромъ идти за иной полынью, полынью Баудека, — за горечью радости, ибо никогда не было у Натальи этой радости полынной, и принесли ее эти дни, когда надо жить — сейчасъ или никогда.

II.

Волга изгибалась круто, выступалъ въ Волгу пустынный холмъ, лысый, по обрывамъ лишь обросшій калиною, стоялъ надъ Волгой высоко, одинокій, видный на сорокъ верстъ. Вѣка сохранили за нимъ свое имя — Увѣкъ.

На вершинѣ Увѣка люди замѣтили развалины и курганы, — археологъ Баудекъ съ артелью тверскихъ мужиковъ, раньше бурлачившихъ на Волгѣ, пришелъ ихъ раскапывать. Раскопки длились третью недѣлю, и изъ земли выходили вѣка. На Увѣкѣ нашли остатки древняго города, шли уступами каменные остатки водоподъемниковъ, фундаменты строеній, канализація, — скрытое известнякомъ и черноземомъ это осталось — не отъ скифовъ, не отъ бул-

гаръ, — кто-то невѣдомый приходилъ сюда изъ Азіатскихъ степей, чтобы поставить городъ и исчезнуть изъ исторіи — навсегда. А за ними, за тѣми невѣдомыми, были здѣсь скифы, и они оставили свои курганы. Въ курганахъ, въ каменныхъ склепахъ, въ каменныхъ гробницахъ, лежали человѣческіе костяки, въ одеждахъ, разсыпающихся отъ прикосновенія, какъ пепелъ, съ мечемъ, съ серебряной вазой, гдѣ лежали арабскія монеты, съ кувшинами и блюдами, украшенными наѣздниками и охотниками, гдѣ нѣкогда была пища и питье, — съ костями коня у ногъ, съ сѣдломъ, отдѣланнымъ золотомъ, костью и камнями, и кожа у котораго стала, какъ мумія. Въ каменныхъ склепахъ было мертво, ничѣмъ не пахло и каждый разъ, когда надо было входить въ нихъ, мысли становились четкими и покойными, и въ душу проходила скорбь. Вершина Увѣка облысѣла, серебряной пыльной щетиной въ испепеляющемъ дневномъ знoѣ поросла полынь, пахнула горько. Вѣка.

Вѣка учатъ такъ же, какъ звѣзды, и Баудекъ зналъ радость горечи. Понятія археолога Баудека спутались вѣками. Вещь всегда больше говоритъ не о жизни, но объ искусствѣ, и бытъ — есть уже искусство. Жизнь мѣрилъ Баудекъ художествомъ, какъ и всякій художникъ.

Здѣсь на Увѣкѣ, землекопы просыпались съ зарей, кипятили въ котлѣ воду. Копали. Въ полдни привозили изъ коммуны обѣдъ. Отдыхали. Снова копали, до вечерней зари. Тогда жгли костеръ и сидѣли около, толкуя, пѣли пѣсни . . . За балкой, на селѣ — пахали, косили, ѣли, пили и спали, чтобы жить, — такъ же, какъ и подъ обрывомъ, въ коммунѣ, гдѣ тоже трудились, ѣли и спали. И еще, кромѣ этого, всѣ испивали и хотѣли испить покой и радость. Шелъ знойный іюль, испепеляя дни, какъ всегда, дни были слишкомъ прозрачны и томительны — ночи приносили покой и ту смуту, что есть только у ночей.

Одни раскапывали землю, сухой суглинокъ, промѣшанный кремнями и чертовыми пальцами, другіе отвозили ее на тачкахъ, просѣивали на рѣшетахъ. Дорылись до каменнаго входа. Баудекъ съ помощниками осторожно разбиралъ камни. Склепъ былъ теменъ. Ничѣмъ не пахло. Гробница стояла на возвышеньи. Зажгли фонарики. Зарисовали. Освѣтили магніемъ—сфотографировали. Было тихо и безмолвно. Сняли десяти-пудовую позеленѣвшую крышку.

— Лежалъ этотъ человѣкъ, быть можетъ, двѣ тысячи лѣтъ, двадцать вѣковъ.

Другіе у обрыва, на веретіи окапывали остатки круглаго нѣкоего сооруженія, камни котораго не засорило еще время, лежали они наверху, надъ землей: эту развалину ночью обѣгали дѣвушки.

Круто падалъ Увѣкъ. Подъ Увѣкомъ пустыннымъ просторомъ шла Волга, вольная рѣка, за поемами зубчатой щетиной поднималась Медынь, Медынскій лѣсъ: — никто на Увѣкѣ не зналъ, кромѣ крестьянъ съ села, что въ Медыни засѣли дезертиры, зеленая разбойная армія, накопавшая землянокъ, наставившая шалашей, разсыпавшая по кустамъ своихъ дозорныхъ, съ пулеметами, винтовками, готовая, если тиснутъ ее, уйти въ степь, взбунтоваться, пойти на города.

III.

Солнце проходило свое знойное солнопутье, томилъ день зноемъ и звенящей тишиной, дрожали дали мелкою знойною дрожью, какъ расплавленное стекло. Въ заполденный уповодъ, въ отдыхъ, приходила на раскопки Наталья, сидѣла съ Баудекомъ подъ солнцемъ средь развороченной земли на опрокинутой тачкѣ. Жгло солнце, и на тачкахъ, на черноземѣ, на камняхъ, на палаткахъ, на травѣ лежали знойныя краски, точно пестрые лоскутья шелка.

Наталья говорила о знoѣ, о революціи, о дняхъ, — всею кровью своей почуяла и приняла революцію, хо-

тѣла творить ее, — и теперешніе дни принесли полынь, дни теперешніе пахнутъ полынью, — говорила, какъ Семенъ Ивановичъ. И еще, потому, что Баудекъ положилъ голову къ ней на колѣни, потому, что воротъ вышитой его рубахи былъ разстегнутъ, открывалъ шею, и былъ зной, — чуяла иную полынь, о которой молчала. И опять говорила, какъ Семенъ Ивановичъ.

Баудекъ лежалъ на спинѣ, полузакрывъ сѣрые свои глаза, держалъ Натальину руку, и когда она замолчала въ знoѣ, въ томленьи, заговорилъ:

— Россія. Революція. Да. Пахнетъ полынью — живою и мертвой водой. Да. Все гибнетъ. Нѣтъ путей. — Да . . . Вспомните русскую сказку — о живой и мертвой водѣ. Дурачекъ Иванушка совсѣмъ погибъ, у него ничего не осталось, ему нельзя было даже умереть. Дурачекъ Иванушка побѣдилъ, потому что съ нимъ была правда, правда кривду боретъ. Вся кривда погибнетъ. Всѣ сказки заплетаются горемъ, страхомъ и кривдой — и все распутывается правдой. Посмотрите кругомъ, — въ Россіи сейчасъ сказка. Сказки творитъ народъ, революцію творитъ народъ, — революція началась, какъ сказка. Развѣ не сказоченъ голодъ, и не сказочна смерть? Развѣ не по сказочному умираютъ города, уходя въ восемнадцатый вѣкъ? Посмотрите кругомъ — сказка. Пахнетъ полынью, потому что сказка. И у насъ, вотъ у насъ двоихъ, тоже сказка, — ваши руки пахнутъ полынью.

Баудекъ положилъ Натальину руку на глаза, поцѣловалъ тихо ладонь. Наталья сидѣла склонившись, упали косы, — опять почуяла остро, что революція для нея связана съ радостью, радостью буйной, съ той, гдѣ скорбь идетъ рядомъ, полынная скорбь. Сказка. Какъ въ сказкѣ Увѣкъ, какъ въ сказкѣ Медынь, какъ въ сказкѣ Семенъ Ивановичъ съ бородою Маркса, водяного-Маркса, злого, какъ кощей.

Тачки, палатки, земля. Увѣкъ, Волга, дали — блестѣли, горѣли, свѣтились знойными пятнами. Было кругомъ огненно, пустынно и безмолвно. Солнце на своемъ пути шло къ тремъ, понемногу вылѣзали изъ подъ тачекъ, изъ ямъ землекопы, одѣтые, какъ Богъ послалъ, въ розовые порты, въ штаны изъ мѣшковъ, прикрытыя рогожей, зѣвали, жмурились, пили изъ ведерокъ воду, свертывали цигарки.

Одинъ сѣлъ противъ Баудека, закурилъ, почесалъ открытую свою волосатую грудь, сказалъ неспѣша:

— Айда начинать, Флорычъ . . . Лошадь бы заложить, — Михайла, надо полагать, въ сыпѣ свалился, какъ бы не сбывшилюся.

Къ вечеру затрещали кузнечики. Наталья была на огородахъ, носила ведра, поливала гряды, капельками на лбу выступилъ потъ, и тѣло, напрягаясь подъ тяжестью ведра, ныло сладко, неизбытою крѣпостью. Капли воды брызгались на босыя ноги, и прохлада несла отдыхъ. Къ вечеру въ вишнякѣ запѣла малиновка и сейчасъ же умолкла, вспомнивъ объ іюлѣ. Летали лѣниво въ золотомъ воздухѣ послѣднія пчелы, направляясь къ пасѣкѣ. Ходила въ вишнякъ, ѣла рдяныя вишни, съ сокомъ, какъ кровь. Въ кустахъ росли голубые колокольчики и медвяница, — рвала по привычкѣ, плела вѣнокъ. У себя въ мезонинѣ, въ дѣвичьей комнатѣ, разбирала въ туалетномъ ящикѣ старые шелковые лоскутья, вдыхала запахъ воска и старинныхъ кислыхъ духовъ. Комнату свою увидѣла новыми глазами: въ комнатѣ былъ зеленоватый сумракъ и по полу шли легкія дрожащія тѣни, синія стѣны въ старинныхъ затѣйливыхъ узорахъ принимали въ старческое свое упокоеніе легко и просто. Стояла надъ тазомъ, плескалась холодной водой.

Зашумѣли шаги Семена Ивановича, — ушла отъ него, спустилась подъ обрывъ, лежала въ травѣ, съ закрытыми глазами.

Солнце ушло широкимъ желтымъ закатомъ.

IV.

Поздно ночью Баудекъ и Наталья пришли къ раскопкамъ. У палатокъ жгли костеръ, грѣли воду. Костеръ горѣлъ ярко, потрескивая, разметывая искры, и быть можетъ, отъ него ночь казалась душнѣе, чернѣе и четче. Далеко въ степи мигали зарницы. У костра грѣли котелъ, иные лежали, иные сидѣли.

— А роса въ ту ночь медвяна и лѣкарна, трава силу имѣетъ особенную, цѣлебную. И цвѣтетъ въ эту ночь, братчи, папортникъ. А идти въ этотъ лѣсъ надо, братчи, съ оглядкою, потому переходятъ той ночью деревья съ мѣста на мѣсто... Да...

Замолчали.

Кто-то всталъ посмотрѣть котелокъ, корявая тѣнь поползла по горѣ, упала за обрывъ. Другой взялъ уголь и, перекидывая его съ руки на руку, закурилъ. Было съ минуту очень тихо, и въ тишинѣ четко слышались сверчки. За костромъ въ степи полыхнула зарница, мертвый ея свѣтъ народился и исчезнулъ четко. Обвѣялъ степной вѣтерокъ, повѣялъ не зноемъ, а отдыхомъ, — и стало ясно, что изъ степи идетъ гроза.

Наталья и Баудекъ къ огню не подошли, сѣли на тачкахъ.

— А пришелъ я къ вамъ, братчи, — не дѣло затѣяли рыть эти мѣста. Потому, мѣсто эта, Увѣкъ, тайная, и всегда она пахнетъ полынью. При Степанѣ Тимофеевичѣ стояла здѣсь, на самой на веретіи, башня, и въ ту башню заточена была персицкая царевна, а персицкая та царевна, красоты неописанной, оборочалась сорокою, — по степи летала, народъ мутьянила, облютившись, какъ волкъ, черноту наводила. Дѣло эта старобытная... Прозналъ про то Степанъ Тимофеевичъ пришелъ къ башнѣ, посмотрѣлъ въ окошко — лежитъ царевна, спитъ, — не домекнулъ, что это тѣло ея лежитъ, а души-то нѣту при емъ. Летала она, душа-то, сорокой по землѣ. Призвалъ

Степанъ Тимофеевичъ попа, окропилъ окна святою водою... Ну, и летаетъ съ тѣхъ поръ по Увѣку душа неприкаянная, плачетъ, съ тѣломъ своимъ соединиться не можетъ, о стѣны каменныя бьется. Башня та развалилась. Степанъ Тимофеевичъ на Кавказъ-горѣ прикованъ, а она все томится — плачетъ... Мѣсто эта глухая, тайная. Дѣвки иной разъ за красой за персицкой сигаютъ нагишомъ, ночью, въ солноворотъ, объ эту пору, только это не знатье... А такъ растетъ здѣсь полынка, и расти ей.

Кто-то возразилъ:

— Однако, отецъ, теперь Степанъ Тимофеевичъ атаманъ Разинъ съ горы той сошелъ, а, стало-ть, и копать можно. Теперь леворюція, народный бунтъ.

— Сошолъ-то, сошолъ, сынокъ, — сказалъ первый, — да не дошелъ еще до нашихъ мѣстовъ. Повремени, сынокъ, по-вре-ме-ни-и... Все будетъ. А леворюція,— это ты вѣрно,— леворюція наша, бунтъ. Время пришла... Повре-ме-ни-и...

— Да-да-а...

Одинъ изъ землекоповъ поднялся, пошелъ къ палаткѣ, замѣтилъ Баудека, сказалъ сухо:

— И ты, Флорычъ, слушать — мужицкихъ нашихъ разговоровъ тебѣ слушать не слѣдъ... Мало-ли што говоримъ.

Замолчали. Иные безразлично измѣнили позы, закурили.

— Время теперь благодатная... Прощевайте, братчи. Не судите, коли штё. Прощай, баринъ. — Съ земли поднялся старикъ съ бѣлой бородой, въ бѣлыхъ портахъ, босой, неспѣша пошелъ къ балкѣ, къ селу, исчезнулъ во муракѣ.

Зарницы мигали ближе, чаще, четче, ночь темнѣла упорно, глубоко. Звѣзды померкли. Вѣтеръ перебиралъ листья, вѣялъ прохладой. Изъ далека, изъ безбрежности докатился первый громъ.

Наталья сидѣла на тачкѣ, оперлась руками о днище, склонивъ голову, костеръ освѣщалъ ее слабо, чу-

яла, осязала каждымъ уголкомъ своего тѣла огромную радость, радостную муку, сладкую боль, понимала, что горькая горечь полыни — сладость прекрасная, безмѣрная, необыкновенная радость. Каждое касаніе Баудека, еще неровное, обжигало полынью, живою водой.

Эту ночь нельзя было спать.

Гроза пришла съ ливнемъ, громами и молніями. Гроза застала Наталью и Баудека за веретіемъ, за развалинами башни персидской царевны. Наталья пила полынную — ту, вѣдьмовскую скорбь, что оставила на Увѣкѣ царевна персидская.

V.

Заря загорѣлась багряно.

На разсвѣтѣ пріѣхали изъ города солдаты и поставили на Увѣкѣ пушки.

Іюнь, 1919 г.

АРИНА.

I.

О степи, о ея удушьи, о несуразной помѣщичьей жизни, о помѣщичьи-крѣпостной пьяной вольницѣ, о борзыхъ, наложницахъ, слезахъ, — говоритъ мнѣ не степь, съ ея зноемъ и пустынью, не старая эта усадьба, гдѣ сѣли мы, — кухня, что въ полу-подвалѣ, говоритъ мнѣ о смутномъ, разгульномъ, несуразномъ, о степной жизни и о степи. Въ кухнѣ каменные кирпичные полы, огромныя плита и печь, сводчатые потолки, стѣны обмазаны глиной, и въ стѣны, къ чему-то, ввинчены огромныя ржавыя кольца. Въ кухнѣ жужжатъ мухи, полумракъ, жаръ и пахнетъ закваской. А въ гостиной, гдѣ окна завилъ плющъ, — зеленый мракъ, прохлада, и въ этомъ прохладномъ зеленомъ мракѣ поблескиваютъ портреты и золоченыя шелковыя кресла. Я вошла въ домъ черезъ кухню.

Сколько дней, прекрасныхъ и радостныхъ, у меня впереди?

Знаю, — кругомъ степь. Знаю, — Семенъ Ивановичъ, Викторъ (мой женихъ!), Кириллъ, — всѣ вѣрятъ, вѣрятъ честно и безкорыстно. Знаю, — наши сектанты, которые ходятъ во всемъ бѣломъ и называютъ себя христіанами, — не только вѣрятъ, но и живутъ на своихъ хуторахъ этой вѣрою. Семенъ Ивановичъ, уже усталый, говоритъ о добрѣ сухо и
4*

зло, такъ же, какъ сухи его пальцы. Знаю, — люди живутъ, чтобы бороться и чтобы достать кусокъ хлѣба, — чтобы бороться за женщину.

Утромъ я валяюсь за усадьбой на пригоркѣ, за старымъ ясенемъ, слѣжу за гусями и перебираю синіе цвѣты, тѣ, что отъ змѣинаго укуса. Среди дня я купаюсь въ прудѣ подъ горячимъ солнцемъ, я возвращаюсь огородами и рву маки — бѣлые съ фіолетовыми пятнышками на днѣ и красные съ черными тычинками. У пчельника меня обыкновенно ждетъ Викторъ, я не замѣчаю, какъ онъ подходитъ. Онъ говоритъ:

— «Подѣлитесь со мною маками, товарищъ Ирина, — пожалуйста!»

Я обыкновенно отвѣчаю такъ:

— «Развѣ мужчины просятъ? — мужчины берутъ. Берутъ свободно и вольно, какъ разбойники и анархисты. Вы вѣдь анархистъ, товарищъ Викторъ! Въ жизни все-жъ таки есть цари, — тѣ, у кого мышцы сильны, какъ камень, воля упруга, какъ сталь, умъ свободенъ, какъ чертъ, и кто красивъ, какъ Аппо-лонъ или чертъ. Надо умѣть задушить человѣка и бить женщину. Развѣ-же вы еще вѣрите въ какой-то гуманизмъ и справедливость? — къ черту все! пусть вымрутъ всѣ, кто не умѣетъ бороться! Останутся одни сильные и свободные!»....

— «Это сказалъ Дарвинъ», — говоритъ тихо Викторъ.

— «Къ черту! Это сказала я!»

Викторъ глядитъ на меня восхищенно и придавленно, но меня не волнуетъ его взглядъ, — онъ не умѣетъ смотрѣть, какъ Маркъ, — онъ никогда не пойметъ, что я красива и свободна и что мнѣ тѣсно отъ свободы. И въ эти минуты я вспоминаю кухню, съ ея зноемъ, желѣзными страшными кольцами, каменнымъ поломъ и сводчатыми потолками. Разбойники сумѣли захватить право на жизнь — и они жили, благословляю и ихъ. Къ черту анемію. Они

умѣли пить радость, не думая о чужихъ слезахъ, они пьянствовали мѣсяцами, умѣя опьяняться и виномъ, и женщинами, и борзыми. Пусть — разбойники.

Изъ огорода въ домъ надо пройти кухней. Въ кухнѣ, въ жару, жужжатъ мухи, какъ смерчъ, и по столу ходятъ цыплята. А въ гостиной, гдѣ окна завиты плющемъ и свѣтъ зеленъ, — такъ-же прохладно и тихо, какъ на днѣ стараго тѣнистаго пруда.

Знаю, — будетъ вечеръ. Вечеромъ въ своей комнатѣ я обливаюсь водой и переплетаю косы. Въ окна идетъ лунный свѣтъ, у меня узкая бѣлая кровать, и стѣны моей комнаты бѣлы, — при лунномъ свѣтѣ все кажется зеленоватымъ. У тѣла своя жизнь: я лежу, и начинаетъ казаться, что мое тѣло безконечно удлиняется, узкое-узкое, и пальцы, какъ змѣи. Или наоборотъ: тѣло сплющивается, голова уходитъ въ плечи. А иногда тѣло кажется огромнымъ, все растетъ удивительно, я великанша, и нѣтъ возможности двинуть рукой, большой, какъ километръ. Или я кажусь себѣ маленькимъ комочкомъ, легкимъ, какъ пухъ. Мыслей нѣтъ, — въ тѣло вселяется томленіе, точно все тѣло нѣмѣетъ, точно кто-то гладитъ мягкой кисточкой, и кажется, что всѣ предметы покрыты мягкой замшей: и кровать, и простыня, и стѣны — все обтянуто замшей.

Тогда я думаю. Знаю, — теперешніе дни, какъ никогда, несутъ только одно: борьбу за жизнь, не на животъ, а на смерть, поэтому такъ много смерти. Къ черту сказка про какой-то гуманизмъ. У меня нѣту холодка, когда я думаю объ этомъ: пусть останутся одни сильные. И всегда останется на прекрасномъ пьедесталѣ женщина, всегда будетъ рыцарство. Къ черту гуманизмъ и этику, — я хочу испить все, что мнѣ дали и свобода, и умъ, и инстинктъ, — и инстинктъ, — ибо теперешніе дни — развѣ не борьба инстинкта?

Я смотрюсь въ зеркало, — на меня глядитъ женщина, съ глазами черными, какъ омутъ, съ губами, жаждущими пить, и мои ноздри кажутся мнѣ чуткими, какъ паруса. Въ окно идетъ лунный свѣтъ: мое тѣло зеленовато. На меня глядитъ высокая, стройная, сильная голая женщина.

II.

Знойный день смѣнился вечеромъ. Въ семь билъ колоколъ къ ужину, и въ буфетной на полчаса было шумно. Члены коммуны толпились около котла съ кашей, лили изъ ведерокъ въ тарелки молоко, затѣмъ пили чай, разнося стаканы по всѣмъ комнатамъ. На террасѣ, обвитой плющемъ, былъ гость, братецъ съ сосѣдняго хутора, Донатъ, съ апостольской бородой, одѣтый во все бѣлое, въ пудовыхъ сапогахъ съ подковами: заѣзжалъ поговорить о лошадяхъ. Отъ чая братецъ Донатъ отказался, выпилъ молока. Съ нимъ былъ Семенъ Ивановичъ. Небо умирало огненными развалинами облаковъ, въ заросляхъ у террасы одиноко и горько свистала горихвостка: — ви-ти, ви-ти — т-сс!...

Семенъ Ивановичъ, въ блузѣ, тоже старикъ, по молодому помѣстился на барьерѣ, скрестивъ руки и прислонивъ голову къ колоннѣ. Донатъ сидѣлъ у стола, покойно, прямо, положивъ ногу на ногу.

— Войны вы не признаете? — спросилъ Семенъ Ивановичъ какъ всегда сухо и неуловимо зло.

— Война намъ не нужна-съ.

— А у васъ на хуторахъ, мнѣ говорили, нашли зарѣзаннаго киргиза и, говорятъ, вы покрываете конокрадовъ.

— Не знаю, о какихъ случаяхъ вы говорить изволите, — отвѣтилъ покойно Донатъ. — По степи много волковъ ходитъ, не опасаться нельзя. Мы въ эти мѣста при Екатеринѣ высланы, и живемъ, какъ тридцать лѣтъ тому жили и какъ сто, безъ пере-

мѣнъ, сами справляемся своимъ обыкомъ. Посему намъ никакихъ правленій не надо, а, стало-быть, и воиновъ. Петербургъ-съ это вродѣ лишая-съ. Смѣю думать, народъ самъ лучше проживетъ безъ опеки, найдетъ время и отдохнуть, и размыслить. Скопомъ народъ-съ можетъ, тысячу лѣтъ живетъ.

— Ну, а конокрадство? — перебивая Доната, едва примѣтно раздражаясь, спросилъ Семенъ Ивановичъ.

— Не знаю, о какихъ случаяхъ вы говорите. Никто этого не видѣлъ. Одначе, думаю, ежели конокрада уловятъ — убьютъ. И убьютъ, я полагаю, съ жестокостью-съ. Киргизы иной разъ ловятъ конокрадовъ, — связанныхъ въ стога закапываютъ и палятъ жизьемъ. Жизнь у насъ жестокая-съ, сударь.

Огненныя развалины меркли, точно уголья покрывались пепломъ. На дворѣ замычали овцы и щелкалъ бичъ. Горихвостка стихла. Въ гостиной зажгли свѣчу, въ открытую дверь потянулись бабочки. Трещали кузнечики. Вдалекѣ полыхнула молнія, — громъ не докатился. Темнѣло быстро.

— Гроза будетъ, — сказалъ Донатъ, помолчалъ, не двигаясь, и заговорилъ о другомъ: — Смотрю на ваше хозяйство, сударь. Ни къ чему. Плохо. Весьма плохо. Безъ умѣнія. Молодятина не подтянута. Безъ умѣнья-съ и безъ любви. Ни-къ-чему.

— Какъ умѣемъ, — сухо отвѣтилъ Семенъ Ивановичъ. — Не сразу.

На террасу вышла Ирина, со свѣчей, въ бѣломъ платьѣ. Свѣчу Ирина поставила около Доната. Донатъ внимательно взглянулъ на нее, Ирина глазъ не опустила, свѣтъ упалъ сбоку, зрачки Ирины вспыхнули красными краппъ-лаковыми огоньками.

— Семенъ Ивановичъ, товарищи дѣлаютъ маленькое собраніе въ читальной, — сказала Ирина. — Я побуду съ гостемъ.

Семенъ Ивановичъ поднялся, вслѣдъ ему сказалъ Донатъ:

— Про конокрадовъ говорили-съ. Конокрады иной разъ попадаются, это вѣрно-съ... Мы живемъ, какъ сто лѣтъ жили. А вы вотъ изъ Петербурга пріѣхали, когда онъ въ лишаи пошелъ-съ, да-съ. Въ тѣсное время. У насъ Петербургъ давно прикончень-съ. Жили безъ него и проживемъ.

— Извините, я сію минуту, — сказалъ Семенъ Ивановичъ и вышелъ.

Ирина сѣла на его мѣсто, къ колоннѣ. Сидѣли молча. Съ юга шла тяжелая туча, поблескивая, громыхала злобно. Стемнѣло черно. Было тихо и душно. Шелестѣли у свѣчи бабочки. Въ гостиной заигралъ на рояли Викторъ. Вдругъ вдалекѣ, за усадьбой кто-то свистнулъ два раза короткимъ разбойничьимъ посвистомъ, должно-быть сквозь пальцы. И Донатъ, и Ирина насторожились. Донатъ пристально взглянулъ во мракъ и опустилъ голову, прислушиваясь. Ирина встала, постояла на ступенькахъ террасы и спустилась въ темноту. Вскорѣ она вернулась, прошла въ домъ и вышла обратно въ дождевомъ плащѣ и босая, опять ушла за террасу. Закапалъ крупный дождь, рванулось нѣсколько взмаховъ вѣтра, зашумѣли по осеннему листья, свѣчной свѣтъ затрепыхался, точно качнулись каменные колонны и полъ, свѣча потухла.

Семенъ Ивановичъ прошелъ темными комнатами дома въ читальню. Въ читальной горѣли двѣ свѣчи, на диванахъ, на окнахъ, на полу, въ свободныхъ позахъ сидѣли члены коммуны, курили, всѣ, и мужчины, и женщины, въ синихъ блузахъ. У стола принужденно стоялъ товарищъ Константинъ. Семенъ Ивановичъ сѣлъ къ столу и взялъ карандашъ.

— Въ чемъ дѣло, товарищи? — сказалъ Семенъ Ивановичъ.

Изъ угла, отъ Анны, отвѣтилъ Кириллъ:

— Мы хотимъ рѣшить принципіальный вопросъ. Товарищъ Константинъ, уѣзжая въ село, вынулъ у товарища Николая изъ ящика новыя обмотки, безъ

предупрежденія, обмотки не вернулъ и этотъ фактъ вообще скрылъ. Обмотки, само-собою, не есть собственность товарища Николая, но онѣ были въ его пользованіи. Какъ квалифицировать этотъ поступокъ?

— Я мыслю это какъ воровство, — сказалъ Николай.

— Товарищи! Повремените! Нельзя такъ! — раздраженно возразилъ Семенъ Ивановичъ и забарабанилъ тонкими своими пальцами по столу. — Надо сначала установить фактъ и принципъ.

Семенъ Ивановичъ говорилъ очень долго, потомъ говорили Кириллъ, Константинъ, Николай, Ольга, Петръ, и наконецъ вопросъ окончательно запутался. Оказалось, что прецеденты уже были, Константинъ и Николай были въ ссорѣ, и что Константину обмотки необходимы, а у Николая лишнія. За окнами громыхалъ громъ, сіяли молніи, шумѣли вольно вѣтеръ и дождь. У свѣчей сиротливо летали бабочки, умирая. По стѣнамъ, въ шкафахъ тускло поблескивали корешки книгъ и стекла. Стало очень дымно отъ махорки и степного домодѣльнаго табака. Въ концѣ говорилъ опять Семенъ Ивановичъ — о томъ, что тамъ, гдѣ подлинное братство, не можетъ подняться вопроса о кражѣ, но, съ другой стороны, — что это не принципіальное рѣшеніе, и кончилъ:

— Я закрываю собраніе, товарищи. Я хочу подѣлиться съ вами другимъ фактомъ. Товарищъ Викторъ женится на товарищѣ Иринѣ. Я думаю, это разумно. Кто нибудь имѣетъ сказать что-либо?

Никто ничего не сказалъ, всѣ шумно поднялись и стали расходиться.

Викторъ, вставъ на зарѣ, весь день возилъ навозъ, изнемогая отъ жары, въ поту, съ истомленными глазами. Послѣ обѣда до колокола онъ не пошелъ спать, — сидѣлъ въ гостиной и игралъ на рояли. Богъ далъ ему прекрасный даръ. Должно-быть, онъ отдыхалъ, — въ его музыкѣ, только-что созданной, слышны

были и жужжаніе слѣпней, и пустынная, знойная степная тишина, степная пустынь, степной зной, изнеможденіе, скорбь. Послѣ колокола онъ опять возилъ навозъ, изнемогая отъ утомленія и блѣднѣя отъ жары, а вечеромъ снова игралъ, тоскуя и скорбя. Рояль нарождалъ звуки жалобные и безпомощные, точно раздавленный коростель. Въ гостиной было тихо.

Когда Семенъ Ивановичъ проходилъ гостиной послѣ собранія, къ нему подошелъ Викторъ и, коснувшись его плеча, сказалъ:

— Семенъ Ивановичъ... я думалъ... Ирина. Я и она...

Семенъ Ивановичъ освободилъ руку, отстранивъ холодными своими пальцами Виктора, и раздраженно, устало отвѣтилъ:

— Вы уже говорили, товарищъ Викторъ. Я слышалъ. Это ненормально. И вы, и Ирина разумные люди. Сентиментальная романтика абсолютно ни къ чему. Братецъ уѣхалъ?

— Мнѣ тяжело, Семенъ Ивановичъ!...

На террасѣ въ колоннахъ шумѣлъ вѣтеръ, молнія полыхала ежеминутно, но громъ гремѣлъ въ сторонѣ, — гроза проходила. Мракъ былъ густъ, черенъ и сыръ. Полыхнула молнія и освѣтила Доната, онъ сидѣлъ въ той же позѣ, въ какой его оставилъ Семенъ Ивановичъ, прямо, положивъ руку на столъ, съ ногою на ногу.

— Извините, я задержался, — сказалъ Семенъ Ивановичъ.

— Одначе прощайте. Пора, — Донатъ поднялся.

— Куда же вы въ грозу? Оставайтесь ночевать.

— Не впервой. Завтра вставать на зарѣ. Пахать. Я степью.

Вскорѣ Донатъ выѣзжалъ изъ усадьбы. Дождь стихалъ, молніи въ сторонѣ мигали ярко и часто, была воробьиная ночь. За усадьбой Донатъ остановилъ лошадь, приложивъ ладонь къ глазамъ, весь въ бѣ-

ломъ, верхомъ на черномъ конѣ, всмотрѣлся въ фосфорическіе отсвѣты. Повременивъ, вставилъ два пальца въ ротъ и коротко свистнулъ. Прислушался. Никто не отвѣтилъ. Подождалъ и, свернувъ съ дороги, крупною рысью поѣхалъ по пустой степи.

III.

Когда Донатъ подъѣзжалъ къ хуторамъ, отъѣхавъ уже верстъ пятнадцать отъ усадьбы, онъ услышалъ сзади себя въ степи пѣсню:

Ты свѣти, свѣти, свѣтъ свѣтелъ мѣсяцъ!
Обогрѣй ты насъ, красно солнышко!

Донатъ остановилъ лошадь. Гроза ушла, далеко полыхали безсильныя молніи. Въ степи были мракъ и тишина. Вскорѣ послышалась конская рысь. Хутора были рядомъ, размѣстились въ балкѣ, — но если и днемъ на версту подъѣдешь къ нимъ — не примѣтишь — степь кругомъ, пустая, голая, въ ковылѣ. Донатъ вложилъ пальцы въ ротъ и свистнулъ, и ему отвѣтили свистомъ. Подъѣхалъ всадникъ на сѣромъ киргизѣ-иноходцѣ, тоже во всемъ бѣломъ.

— Маркъ?

— Вы, батюшка?

— Былъ я на усадьбѣ, сынъ, — сказалъ Донатъ. — Слышалъ твой посвистъ. Твой-ли?

— Мой, батюшка.

— Дѣвицу Арину выкликалъ.

— Ее, батюшка.

— Въ жены возьмешь?

— Возьму.

— Тебѣ жить. Гляди. Кони на усадьбѣ хороши. Ты откуда?

— Изъ степи, за пищей, — бабамъ далече итти... Что-же! бабы у насъ здоровыя да вольныя. Воля не грѣхъ! Я мужъ — научу... Кони на усадьбѣ хороши.

Донатъ и Маркъ подъѣхали къ обрыву и стали гуськомъ спускаться внизъ въ заросли калины и дубковъ, въ оврагѣ послѣ дождя было сыро и глухо, вязко, пахнуло медуницей, копыта скользили, съ вѣтвей падали холодныя капли. Спустились на дно, перебрались черезъ ручей и рысцою поѣхали вверхъ. Домъ Доната выползъ изъ мрака сразу, и изба, и дворъ подъ одной крышей. На дворѣ и въ домѣ было пусто — и люди, и скотина ушли въ степь на страду. Маркъ повелъ лошадей въ стойла, задалъ овса. Донатъ снималъ на крылечкѣ кованые свои сапоги, кряхтѣлъ, умывался изъ глинянаго рукомойника.

— Завтра на зарѣ въ степь поѣду, пахать, отдохнуть. Побольше задай, — сказалъ Донатъ.

— А я къ тебѣ, братецъ Донатъ, — заговорилъ третій, выходя изъ избы. — Зашелъ погодить, да задремалъ въ грозу.

Донатъ трижды поцѣловался братски съ третьимъ. Всѣ трое прошли въ избу. Въ избѣ, въ теплѣ пахло шалфеемъ, полынью и другими лекарными травами. Вздули свѣтъ, мракъ убѣжалъ подъ лавки, изба была большая, въ нѣсколько комнатъ, со свѣтелкой, хозяйственная, убранная, чистая. На чистой половинѣ по стѣнамъ висѣли сѣдла, хомуты, сѣделки, дуги, уздечки. Образовъ на стѣнахъ не было. Сѣли къ столу, Донатъ досталъ изъ печки каши и баранины.

— Изъ степи, съ огляда вернулся. Далеко заѣзжалъ, — заговорилъ третій. — Непокойно въ степи. Говорили киргизы съ Кривого Углану, — ходятъ-де по степи, людей для войны собираютъ. Объѣзжалъ, сговорились — увидятъ — упредятъ. У дальныхъ братцевъ былъ. Царскія бумаги всѣ спалили — концы въ воду. Пахари-молъ. Молодятины нѣту.

— Молодцовъ для войны не дадимъ, — сказалъ Донатъ. — Тогда въ степь. Къ солностою верстъ семьдесятъ отскакать—овраги, въ оврагахъ пещеры. Знаешь?

— Знаю.

— Туда... На усадьбѣ — въ газетахъ пишутъ — по чугункѣ по нашей пошла война. Насъ, думаю, не коснется. Степь, она вольная. Да и концовъ въ ей нѣтъ.

Маркъ вышелъ на крыльцо. Облака расходились, изъ-за нихъ свѣтила круглая зеленоватая луна. Маркъ потянулся крѣпко, сладко, зѣвнулъ и пошелъ на сѣно спать.

На разсвѣтѣ Донатъ и Маркъ мчали по степи, оставивъ дома на столѣ хлѣбъ, квасъ и кашу для заѣзжихъ (никогда домъ не запирался), — навьюченные пищей для братьевъ, сестеръ и женъ, что работали въ степи, живя тамъ подъ телѣгами, подъ небомъ и зноемъ, въ лѣтней страдѣ, на землѣ. На востокѣ зорилась багряная покойная заря, и горько пахло полынью.

IV.

Крестъ есть предметъ небреженія, но не чествованія, поелику онъ служилъ, подобно плахѣ и висѣлицѣ, орудіемъ безчестія и смерти Христа. Нечтимо орудіе, убившее друга твоего. Тако слѣдуетъ почитать и іудеевъ, устроившихъ крестъ.

Въ книгѣ Жезлъ въ имени Іисусъ истолкована Троица и два естества! Введена присяга, коей не было даже у древнихъ еретиковъ! Въ трехугольникѣ пишутъ по латинѣ Богъ! Ѣдятъ давленину и звѣроядину! Волосы отрѣзаютъ и носятъ нѣмецкое платіе! Молятся съ еретиками, въ баняхъ съ ними моются и вступаютъ въ бракъ съ еретиками! Имѣютъ аптеки и больницы, женская ложе сна руками осязаютъ и даже осматриваютъ! Конское ристаніе имѣютъ! Пьютъ и ѣдятъ съ музыкою, плясаніемъ и плесканіемъ! Женщины бываютъ съ непокрытыми головами и не покрываютъ верхнихъ зазорныхъ тѣлесъ! Мужья съ женами зазорнымъ почитаютъ вмѣстѣ въ банѣ мыться и въ одной постелѣ спятъ! Монашеское дѣвство несогласно со св. Писаніемъ: ап. Павелъ

говорилъ, что отступятъ иные отъ вѣры, возбранялъ женитьбу и брашна.

Отъ воли каждаго зависитъ, когда и какъ поститься. Чтимъ Единаго Господа Бога Саваофа и Сына его спасителя. Не токмо мученики, но и Марія-дѣва, не подлежатъ поклоненію, ибо сіе есть идолопоклонство, какъ и поклоненіе иконамъ. Житіе же блаженныхъ ради Христа юродивыхъ весьма не богоугодно, поелико юродство неблагообразно. И какъ видя огонь, не предполагаемъ мы въ немъ свойствъ воды, ни въ водѣ свойствъ огня, — тако-же нельзя предположить въ хлѣбѣ и винѣ свойствъ тѣла и крови. Тако же и бракъ не есть таинство, но любовь — при собраніи мужчинъ и женщинъ родители благословляютъ жениха и невѣсту по подобію брака Товіи.

Единая книга есть — книга книгъ — Библія, и жить надлежитъ библейскимъ обычаемъ. Чти отца твоего и матерь твою, люби ближняго, не сквернословь, трудись, думай о Господѣ Богѣ и о Ликѣ его, въ тебѣ несомомъ.

Единъ обрядъ чтимъ — обрядъ Святого Лобызанія. И едино правительство есть — духовная наша совѣсть и братскіе обыки.

V.

Старуха дала мнѣ рубашекъ домотканнаго сѣраго полотна, отъ котораго жестко тѣлу, сарафанъ, паневу, душегрѣю синяго сукна, бѣлый платочекъ, кованые сапожки съ наборами и полусапожки, сунула зеркальце. Въ избѣ собрались братцы, съѣхались со степи, съ хуторовъ. Маркъ вывелъ меня за руку. Мужчины сидѣли справа, женщины слѣва. Я цѣловалась сначала со всѣми женщинами, затѣмъ съ мужчинами. И я стала женою Марка.

— Поди сюда, дочка Аринушка, — сказалъ старикъ Донатъ, взялъ меня за руку, посадилъ рядомъ, приголубивъ, и говорилъ, что всѣ собравшіеся здѣсь — братья и сестры, новая моя семья, одинъ за всѣхъ

и всѣ за одного, изъ избы соръ не выносятъ, въ домъ придутъ—накорми, напой, чествуй, все отдай, всѣмъ подѣлись, — все наше. Всѣ мужчины были здоровы и широкоплечи, какъ Маркъ, и женщины— красивы, здоровы и опрятны, — всѣ въ бѣломъ.

Маркъ! Помню ту ночь, когда онъ прiѣхалъ съ двумя конями и мы мчали степью отъ коммуны, съ тѣмъ, чтобы въ темномъ домѣ мнѣ остаться одной, въ женской избѣ, во мракѣ, вдыхать шалфей и думать о томъ, что у меня послѣдняя жизнь и нѣтъ уже воли. Маркъ ускакалъ въ степь. А на утро и я ушла за нимъ. Я теперь знаю лѣтнюю нашу страду, мужицкую. Мои руки покрылись коркой мозоли, мое лицо загорѣло, почернѣло отъ солнца по бабьи, и вечеромъ, послѣ страды, купаясь въ безымянной степной рѣчкѣ, уже холодной, я вмѣстѣ съ сестрами, удивительно здоровыми, покойными и красивыми, пою по бабьи:

Ты свѣти, свѣти, свѣтъ свѣтелъ мѣсяцъ!
Обогрѣй ты насъ — а-эх! — красно солнышко!

Уже по осеннему звѣздны ночи, и днемъ надъ степью разлито голубое вино. На хуторѣ готовятся къ зимѣ, въ закрома ссыпаютъ золотую пшеницу, стада пришли изъ степи и мужчины свозятъ сѣно.

Маркъ со мной мало говоритъ, онъ приходитъ неожиданно, ночью, цѣлуетъ меня безъ словъ, и руки его желѣзны. Марку некогда со мной говорить,— онъ мой господинъ, но онъ и братъ, защитникъ, товарищъ. Старуха каждое утро задаетъ мнѣ работу, и, хваля-уча, гладитъ по головѣ. Мнѣ некогда размышлять. Какъ сладостно пахнетъ потъ — пусть соленый! Я научилась повязываться, какъ повязываются всѣ.

Ночью пришелъ Маркъ.

— Вставай, поѣдемъ, — сказалъ онъ мнѣ.

На дворѣ стояли кони, были Донатъ и еще третiй, незнакомый. Мы выѣхали въ степь. Подо мной шелъ

иноходецъ. Ночь была глуха и темна, моросилъ мелкій дождь. Впереди ѣхалъ Донатъ.

— Куда мы ѣдемъ? — спросила я Марка.

— Повремени. Узнаешь.

Вскорѣ мы выѣхали къ усадьбѣ, обогнули балку, и стали за коннымъ дворомъ. Всѣ спѣшились и мнѣ сказали, чтобы я слѣзла. Поводья собралъ незнакомый, третій. Мы подошли вплоть ко рву. Донатъ свернулъ вправо, мы пошли къ дому.

— Куда мы идемъ, Маркъ? — спросила я.

— Тише. За конями, — сказалъ Маркъ. — Стой здѣсь. Если увидишь людей, свистни, уйди къ конямъ. Если услышишь шумъ — иди къ конямъ, скачи въ поле. Я приду.

Маркъ ушелъ. Я осталась стоять— слѣдить. Развѣ могла я не подчиниться Марку. У меня нѣтъ родины, кромѣ этихъ степныхъ хуторовъ, у меня нѣтъ никого, кромѣ Марка. Гдѣ-то въ домѣ спали Семенъ Ивановичъ и Викторъ. Пускай! Домъ стоялъ тяжелъ и сумраченъ, во babракѣ. Моросилъ дождь. Мнѣ не было жутко, но мое сердце колотилось — любовью, любовью и преданностью. Я раба!

Маркъ подошелъ незамѣтно, неожиданно, какъ всегда. Взялъ за руку и повелъ ко рву. У рва стояли наши кони, мой и его иноходцы-киргизы, борзые и злые, какъ вѣтеръ. Маркъ помогъ мнѣ сѣсть, вскочилъ самъ, свистнулъ — и, схвативъ меня, перекинувъ на свое сѣдло, прижавъ къ груди, склонивъ свою голову надо мной, гикнувъ, помчалъ въ степь, въ степной осенній просторъ.

Востокъ ковался багряными латами, солнце выбросило свои рапиры, когда мы примчали на дальные хутора, гдѣ мирно за столомъ сидѣли уже Донатъ и тотъ третій.

Сколько дней, прекрасныхъ и радостныхъ, у меня впереди?

Августъ, 1919.

ПРОСЕЛКИ.

Лѣсъ, перелѣски, болота, поля, тихое небо, — проселки. Небо иной разъ хмуро, въ сизыхъ тучахъ. Лѣсъ иной разъ гогочетъ и стонетъ, иными лѣтами горитъ. Топятъ болотныя топи. Ползутъ — вьются проселки кривою нитью, безъ конца, безъ начала. Иному тоскливо идти, хочетъ пройти попрямѣе, — свернетъ, проплутаетъ, вернется на прежнее мѣсто!.. Двѣ колеи, подорожники, тропка, а кругомъ, кромѣ неба, или ржи, или снѣгъ, или лѣсъ, — проселокъ безъ конца, безъ начала, безъ края. А идутъ по проселку съ негромкими пѣснями: — иному тѣ пѣсни — тоска, какъ проселокъ, — Россія родилась въ нихъ, съ ними, отъ нихъ.

Наши пути — по проселкамъ, были и есть. Вся Россія въ проселкахъ, въ поляхъ, перелѣскахъ, болотахъ, лѣсахъ.

Но были и эти иные, кои стосковались идти по болотнымъ тропамъ, коимъ вздумалось вздернуть Русь на дыбы, пройти по болотамъ, шляхи поставить линейкой, оковаться гранитомъ и сталью, позабывъ про избяную Русь, — и пошли.

Иной разъ проселки сходятся въ шляхъ. И съ проселковъ на шляхъ пришелъ, — пошелъ по шляху, давно народомъ возславленный, — Бунтъ, народная вольница, чтобы смести ненужное и снова исчезнуть въ проселкахъ.

Около шляха пролегла чугунка. Если свернуть отъ шляха, проѣхать полемъ, перебраться вбродъ черезъ рѣку, пробраться сначала черезъ черный осиновый лѣсъ, затѣмъ черезъ красный сосновый, обогнуть овраги, пересѣчь село, потомиться въ суходолахъ, снова лѣсомъ по карягамъ трястись до болота, — то пріѣдешь въ деревню Починки *).

Кругомъ лѣсъ. Въ деревнѣ три избы. Избы стали задами къ лѣсу, смотрятъ изъ подъ сосенъ корявыми своими мордами хмуро, тусклые оконца-глаза — глядятъ по-волчьи, слезятся. Сѣрыя бревна легли, какъ морщины. Рыжая солома — волосы въ скобку — упала до земли. За избами лѣсъ, передъ избами — пахота, перелѣски, опять лѣсъ, и небо. Проселокъ за околицей свернулся кольцомъ, подобрался къ лѣсу. Во всѣхъ трехъ избахъ живутъ Кононовы. И не родня — но Кононовы, и не родня — но сжились крѣпче родного. Старшій въ Починкахъ — дѣдъ Кононовъ Іоновъ-Кривой, и онъ уже не помнитъ, какъ звали его дѣда, но старобытныя времена — знаетъ, помнитъ, какъ жили прадѣды и пращуры, и какъ надо жить. Съ весны и по осень работали изо всѣхъ жилъ, отъ зори до зори, отъ стара до мала, обгорая отъ солнца и пота, какъ варъ. Работали и съ осени до весны, сѣрѣя отъ дыма, какъ куриныя избы, мерзнувъ, недоѣдая. Кононовы Іонова-Кривого, кромѣ пахоты, гнали деготь, самъ Іоновъ-Кривой бортничалъ въ лѣсу. Кононовы-Сивцовы драли лыко, плели лапти. Жили трудно, сурово — и любили свою жизнь крѣпко, съ ея дымомъ, холодами, зноемъ, немоготою. Жили съ лѣсомъ, съ полемъ, съ небомъ, — жить надо было въ дружбѣ съ ними, но и бороться упорно. Помнить надо было зори, ночи и пометы, поглядывать въ гнилой уголъ, слѣдить за сиверкой, слушать шумъ лѣсной и гоготъ.

Знали:

*) Слово Починки было нѣкогда нарицательнымъ, подобно „пустоши“, „перелогу“ и др. такимъ-же.

Январь — году начало, зимѣ середка. Трещи-трещи, минули водокрещи. Дуй не дуй — не къ Рождеству, а къ Великодню. А все же: Афанасій да Кирилла забираютъ за рыло. Аксинья: полузимница-полухлѣбница, какова Аксинья, такова и весна. Февраль — бокогрѣй, на Срѣтеніе зима съ лѣтомъ встрѣтилась. Въ апрѣлѣ земля прѣетъ, тепломъ вѣетъ, апрѣль дуетъ, бабамъ тепло сулитъ, а мужикъ глядитъ, что будетъ. Весенняя пора — поѣлъ да со двора. Прилетѣлъ куликъ изъ заморья, принесъ весну изъ неволья. Ай, май - мѣсяцъ, май! Въ маѣ дождь — будетъ рожь, май холодный — годъ хлѣбородный . . . Вечерняя заря позорилась ало — къ вѣтрамъ. На Алену сѣй ленъ, Аленѣ — льны, Константину — огурцы.

Работать надо было упорно, сурово, одному съ землей, — одинъ-на-одинъ съ лѣсомъ, съ топоромъ, сохой, косой. Научились смотрѣть въ оба, — каждому пришлось помѣриться и съ лѣшимъ, и съ гоготомъ, и съ голодомъ, и съ топями, — научились по птицамъ, по небу, по вѣтру, по звѣздамъ узнавать мать свою сыру-землю, — какъ тѣ, о которыхъ разсказывалъ Іоновъ-Кривой, кои шли еще къ чувашамъ и муромѣ. Скроены Кононовы были всѣ одинаково: нескладно, но крѣпко: — ноги были коротки со ступнями вродѣ можжевеловыхъ корневищъ, съ низкимъ задомъ, съ длинной спиной, руки шли до колѣнъ, ключицы выпирали, точно способлены были для хомутья, глаза — мшистые, зеленые — смотрѣли медленно и упорно, носы смахивали на глиняную свистульку.

Жили съ рожью, — съ лошадью, съ коровой, съ овцами, — съ лѣсомъ и травами. Знали: какъ рожь, упавъ сѣменемъ въ землю, родитъ новыя сѣмена и многія, такъ и скотина, и птица родитъ, и рождаясь снова родитъ, чтобы въ рожденіи умереть, — знали, — что таковъ же удѣлъ и людской: родить и въ рожденіи смерть утолить, какъ рожь, какъ волчашникъ, какъ лошадь, какъ свиньи, — всѣ одинаково.

5*

Ульянкѣ пошелъ семнадцатый, Ивану дошло оснадцать — поклонились вѣтрамъ, сходили къ попу. Іоновъ-Кривой объяснялъ:

Дѣвкою полна улица — женою полна печь. Женскій товаръ — подросъ да и на базаръ. Мимо гороху да мимо дѣвки такъ не пройдешь. Дѣвкой меньше — бабой больше. Жена не лапоть. Мужъ съ женой корится да подъ одну шубу ложится. Четки не спасутъ, а жена рая не лишитъ.

И въ Починкахъ знали, что Иванъ засѣитъ Ульянку, какъ по веснѣ будетъ сѣять яровые. И когда Кононовъ Иванъ пошелъ на войну, онъ не думалъ о смерти, ибо — гдѣ же смерть, когда черезъ смерть — рожденіе. Лѣтомъ были грозы, жара и сухостой. Зимами заметали метелицы. Веснами полошилась земля. Жили одни.

И на войну Кононовъ Иванъ пошелъ безъ смысла, ибо Починокъ война не касалась. Ивана Кононова таскали по городамъ, томили въ захарканныхъ казармахъ и отправили на Карпаты. Кононовъ Иванъ очень тосковалъ. Онъ стрѣлялъ, ходилъ въ рукопашную, бѣгалъ, отступая, по сорокъ верстъ въ сутки, отдыхая въ лѣсахъ, пѣлъ съ солдатами мужицкія свои пѣсни — тосковалъ о Починкахъ. Въ солдатчинѣ узналъ Иванъ, что весь народъ говоритъ такъ же, какъ и дѣдъ Іоновъ-Кривой, — о народномъ Бунтѣ, о землѣ и о старобытныхъ порядкахъ. Къ Бунту Иванъ ѣхалъ на побывку въ Починки, бунтъ встрѣтилъ дома и за бунтомъ никуда не пошелъ.

Бунтъ пришелъ благодатною вѣстью, какъ холодъ зари, какъ майскій дождь (май холодный — годъ хлѣбородный, въ маѣ дождь — будетъ рожь). Раньше были господа, что опекали, чудя, — были урядникъ и земскій, — были оборы, поборы, наборы. Іоновъ-Кривой теперь шамкалъ:

— Таперя мы шами. Та-перя мы — ша-ми! Шваемъ манеромъ. Шваемъ міромъ! Жемля теперь —

наша! Таперя мы шами — ха-зя-ва! . . Бунтъ, жначитъ.

Зимой — метельна, морозна, темна была зима — всѣ Починки перехворали сыпомъ:—искупали сыпомъ бунтъ. Вымерло полъ деревни — возили на погостъ на дровняхъ: за умершихъ отмолились по веснѣ, звали попа, обходили деревню крестнымъ ходомъ, осыпали золою околицы. . .

Зимой набѣгали немалыя волчьи стаи. На Срѣтеніи, какъ зима съ лѣтомъ встрѣтилась, кончился хлѣбъ: — ѣздили на станцію. Но и станція стала новымъ манеромъ, толпился новый народъ, иные драли глотки, иные шмыгали съ мѣшками. Муки на станціи не было. Вернулись ни съ чѣмъ, сѣли на картошку. По веснѣ повезли было на станцію деготь и лапти, — собирались купить лемешей, зубьевъ, косъ, серповъ, сыромятныхъ ремней. До станціи не доѣхали, вѣрный повстрѣчался мужикъ, говорилъ:

— На станціи-де нѣтъ ничего, городскіе-де сами бѣгутъ, какъ мыши, — поѣзжайте-де на Порѣчье, у кузнеца у Сильвестра закажете-де на деготь лемеши, а коли нѣтъ, сдѣлаетъ Сильвестръ соху, — мануфактура, товаръ: сѣйте-де сами ленъ (на Алену), — города-де издыхаютъ, бывшатся, потому, народный бунтъ, жить-де надо по старому: не было городовъ, и не надо.

Повернули обратно. Встрѣтили вѣрнаго этого мужика въ полѣ, поля лиловѣли передъ закатомъ, мужикъ, въ полушубкѣ, въ лаптяхъ, смотрѣлъ изъподъ шапки серьезно, покойно.

Въ Порѣчьи — за деготь — Селивестръ соху сдѣлалъ.

Дѣдъ Іоновъ-Кривой поля обходилъ, шамкалъ:

— Сѣйте, братчи, засѣвайте болѣ. Жить намъ шамимъ. Теперя мы — шами хажава! Одни! Тыкъ — во-от. Бунтъ, жначитъ.

И сѣяли. Работали изо всѣхъ жилъ, отъ зори до зори, затягивали гашники покрѣпче, чтобы не то-

милъ голодъ. Лѣто шло знойное, въ грозахъ, въ зарницахъ. Въ грозы, ночами, лѣсъ гоготалъ. Къ осени лѣсъ зашумѣлъ, въ полой листвѣ, въ дождяхъ. Стащили въ овины и риги — и рожь, и овесъ, и просо, и гречу, поля полегли, какъ ограбленныя. Въ избахъ сѣрымъ дымомъ задымили печи. Дѣдъ Іоновъ-Кривой на печь полѣзъ, къ ребятишкамъ, къ сказкамъ, къ покою. Къ осени подросла еще пара — оженили, поклонились вѣтрамъ: о прошлую зиму умерло полъ деревни, надо родить. Жили въ избахъ вмѣстѣ съ телятами, овцами, свиньями. Жгли лучину, огонь высѣкали кремнемъ. Хлѣба народилось— хватитъ до новей съ улишкомъ. Осенью ночи были черны, сыры, лѣсъ шумѣлъ, волки нашли изъ Зарѣчья.

Часто ночами стали стучать въ оконца: приходили изъ городовъ голодающіе, тащили съ собой деньги, одежду, обужу, бездѣлки, забавки, все, что можно утащить изъ городовъ, на обмѣнъ, на муку, — стучали въ оконца ночами, по воровски. Бабы Кононовы, всѣ три семьи, сѣли за пряжу, мужики пошли въ лѣсъ промышлять. И опять трудились упорно, сурово, одни, одинъ-на-одинъ съ ночью, съ лѣсомъ, съ морозомъ. На станцію проселокъ заглохнулъ, проложили проселки — къ Порѣчью, къ Семибратскому, къ Пустошамъ. Жили сурово. Смотрѣли на міръ исподлобья, — какъ избы ихъ — изъ-подъ сосенъ,. и — радостно жили, какъ надо. Знали:

Бунтъ. Въ Бунтѣ пяди назадъ не отступятъ, пяди не спятятъ.

Новой зимой поѣхалъ Иванъ въ степь съ дегтемъ за солью. Семенъ же направилъ на Нижній въ Асташковъ — за серпами, за косами.

.... Лѣсъ, перелѣски, поля, тихое небо, — проселки. Иной разъ проселки сходятся въ шляхъ. Около шляха прошла чугунка. Чугунка пошла въ города, и въ городахъ жили тѣ — иные, — кои стомились идти по проселкамъ, кои линейками ставили

шляхи, забиваясь въ гранитъ и желѣзо. И въ города народный проселочный бунтъ принесъ — смерть....

Въ городѣ, въ тоскѣ объ ушедшемъ, въ страхѣ отъ бунта народнаго, — всѣ служили и писали бумаги:— всѣ до одного въ городѣ служили, чтобы обслужить самихъ себя, и всѣ до одного въ городѣ писали бумаги, чтобы запутаться въ нихъ, — въ бумагахъ, бумажкахъ, карточкахъ, картахъ, плакатахъ, словахъ. Въ городѣ изчезнулъ хлѣбъ. Въ городѣ потухнулъ свѣтъ. Въ городѣ изсякла вода. Въ городѣ не было дровъ. Въ городѣ пропали даже собаки, кошки и мыши, — и даже крапива на городскихъ окраинахъ изчезла, которую порвали ребятенки для щей. Въ харчевняхъ, гдѣ не было ложекъ, толпились старики въ котелкахъ и старухи въ шляпкахъ, костлявыми пальцами судорожно хватавшіе съ тарелокъ объѣдки. На перекресткахъ, у церквей, у святынь негодяи продавали за безумныя деньги гнилой хлѣбъ и гнилую картошку, — у церквей, куда сотнями стаскивали мертвецовъ, которыхъ не успѣвали похоронить, закабаляя похороны въ бумаги. По городу шли голодъ, сифилисъ и смерть. По проспектамъ обезумѣвшіе метались автомобили, томясь въ предсмертной мукѣ. Люди дичали, мечтая о хлѣбѣ и картошкѣ, люди голодали, люди сидѣли безъ свѣта и мерзнули, — люди растаскивали заборы, деревянныя стройки, чтобы согрѣть умирающій камень и писцовыя конторы. Красная, кровяная жизнь ушла изъ городовъ (какъ и не была здѣсь, въ сущности), пришла бѣлая, бумажная — жизнь — смерть. Тамъ, гдѣ смерть есть рожденіе, — нѣтъ смерти. Городъ умиралъ безъ рожденія, — и жутко было весной, когда на улицахъ, какъ ладанъ на похоронахъ, тлѣли дымные костры, сжигая падаль, кутая городъ смерднымъ удушьемъ, тлѣннымъ удушьемъ, — на улицахъ — разграбленныхъ, растащенныхъ, захарканныхъ, съ побитыми окнами, съ заколоченными домами, съ ободранными фронтонами. А люди, разъѣзжавшіе раньше съ кокотками

по ресторанамъ, любившіе женъ безъ дѣтей, имѣвшіе руки безъ мозолей и къ сорока годамъ табесъ, мечтавшіе о Монако, съ идеалами Поля-де-Кока, съ выучкою нѣмцевъ, — хотѣли еще и еще ободрать, обокрасть городъ, мертвеца, чтобы увезти украденное въ деревню, смѣнять на хлѣбъ, добытый мозолями, не умереть сегодня, отодвинувъ смерть на мѣсяцъ, — чтобы опять писать свои бумаги, любить (теперь уже по праву) безъ дѣтей и вожделѣнно ждать прогнившее старое, — не смѣя понять, что имъ осталось одно — смердить смертью, умереть, — и что вожделѣнное старое и есть путь къ смерти.

... Лѣсъ, перелѣски, поля, тихое небо ...

Въ городѣ жили многіе, и одинъ изъ нихъ — нѣкій — былъ такимъ же, какъ всѣ. У него не было хлѣба, но у него былъ граммофонъ, и онъ поѣхалъ въ деревню смѣнять граммофонъ на хлѣбъ. Онъ досталъ всевозможныхъ бумагъ, бумажекъ и карточекъ, — но, — потому что чугунка шла отъ городовъ, — и чугунка умирала, разлагаясь смрадно, какъ всякая послѣдняя смердная смерть. На станціи было тысячи людей съ бумажками, которые тоже ползли за хлѣбомъ. И потому-что было тысячи людей съ бумажками, ѣхали тѣ, у кого не было никакихъ бумажекъ. Нашъ нѣкій уцѣпился за нижнюю подножку и проѣхалъ такъ сорокъ верстъ — подъ мѣшками, свѣсившимися съ крыши. Затѣмъ его, съ его граммофономъ, согнали съ подножки и онъ шелъ тридцать верстъ пѣшкомъ, первый разъ въ жизни потрудившись здѣсь подъ тяжестью граммофона, — съ тѣмъ, чтобы на новой станціи влѣзть на крышу и еще проѣхать сто верстъ.

Тамъ его опять сбросили. Но тамъ около чугунки проходилъ шляхъ. А если свернуть отъ шляха, пройти полемъ, перебраться черезъ рѣку, пробраться лѣсами, обогнуть овраги, потомиться въ суходолахъ, зайти на болота,— то придешь на деревню Починки.

Путникъ нашъ съ граммофономъ пришелъ туда къ закату, — красное солнце отражалось въ оконцахъ, бабы доили коровъ. Была уже осень и меркнуло быстро. Человѣкъ съ граммофономъ постучалъ въ окно, ставню поднялъ Кононовъ Иванъ.

— Вотъ, на мучицу, товарищъ, смѣнять, граммофонъ, музыкальный инструментъ, пластинки...

Кононовъ Иванъ, плечи раскинувъ, сгорбясь, стоялъ у окна, исподлобья взглянулъ на закатъ, на поля, на музыкальный инструментъ, подумалъ, сказалъ неспѣша.

— Не надоть. Ступай, коли-чте, на Порѣчье, — и ставня упала.

Вечеръ надвинулся быстро.

Лѣсъ, перелѣски, болота, поля, черное небо въ осеннихъ свѣтилахъ, — проселокъ: двѣ колеи, подорожники, тропка — безъ конца, безъ начала, безъ края, ползетъ, вьется змѣею. Иному тоскливо итти, хочетъ пройти попрямѣе:

свернетъ, проплутаетъ, вернется на прежнее мѣсто!

Іюль, 1919 г.

ИМѢНІЕ БѢЛОКОНСКОЕ.

I.

Въ окна гостиной долго, сквозь пустой осенній паркъ, глядѣло солнце. Въ пустой осенней тишинѣ надъ степью кричали «вороньи свадьбы». — Въ этомъ домѣ прошла вся жизнь, теперь надо было уѣзжать, навсегда: самъ предсѣдатель, Иванъ Колотуровъ, принесъ послѣднее предписаніе, въ кухнѣ уже поселились тѣ, чужіе.

Утромъ всталъ съ синимъ разсвѣтомъ, день пришелъ золотой, ясный, съ бездонной синей небесной твердью, — раньше, отцы, въ такіе дни травили борзыми. Въ поляхъ теперь голо, торчатъ мертвыя ржаныя стрѣлы, должно-быть, скулятъ уже волки. Еще вчера вечеромъ приколачивали у параднаго красную вывѣску: — «Бѣлоконскій комитетъ бѣдноты», и шумѣли всю ночь въ залѣ, что-то устанавливая. Гостиная стоитъ еще по-прежнему, въ кабинетѣ за стеклами блестятъ еще золоченые корешки книгъ,— о книги! ужели избудетъ вашъ ядъ и сладости ваши?

Утромъ всталъ съ синимъ разсвѣтомъ, — князь Прозоровскій, — и ушелъ въ поле, бродилъ весь день, пилъ послѣднее осеннее вино, слушалъ вороньи свадьбы: въ дѣтствѣ, когда видѣлъ этотъ осенній птичій карнавалъ, хлопалъ въ ладоши и кричалъ неистово: —«Чуръ, на мою свадьбу! Чуръ, на мою свадьбу!» — Никогда никакой свадьбы не было, дни

уже подсчитываются, жилъ для любви, было много любовій, была боль и есть грусть. Была отрава Московской Поварской, книгъ и женщинъ, — была грусть осенняго Бѣлоконскаго, всегда жилъ здѣсь осенями. Шелъ пустыми полями безъ дорогъ, въ лощинахъ багряно сгорали осины, сзади на холмѣ стоялъ бѣлый домъ, въ лиловыхъ купахъ рѣдѣющаго парка. Безмѣрно далеки были дали, синія, хрустальныя. Виски уже лысы и сѣдѣютъ, — не остановишь, не вернешь.

Въ полѣ повстрѣчался мужикъ, исконній, всегдашній, съ возомъ мѣшковъ, въ овчинѣ, — снялъ шапку, остановилъ клячу, пока проходилъ — *баринъ*.

— Здравствуй, ваше сіятельство, — чмокнулъ, дернулъ возжами, поѣхалъ, потомъ снова остановился, крикнулъ: — Баринъ, слышь-сюды! Сказать хочу.

Вернулся. Лицо у мужика все заросло волосами, въ морщинахъ, — старикъ.

— Что же теперь дѣлать будешь, баринъ?

— Трудно сказать.

— Уйдешь когда?... Хлѣбъ отбираютъ, — бѣдные комитеты. Ни спичекъ, ни мануфактуры, — лучину жгу... Хлѣбъ не велятъ продавать, — слышь сюды, — тайкомъ на станцію везу. Изъ Москвы поѣхало — и-и! Тридцать пять — трид-цать пять!.. Да что на ихъ укупишь?... Одначе — весело, все-таки очень весело!... Закури, баринъ.

Не курилъ, — свернулъ махорочную цигарку. Кругомъ степь — никто не видитъ, знаетъ, что мужикъ жалѣетъ. Попрощался за руку, повернулся круто, пошелъ домой, въ паркѣ въ пруду вода была зеркальная, синяя, — всегда въ пруду вода была холодной, прозрачной, какъ стекло. Еще не время замерзнуть окончательно. Солнце уже перемѣстилось къ западу.

Пришелъ въ кабинетъ, сѣлъ къ столу, открылъ ящикъ съ письмами, — вся жизнь, не увезешь съ собой. Вытряхнулъ ящикъ на столъ, пошелъ въ го-

стиную къ камину. На столикѣ для альбомовъ стояла кринка молока, хлѣбъ. Зажегъ каминъ, жегъ бумаги, стоялъ около и пилъ молоко, ѣлъ хлѣбъ — проголодался за день. Уже входили въ комнату синія вечернія тѣни, за окнами стоялъ лиловатый дымокъ. Каминъ горѣлъ палево. Молоко было несвѣжимъ, хлѣбъ зачерствѣлъ.

Въ тишинѣ корридора забоцали сапоги, вошелъ Иванъ Колотуровъ, предсѣдатель, въ шинели и съ револьверомъ у пояса, — Иванъ Колотуровъ: — вмѣстѣ играли мальчишками, потомъ былъ разсудительнымъ мужикомъ, хозяйственнымъ, работнымъ. Молча передалъ бумагу, сталъ среди комнаты.

Въ бумагѣ было наремингтовано: «Помѣщику Прозоровскому. Бѣлоконскій Комитетъ бѣдноты немедленно предписываетъ покинуть присутствіемъ Совѣтское Имѣніе Бѣлоконское и предѣлы уѣзда. Предсѣдатель Ив. Колотуровъ».

— Что-же. Сегодня вечеромъ уѣду.

— Лошади вамъ не будетъ.

— Пойду пѣшкомъ.

— Какъ хотите. Вещей никакихъ не брать, — повернулся, постоялъ спиною минуту, ушелъ.

Какъ разъ въ это время пробили часы три четверти, — часы работы Кувалдина, мастера восемнадцатаго вѣка, были въ Кремлевскомъ дворцѣ въ Москвѣ, потомъ путешествовали съ князьями Вадковскими по Кавказу, — сколько разъ они сдѣлали свое «тикъ-такъ», чтобы унести два столѣтія? Сѣлъ у окна, глядѣлъ въ порѣдѣвшій паркъ, сидѣлъ неподвижно съ часъ, опираясь локтями о мраморный подоконникъ, думалъ, вспоминалъ. Раздумье прервалъ Колотуровъ, — вошелъ молча съ двумя парнями, прошелъ въ кабинетъ, молча силились поднять письменный столъ, треснуло что-то.

Всталъ, заспѣшилъ. Надѣлъ широкое свое сѣрое пальто, фетровую шляпу, вышелъ черезъ террасу,

прошелъ по шуршащимъ листьямъ экономіей, мимо коннаго двора, винокуреннаго завода, спустился въ балку, поднялся на другой ея край, усталъ и рѣшилъ, что надо итти не спѣша, — итти двадцать верстъ, первый разъ итти здѣсь пѣшкомъ. Какъ, въ сущности, просто все и — и страшно лишь простотою своею.

Солнце уже ушло за землю, багряно горѣлъ западъ. Пролетѣла послѣдняя воронья свадьба и стала степная, осенняя тишина. Шелъ ровно, бодро, пустыннымъ степнымъ проселкомъ. Первый разъ въ жизни шелъ такъ легко, безъ всего, неизвѣстно куда и зачѣмъ. Гдѣ-то очень далеко въ степи лаяли собаки. Стали тьма и ночь, осеннія, безмолвныя, въ твердомъ морозцѣ.

Восемь верстъ прошелъ бодро, незамѣтно, а потомъ остановился на минуту — перевязать шнурокъ у ботинокъ — и вдругъ почувствовалъ безмѣрную усталость, заломило ноги — за день избродилъ уже верстъ сорокъ. Впереди лежало село Махмытка, въ юности, студентомъ ѣздилъ сюда къ солдаткѣ, ночевалъ у нея тайкомъ, съ нею, — теперь не пойдетъ къ ней: ни за что. Деревня лежала приплюснутая къ землѣ, заваленная огромными скирдами соломы, пахнущая хлѣбомъ и навозомъ. Встрѣтили лаемъ собаки, темными пятнами выкатились за околицу, къ ногамъ, цѣлая стая.

Постучалъ въ окошко, въ первую избу, за окномъ горѣла-тлѣла лучина, отозвались не скоро.

— Хто тама?

— Пустите, люди добрые, ночевать.

— А хто такой?

— Прохожій.

— Ну, сичасъ.

Вышелъ мужикъ, въ розовыхъ портахъ, босикомъ, съ лучиной, освѣтилъ, осмотрѣлъ.

— Хнязь? Ваше сіятельство. Домудровалси?... Иди, что ли.

На полу настелили соломы, огромную вязанку, трещалъ сверчекъ, пахло копотью и навозомъ.

— Ложись, хнязь, спи съ Богомъ.

Мужикъ влѣзъ на печку, вздохнулъ, что-то зашептала баба, буркнулъ мужикъ, потомъ сказалъ громко:

— Хнязь! Ты спи, а только утромъ уходи до свѣту, чтобы не видѣли. Самъ знаешь, время смутное... Все-таки ты баринъ. Бариновъ надо кончать. Баба разбудитъ.... А ты спи.

Трещалъ сверчекъ, въ углу хрюкали поросята. Легъ, не раздѣваясь, кэпи подложилъ подъ голову, сейчасъ-же поймалъ на шеѣ таракана. Въ глухой степи, засыпанной хлѣбомъ, соломенной, въ соломенныхъ скирдахъ, съ избами, проѣденными вшами, блохами, клопами, тараканами, прокопченными, вонючими, гдѣ живутъ вмѣстѣ — люди, телята и свиньи, — лежалъ на соломѣ князь, ворочался отъ блохъ и думалъ о томъ, что черезъ нѣсколько столѣтій объ этихъ теперешнихъ дняхъ будутъ писать — съ любовью, тоскою и нѣжностью, какъ о дняхъ величайшаго, прекраснѣйшаго проявленія человѣческаго духа. Подошелъ поросенокъ, обнюхалъ и ушелъ. Въ окно смотрѣла низкая ясная звѣзда, — безконеченъ міръ. Пѣли на деревнѣ пѣтухи.

Какъ заснулъ, — не замѣтилъ. На разсвѣтѣ разбудила баба, вывела на зады. Разсвѣтъ былъ синій, холодный, на траву сѣлъ сизый заморозокъ. Пошелъ быстро, помахивая тростью, съ поднятымъ воротникомъ пальто. Небо было удивительно глубокимъ и синимъ. На станціи вмѣстѣ съ мѣшечниками и мѣшками съ мукой втиснулся въ теплушку и, такъ, прижатый къ стѣнѣ, измазанный бѣлой мукой, поѣхалъ, — въ Москву.

II.

Иванъ Колотуровъ, предсѣдатель, двадцать лѣтъ ковырялъ свои двѣ души, поднимался всегда до зари и дѣлалъ— копалъ, бороновалъ, молотилъ, стругалъ, чинилъ, — дѣлалъ своими руками, огромными, негнувшимися, корявыми. Поднявшись утромъ, заправлялся картошкой и хлѣбомъ и шелъ изъ избы, — чтобы дѣлать что-либо — съ деревомъ, камнемъ, желѣзомъ, землей, скотомъ. Былъ онъ работящъ, честенъ, разсудителенъ. Еще въ пятомъ году (ѣхалъ со станціи, подсадилъ человѣка въ мастерской курткѣ) — разсказали ему, что предъ Богомъ всѣ равны, что земля ихняя, крестьянская, что помѣщики землю украли, что придетъ время, когда надо будетъ взяться за дѣло. Иванъ Колотуровъ плохо понялъ, что надо будетъ дѣлать, но когда пришла революція и докатилась до степи, — онъ первый поднялся, чтобы дѣлать. И почуялъ тоску. Онъ хотѣлъ дѣлать все честно, — онъ умѣлъ дѣлать только руками — копать, пахать, чинить, — только мышцами. Его избрали въ волостной комитетъ, — онъ привыкъ вставать до зари и сейчасъ-же приступать къ работѣ, теперь до десяти онъ долженъ былъ ничего не дѣлать, въ десять онъ шелъ въ комитетъ, гдѣ съ величайшимъ трудомъ подписывалъ бумаги, — но и это не было дѣломъ: бумаги присылались и отсылались безъ его воли, онъ ихъ не понималъ, онъ только подписывалъ. Онъ хотѣлъ дѣлать. Весной онъ ушелъ домой, — пахать. Осенью его выбрали предсѣдателемъ Бѣднаго Комитета, онъ поселился въ княжеской экономіи, надѣлъ братнину солдатскую шинель, подпоясался револьверомъ.

Вечеромъ онъ заходилъ домой, баба встрѣтила сумрачно, махала локтями, дѣлала мурцовку. На печи сидѣли дѣти, въ углу хрюкали поросята. Лучина чадила.

— Поди, ужъ и жрать съ нами не будешь послѣ барскихъ харчей! Баринъ издѣлался.

Промолчалъ, сидѣлъ на конникѣ, подъ образами.

— Посмотри, — съ кѣмъ путаешься? Одни враги собралися. Одни-разъединые вражники.

— Молчи, дура. Не понимаешь, и молчи.

— Отъ меня стыдишься, хоронишься.

— Идемъ вмѣстѣ жить.

— Не пойду.

— Дура.

— Лаяться ужъ научился... Жри мурцовку-то! Аль ужъ отучился на барской свининѣ-то?

Правда, уже наѣлся, и угадала — свинины. Засопѣлъ.

— Дура и есть.

Приходилъ, чтобы поговорить о хозяйствѣ, потолковать. Ушелъ ни съ чѣмъ. Баба уколола въ больное мѣсто — всѣ почетные мужики стали сторониться, собрались въ комитетѣ одни — которымъ терять нечего. Прошелъ селомъ, паркомъ, на конномъ дворѣ былъ свѣтъ, зашелъ поглядѣть — собрались парни и играли въ три листика, курили, постоялъ, сказалъ хмуро:

— Не дѣло, ребята, затѣяли. Подпалите.

— Ну-к-чтожъ. Какой ты до чужого добра защитникъ.

— Не чужое, а наше.

Повернулся, пошелъ. Въ спину крикнули:

— Дядя Иванъ! Ключъ отъ винокурнаго погреба у тебя?! Тамъ спиртъ есть, — не дашь, сломаемъ!

Въ домѣ было темно, безмолвно, въ гостиной жилъ еще князь. Большія комнаты были непривычны, страшны. Зашелъ въ канцелярію — бывшую столовую, зажегъ лампу. Заботился все время о чистотѣ, — на полу лежали комки чернозема отъ сапогъ, никакъ не могъ постичь, почему господскіе сапоги не оставляютъ за собою слѣдовъ. Сталъ на колѣни и собиралъ съ пола комья грязи, выкинулъ за окно,

принесъ щетку, подмелъ. Пошелъ въ кухню, легъ не раздѣваясь на лавку, долго не могъ уснуть.

Утромъ проснулся, когда всѣ еще спали, ходилъ по усадьбѣ. На конномъ дворѣ парни еще играли въ три листика — «иду подъ тебя и крою».

— Что не спишь?

— Ужъ проспался.

Разбудилъ скотницъ. Скотникъ Семенъ вышелъ наружу, стоялъ, почесывался, крѣпко выругался, недовольный, что разбудили, сказалъ:

— Не въ свое дѣло не суйся. Самъ знаю, когда будить.

Разсвѣтъ былъ синій, ясный, морозный. Въ гостиной появился свѣтъ, видѣлъ, какъ князь вышелъ черезъ террасу, ушелъ въ степь.

Въ десять сѣлъ въ канцеляріи, занимался мучительнѣйшимъ дѣломъ — и безполезнымъ по его мнѣнію — составлялъ опись всей имѣющейся у каждаго мужика пшеницы и ржи, — безполезной потому, что зналъ наизусть, сколько чего у каждаго мужика, какъ и всѣ знали на селѣ, мучительной потому, что надо было очень много писать. Позвонили по телефону изъ города, приказали выселить князя. Цѣлый часъ писалъ на машинкѣ — приказаніе князю.

Вечеромъ князь ушелъ. Стали перетаскивать, переставлять вещи, оторвали фанеру у письменнаго стола. Хотѣли перевѣсить часы въ канцелярію, но кто-то замѣтилъ, что у нихъ только одна стрѣлка, — никто не зналъ, что у старинныхъ кувалдинскихъ часовъ и должна быть одна стрѣлка, показывающая каждыя пять минутъ, вѣрно потому, что въ старину не жалѣли минутъ, — кто-то замѣтилъ, что часы вынимаются изъ футляра, и Иванъ Колотуровъ распорядился:

— Вынай часы изъ ящика. Скажи столяру, чтобы полки придѣлалъ, будетъ шкафъ для канцеляріи... Да ногами-то, ногами-то не боцайте!

Вечеромъ прибѣжала баба. На селѣ было событіе: прошлой ночью изнасиловали дѣвку, — неизвѣстно кто, то-ли свои, то-ли московскіе, пріѣхавшіе за мукой; баба свалила на комитетскихъ. Баба стояла подъ окнами и срамила во всю глотку. Иванъ Колотуровъ ее прогналъ, далъ въ шею, баба ушла съ воемъ.

Было уже совсѣмъ темно, въ домѣ застыла тишина, на дворѣ скотницы орали пѣсни. Прошелъ въ кабинетъ, посидѣлъ на диванѣ, попробывалъ его мягкость, наткнулся на забытый электрическій фонарикъ, поигралъ имъ, освѣтилъ стѣны, увидалъ въ гостиной на полу часы, поразмышлялъ, — куда-бы ихъ дѣть? — отнесъ и бросилъ въ нужникъ. Въ другомъ концѣ дома, ватагой, ввалились парни, кто-то задубасилъ по роялю, Ивану Колотурову хотѣлось ихъ прогнать, чтобы не чинили безпорядка. Не посмѣлъ. Вдругъ очень жалко стало самого себя и бабу, захотѣлось домой, на печь.

Ударили въ колоколъ, — къ ужину. Тайкомъ пробрался въ спиртовой погребъ, налилъ кружку, выпилъ, успѣлъ запереть погребъ, но до дому не дошелъ, свалился въ паркѣ, долго лежалъ, пытаясь подняться, о чемъ-то все хотѣлъ разсказать и объяснить, — но заснулъ. Ночь шла черная, черствая, осенняя, — шла надъ пустою, холодною, дикою степью.

Саратовъ, октябрь, 1918.

КОЛЫМЕНЪ-ГОРОДЪ.

Колыменъ — значитъ: широкъ, обиленъ, богатъ.

Городъ—древенъ, съ кремлемъ, соборами, четырьмя монастырями. Нѣкогда правили здѣсь Василій Темный, Василій Шемяка, у Никиты Подземнаго молился передъ Куликовымъ полемъ Димитрій Донской. Каменный городъ лежитъ на Великомъ Воднюмъ Пути, — издревле славенъ торговлею и старыми торговыми купеческими именитыми родами.

На кремлевскихъ городскихъ воротахъ надписано:

«Спаси, Господи
«Градъ сей и люди твоя
«И благослови
«В ходъ воврата сіи.

Разсказъ этотъ— о купцахъ, о купцѣ Иванѣ Ратчинѣ и сынѣ его, Донатѣ.

Вотъ выписка изъ Книги Постановленій Колыменскаго Сиротскаго суда:

«1794-го года Генваря 7-го дня понедѣльникъ въ присутствіе Колыменскаго Городоваго Сиротскаго Суда — господа присутствующіе прибыли въ двѣнадцатомъ часу пополуночи:

«Дементій Ратчинъ, градскій голова.

«Ратманы: Семенъ Тулиновъ, Степанъ Ильинъ,

«Степанъ Забровъ, градскій староста.

«Слушали. . .

6*

Постановили: Градскаго Голову Дементія Ратчина, мужа именита и честна, благодарить и чествовать.

«Расписались...

«Изъ присутствія вышли во второмъ часу по полудни и прослѣдовали въ Соборъ для молебствія».

Постановленіе это было написано ровно за сто лѣтъ до рожденія Доната, Донатъ же и нашелъ его, когда громилъ Колыменскій Архивъ. Было это постановленіе написано на синей бумагѣ, гусинымъ перомъ, съ затѣйливыми завитушками.

Двѣсти лѣтъ числилъ за собой именитый купеческій родъ Ратчиныхъ, раньше держали соляные откупа, торговлю мукою и гуртами, — двѣсти лѣтъ (прадѣдъ, дѣдъ, отецъ, сынъ, внукъ, правнукъ) на одномъ мѣстѣ, въ Соляныхъ рядахъ (теперь уничтожены), на Торговой площади (теперь Красная), — каждый день стояли за прилавкомъ, щелкали на счетахъ, играли въ шашки, пили изъ чайника чай (съ тѣмъ, чтобы остатки восьмерками расплескивать по полу), принимали покупателей, шугали приказчиковъ, мудровали*) надъ приказчиками.

Иванъ Емельяновичъ Ратчинъ, правнукъ Дементія, отецъ Доната, сорокъ лѣтъ тому назадъ, кудрявымъ юношей, сталъ за прилавокъ, — съ тѣхъ поръ много ушло: изсохъ, полысѣлъ, надѣлъ очки, сталъ ходить съ тростью, всегда въ ватномъ сюртукѣ и въ ватной фуражкѣ. Родился здѣсь-же, въ Зарядьи, въ своемъ двухъэтажномъ домѣ за каменными воротами съ волкодавами, сюда ввелъ жену, отсюда вынесъ гробъ отца, здѣсь правилъ.

Въ кремлѣ были казенные дома и церкви, подъ кремлемъ протекала рѣка Колыменка, за Колыменкой лежали луга, Ямская Слобода (желѣзная дорога въ тѣ времена проходила въ ста верстахъ), Реденевъ монастырь. Первыми просыпались въ кремлѣ гуси (свиней въ кремлѣ не водилось, ибо улицы были обу-

---

*) Мудровать — издѣваться.

лыжены). Вскорѣ за гусями появились кабацкіе ярыги, нищіе, юродивые. Шли въ управленіе будочники со столами на головахъ: издалъ по губерніи губернаторъ распоряженіе, чтобы дѣлали надзиратели ночные обходы и расписывались въ книгахъ, а книги приказалъ припечатать къ столамъ, — надзиратели и расписывались, только не ночью, а утромъ въ канцеляріяхъ, куда приносили имъ столы. Ночью же ходить по городу дозволяли неохотно и, если съ просонья будочникъ спрашивалъ: — Кто идетъ?! — надо было всегда отвѣчать:

— Обыватель!

Въ канцеляріяхъ и участкахъ, какъ и подобаетъ, били людей, особенно ярыгъ, жестоко и совершенно, спеціалистомъ былъ околодочный Бабочкинъ.

Кабацкіе ярыги собирались у казенки спозаранку, садились на травку и терпѣливо ожидали открытія. Проходили, осѣняясь крестами, купцы. Прибѣгалъ съ рѣки съ удочками страстный рыболовъ отецъ благочинный Левкоевъ, спѣшилъ съ ключами въ ряды, открывать эпархіальную свою торговлю: благочинный Левкоевъ человѣкомъ былъ уважаемымъ, и единственнымъ порокомъ его было то, что по лѣтамъ изъ кармановъ его ползли черви, результатъ его рыболовной страсти (объ этомъ даже доносилъ епископу поэтъ-доносчикъ Миряевъ). Ярыга Огонекъ-Классикъ кричалъ отцу:

— Всемилостивѣйшій господинъ!.. понимаете?..
— но батюшка, спѣша, только отмахивался.

А сейчасъ-же за батюшкой выходилъ изъ своей калитки, въ кителѣ, съ зонтомъ и въ галошахъ, учитель Бланманжовъ, слѣдовалъ за батюшкой въ эпархіальную торговлю попить чайку и заняться ческой[1]). Огонекъ (свѣтлое пятно) увѣренно шелъ къ нему, говорилъ:

---

[1]) Ческа — сплетни.

— Великодушный господинъ!... Vous comprenez?.. Вамъ говоритъ Огонекъ-Классикъ... — и Бланманжовъ давалъ семитку. Бланманжовъ былъ знаменитъ географіей и женой, которая въ церковь ходила въ кокошникѣ, дома — голая, а лѣтомъ и осенью фрукты изъ своего сада продавала въ окошко, въ одной рубашкѣ.

Приходилъ къ казенкѣ боецъ Трусковъ, пилъ пару мерзавцевъ. Приходили, проходили на базаръ торговки, разносчики. Ярыги покупали собачей радости[1]) и разбредались по своимъ дѣламъ. Заѣзжали извозчики на своихъ калибрахъ[2]), спросонья говорили:

— Пожа... Пожа!...

А надъ городомъ поднималось солнце, всегда прекрасное, всегда необыкновенное.

Надъ землею, надъ городомъ, проходили весны, осени и зимы, всегда прекрасныя, всегда необыкновенныя...

Веснами старухи съ малолѣтками ходили къ Николѣ Радованцу, къ Казанской на богомолье, слушали жаворонковъ, тосковали объ ушедшемъ. Осенями мальчики пускали змѣевъ съ трещетками. Осенями, зимнимъ мясоѣдомъ, послѣ Пасхи работали свахи, сводили жениховъ съ невѣстами, купцовъ съ солдатками, вдовами и «новенькими», — на смотринахъ почтовые чиновники разговаривали съ невѣстами о литературѣ и о географіи: невѣста говорила, что она предпочитаетъ поэта Лажечникова, а женихъ предпочиталъ Михаила Лермонтова, разговоръ изсякалъ, и женихъ спрашивалъ про географію, невѣста говорила, что она была у Николы Радованца, а женихъ сообщалъ про Варшаву и Любань, гдѣ отбывалъ воинскую повинность. На Николу-вешняго, на Петровъ день, на Масляную были въ городѣ яр-

---

[1]) Собачья радость — вареный рубецъ.

[2]) Калибра — кабріолетъ.

марки, пріѣзжали шарманщики, фокусники, акробаты, строились балаганы, артисты сами разносили афиши, и послѣ ярмарокъ купцы ходили тайкомъ къ доктору Елеозаричу. Зимой по субботамъ ходили къ Водопойщику въ баню, Водопойщикъ устраивалъ деревянный навѣсъ до самой рѣки, до прорубя, и купцы, напарившись крѣпко, летали стремительно нагишемъ до прорубя, окунуться разъ-другой. По воскресеньямъ же зимами были кулачные бои, бились съ ямскими и реденевскими, начинали съ мальчишекъ, которые кричали: — «Давай! Давай!» — кончали стариками, — но это не мѣшало вечеромъ катить купцамъ въ Ямскую къ цыганамъ, веселиться и размножать крупичатыхъ цыганятъ, а на обратномъ пути выворачивать фонарные столбы. Подъ Рождество до звѣзды не ѣли, на первый день славили Христа и разсказывали рацеи*), въ Крещенскій вечеръ на всѣхъ дверяхъ мѣломъ ставили кресты.

Событія въ городѣ бывали рѣдки, и если случались «камеражи», вродѣ слѣдующаго:

— Мишка Цвелевъ — слесаревъ съ акцизниковымъ сыномъ Иполиткой привязали мышь за хвостъ и играли съ ней возлѣ дома, а по улицѣ проходилъ зарѣцкій сумасшедшій Ермилъ-Кривой и — давай въ окна камнями садить. Цвелевъ-слесарь на него — съ топоромъ. Онъ топоръ отнялъ. Прибѣжали пожарные, — онъ на пожарныхъ съ топоромъ: пожарные — теку. Одинъ околодочный Бабочкинъ и справился. Мишку потомъ три дня драли, —

то весь городъ полгода объ этомъ говорилъ. Разъ въ два года убѣгали изъ тюрьмы арестанты, тогда ихъ ловили всѣмъ городомъ, и каждый могъ бить арестантовъ сколько было не лѣнь.

Въ Соляныхъ рядахъ на Торговой площади около эпархіальной лавки стоялъ рундукъ — единственная книжная торговля — подъ вывѣской:

---

*) Рацеи — исторіи изъ жизни Христа.

ПРОДАЖА И ПОКУПКА
учебниковъ, чернилъ, пѣрьевъ
и ручекъ
и ПРОДЧИХЪ періюдическихъ
писчибумажныхъ изданій
А. В. МИРЯЕВА.

Подъ рядской иконой Сорока свв. Великомучениковъ помѣщалась эпархіальная торговля. У рядской иконы служили столько молебновъ, сколько было именинъ у рядскихъ купцовъ. Въ эпархіальной лавкѣ иконы не покупались, а вымѣнивались: — мѣняльщикъ покупалъ новый картузъ, клалъ въ него деньги и мѣнялъ картузъ на икону, картузы шли въ духовное училище. Завѣдывалъ эпархіальной торговлей о. благочинный Левкоевъ, мечтавшій, по примѣру Іисуса Христа, учредить рыболовное братство и на общемъ собраніи обсудить давно назрѣвшій вопросъ о томъ, какъ ставить лодки для рыбной ловли — на якоряхъ, камняхъ или привязи? Въ эпархіальной лавкѣ играли въ шашки и собиралась интеллигенція — Бланманжовъ, А. В. Миряевъ. Клубъ же коммерческій былъ у мыльника Зяброва, любителя пожаровъ. У него всегда сидѣли аблокаты и языки (слово и дѣло!): аблокаты писали кляузы и бумаги, языки свидѣтельствовали все, что угодно. По рядамъ таскались нищіе, юродивые, — Зябровъ надъ ними потѣшался: зимами примораживалъ слюной къ каменному полу серебряные пятаки и приказывалъ нищимъ отдирать ихъ зубами въ свою пользу, лѣтомъ предлагалъ за гривенникъ выпить ведро воды (дурачекъ Тига-Гога выпивалъ) или устраивалъ гонки, точно на пожарномъ парадѣ. Потѣшался Зябровъ и надъ прохожими: выкидывалъ за дверь часы на ниткѣ, бросалъ конфектныя коробки съ тараканами или съ дохлой крысой. Въ каменныхъ рядахъ было темно, сыро, пахло крысами, гнилыми кожами, тухлыми сельдями.

Иванъ Емельяновичъ Ратчинъ, высокій, худой, въ ватномъ картузѣ, приходилъ въ свою лавку безъ пяти минутъ семь, гремѣлъ замками и поучалъ мальчиковъ и приказчиковъ своему ремеслу: надо было при покупателяхъ говорить:

не — даютъ, а — жалуютъ,
не — уступить, а — сколоть,
не — продавай, а — прикалывай,
не — торгуйся, а — божись,
не — 150 рубл. 50 коп., а—арци-иже-онъ конъ иже-онъ кунъ,
не — 90, а — твердо-онъ,

покупателямъ надо было двери отворять и за ними затворять: — не обмѣришь, — не обманешь — не продашь. Затѣмъ Иванъ Емельяновичъ уходилъ въ конторку, щелкалъ на счетахъ, читалъ вслухъ Библію, въ конторку же призывалъ и провинныхъ (а мальчиковъ и безъ вины) и подъ вѣчной лампадой проучивалъ, смотря по винѣ, — или двуххвосткой, или вологой[1]). Въ двѣнадцать приходилъ хлѣбникъ, — давалъ на хлѣбника приказчикамъ — пятакъ, а мальчикамъ — 3 копѣйки. Выходилъ къ о. Левкоеву играть въ шашки, по гривеннику партія, — молча обыгрывалъ всѣхъ: ческой не любилъ заниматься. Съ покупателями говорилъ строго, только съ оптовыми.

Запорка[2]) была въ половину восьмого, а въ восемь по рядамъ бѣгали волкодавы, рядскія собаки. Въ девять городъ засыпалъ, и на вопросъ: — Кто идетъ?! — надо было отвѣчать, чтобы не угодить въ участокъ:

— Обыватель!...

И былъ въ Колыменѣ одинъ человѣкъ не отъ міра колыменскаго, — это святой Данилушка. Былъ онъ нагъ и босъ, носилъ вериги, былъ иконописенъ, ры-

---

[1]) Воложка — черлоковый прутъ.

[2]) Запорка — закрытіе лавокъ.

жебородъ, синеокъ. Если Иванъ Емельяновичъ былъ (неизвѣстно почему) жестокъ и злобенъ, то Данилушка (тоже неизвѣстно почему) былъ добръ. Онъ былъ строгъ, онъ былъ простъ, — доброта его была аскетически проста, строга. Взглядъ его былъ поко енъ, — Данилушка умѣлъ ясновидѣть и говорить только правду, или ничего не говорить. Какъ жилъ онъ — никто не зналъ, появлялся на улицахъ онъ рѣдко. У него была на окраинѣ чистая свѣтелка, въ гераняхъ и бальзаминахъ.

Въ домѣ (за волкодавами у каменныхъ глухихъ воротъ) Ивана Емельяновича было безмолвно, лишь вечерами изъ подвала, гдѣ жили приказчики съ мальчиками, неслось придавленное пѣніе псалмовъ и акафистовъ. Дома у приказчиковъ отбирались пиджаки и счиблеты, а у мальчиковъ штаны (дабы не шамонали[1]) по ночамъ), и самъ Иванъ Емельяновичъ регентовалъ съ аршиномъ въ рукѣ, которымъ «училъ». Въ подвалѣ окна были съ рѣшетками, лампы не полагалось, — горѣла лампада. Вечеромъ за ужиномъ Иванъ Емельяновичъ самъ рѣзалъ во щахъ солонину, первый зачерпывалъ щи деревянной ложкой, зѣвавшихъ билъ ею по лбу. и солонину можно было брать, когда самъ говорилъ:

— Ѣшь со всѣмъ!

Ивана Емельяновича звали не иначе какъ — самъ и папаша. Жили подъ пословицей: «папаша придетъ — всѣ дѣла разберетъ[2])». Была у Ивана Емельяновича дебелая жена, гадавшая на картахъ о червонномъ королѣ, но въ постель съ собой клалъ Иванъ Емельяновичъ не ее, а Машуху, довѣренную ключницу. Передъ сномъ у себя въ душной спальнѣ Иванъ Емельяновичъ долго молился — о торговлѣ, о дѣтяхъ, объ умершихъ, о плавающихъ и путеше-

[1]) Шамонали — шлялись.

[2]) Пословица гласитъ:

«Дѣло не наше, сказала мамаша.
«Папаша придетъ — всѣ дѣла разберетъ.

ствующихъ — читалъ псалмы. Спалъ чутко, мало. — по-стариковски. Вставалъ раньше всѣхъ, со свѣчею, снова молился, пилъ чай, приказывалъ — и уходилъ на весь день въ лавку. Дома безъ него было легче (быть можетъ, потому, что это былъ день?), и изъ коморокъ выползали къ «самой» приживалки. Каждую субботу послѣ всенощной Иванъ Емельяновичъ поролъ сына Доната. На Рождество и на Пасху прѣзжали гости — родня. 24-го іюня (послѣ пьяной Ивановой ночи!), въ день имянинъ, на дворѣ нищимъ устраивался обѣдъ. Въ прощеное воскресенье приказчики и мальчики кланялись Ивану Емельяновичу въ ноги, и онъ говорилъ каждому:

— Открой ротъ, дыши! — чтобы учуять водочный запахъ.

Такъ, между домомъ, лавкой, библіей, поркой, женой, Машухой, — прошло сорокъ лѣтъ. Такъ было каждый день — такъ было сорокъ лѣтъ, — это срослось съ жизнью, вошло въ нее, какъ вошла нѣкогда жена, вошли дѣти, какъ ушелъ отецъ, какъ пришла старость.

Сынъ Ивана Емельяновича, Донатъ, родился мальчикомъ красивымъ и крѣпкимъ. Въ дѣтствѣ у него было все: и бабки, и чушки, и купанье на рѣкѣ Перевозчика, и змѣи съ трещеткой, и голуби, и силки для щенятъ, и катанье на простянкахъ*), и покупка-продажа подковъ, и кулачные бои,— это было въ дни, когда, за малымъ его ростомъ, Доната не замѣчали. Но къ пятнадцати годамъ Иванъ Емельяновичъ его замѣтилъ, сшилъ ему новые сапоги, картузъ и штаны, запретилъ выходить изъ дома, кромѣ, какъ въ училище и церковь, слѣдилъ, чтобы онъ научился красиво писать и усиленно началъ пороть по субботамъ. Донатъ къ пятнадцати годамъ возросъ, кольцами завились русыя кудри. Сердце Доната Богъ создалъ къ любви. Въ училищѣ учитель

*) Простянки — пустые розвальни въ обозѣ.

Бланманжовъ заставлялъ Доната, какъ и всѣхъ учениковъ, путешествовать по картѣ: въ Іерусалимъ, въ Токіо (моремъ и сушей), въ Буенойсъ-Айресъ, въ Нью-Іоркъ, — перечислять мѣста, широты и долготы, описывать города, людей и природу, — городское училище было сплошной географіей, и даже не географіей, а путешествіемъ, Бланманжовъ такъ и задавалъ: выучить къ завтрому путешествіе въ Іоркширъ. И въ эти же дни расцвѣла первая любовь Доната, прекрасная и необыкновенная, какъ всякая первая любовь: Донатъ полюбилъ комнатную дѣвушку Настю, черноокую и тихую. Донатъ приходилъ вечерами на кухню и читалъ вслухъ житія свв. Отцовъ. Настя садилась противъ, опирала ладонями голову въ черномъ платочкѣ — и пусть никто, кромѣ ея, не слушалъ: Донатъ читалъ свято, и душа его ликовала. Изъ дома уходить было нельзя — великимъ постомъ они говѣли, и съ тѣхъ поръ ходили въ церковь каждую вечерню. Былъ прозрачный апрѣль, текли ручьи, устраивались жить птицы, сумерки мутнѣли медленно, перезванивали великопостные колокола, и они, въ сумеркахъ, держась за руки, въ весеннемъ полуснѣ, бродили изъ церкви въ церковь (было въ Колыменѣ 27 церквей), не разговаривали, чувствовали, чувствовали одну огромную свою радость. Но учитель Бланманжовъ тоже ходилъ къ каждой вечернѣ, примѣтилъ Доната съ Настей, сообщилъ о. Левкоеву, а тотъ Ивану Емельяновичу, — Иванъ Емельяновичъ, призвавъ Доната и Настю, и, задравъ Настины юбки, приказалъ старшему приказчику (при Донатѣ) бить голое Настино тѣло вологами, затѣмъ (при Настѣ), спустивъ Донату штаны, поролъ его собственноручно, Настю прогналъ въ тотъ же вечеръ, отослалъ въ деревню, а къ Донату на ночь прислалъ Машуху. Учитель Бланманжовъ заставилъ Доната на другой день путешествовать черезъ Тибетъ къ Далай-Ламѣ и поставилъ единицу, потому что къ Далай-Ламѣ евро-

пейцевъ не пускаютъ. Тотъ великiй постъ, съ его сумерками, съ его колокольнымъ звономъ, тихiе Настины глаза — навсегда остались прекраснѣйшимъ въ жизни Доната.

Вскорѣ Донатъ научился у приказчиковъ лазить ночами въ форточку черезъ выпиленную рѣшетку и черезъ заборъ въ огородъ, въ Ямскую слободу, въ «Европу» за водкой. Сталъ ходить съ отцомъ за прилавокъ. По праздникамъ рядился, ходилъ гулять на Большую Московскую. Сдружился съ iеремонахомъ Бѣлоборскаго монастыря о. Пименомъ. Лѣтомъ заходилъ къ нему ранними, росными утрами, вмѣстѣ купались въ монастырскомъ прудѣ, гуляли по парку, затѣмъ въ келiи, за фикусами, подъ кенарейкой, въ крестахъ и иконахъ, выпивали черносмородиновой, о. Пименъ разсказывалъ о своихъ богомолицахъ и читалъ стихи, собственнаго сочиненiя, вродѣ слѣдующаго:

О, дѣво, крине рая!
Молю тя воздыхая:
Воззри на мя умильно,
Тя возлюбихъ — бо сильно[1]).

Иногда къ нимъ примыкали и другiе монахи, тогда они шли въ потаенное мѣсто, въ Маринину башню, посылали мальчишекъ за водкой, пили и пѣли «коперника»[2]) и «Сашки-канашки» съ припѣвомъ на мо-

---

[1]) Вотъ продолженiе стихотворенiя:

Чернецъ азъ есьмь смиренный,
Зѣло въ тебя влюбленный,
Забывый объ обѣтѣ
(Держи сiе въ секретѣ!)
И, аще не противенъ
Тебѣ азъ грѣшный Пименъ,
Молю лобзанье дати.
Въ субботу азъ тя ждати
У вратъ священныхъ буду,
Затѣмъ.........— порнографiя.

[2]) Коперникъ цѣлый вѣкъ трудился...

тивъ «со святыми упокой». Иногда вечерами о. Пименъ надѣвалъ студенческую куртку, и они съ Донатомъ отправлялись въ циркъ. Монастырь былъ древенъ, съ церквами, вросшими въ землю, съ хмурыми стѣнами, со старыми звонницами, — и Пименъ же разсказывалъ Донату старыя колыменскія преданія.

Пименъ же познакомилъ Доната и съ Урываихой. Іюньскими блѣдными ночами, перебравшись черезъ заборъ, съ бутылкой водки, Донатъ шелъ къ затравленной, сданной купцами подъ опеку, красавицѣ-вдовѣ милліонера-ростовщика Урываева, стучалъ въ оконце, пробирался черезъ окно въ ея спальню, въ двуспальную постель. Любились страстно, шептались, говорили-ненавидѣли-проклинали. Ростовщикъ Урываевъ — семидесятилѣтнимъ — семнадцатилѣтней взялъ Оленьку въ жены, для монастырскаго блуда, вытравлялъ въ ней все естественное, умирая, завѣщалъ ей опеку. Красавица женщина спилась, кликушествовала: городъ ее закорилъ, замудровалъ... Но эта послѣдняя любовь Доната была недолгой, — на этотъ разъ донесъ, доносъ въ стихахъ написалъ поэтъ-доносчикъ А. В. Миряевъ.

Кто знаетъ?

Кто знаетъ, что было-бы съ Донатомъ?

Въ 1914 году въ іюнѣ, въ іюлѣ горѣли красными пожарами лѣса и травы, краснымъ дискомъ вставало и опускалось солнце, томились люди въ безмѣрномъ удушіи.

Въ 1914 году загорѣлась война и, за ней, въ 1917 году — революція.

Въ древнемъ городѣ собирали людей, учили ихъ ремеслу убивать и отсылали на Бѣловѣжскія болота, въ Галицію, на Карпаты — убивать и умирать. Доната угнали въ Карпаты. Въ Колыменѣ провожали солдатъ до Ямской слободы.

Первымъ погибнулъ въ городѣ Огонекъ-Классикъ, честный ярыга, спившійся студентъ, — умеръ, — повѣсился, оставивъ записку:

«Умираю потому, что безъ водки жить не могу. Граждане и товарищи новой зари! — когда классъ изжилъ себя — ему смерть, ему лучше уйти самому.

Умираю на новой зарѣ!»

Огонекъ-Классикъ умеръ передъ новой зарей.

Въ девятьсотъ шестнадцатомъ году провели мимо Колымена желѣзную дорогу, и послѣдній разъ схитрили купцы, «отцы города»: инженеры предложили городу дать взятку, и отцы города изъявили на то согласіе, но назначили столь мало, что инженеры сочли долгомъ поставить станцію въ десяти верстахъ. Поѣзда мимо города пробѣгали, какъ угорѣлые, и все же первый поѣздъ встрѣчали обыватели, какъ праздникъ, — вывалили къ Колыменкѣ, а мальчишки для удобства залѣзли на крыши и ветлы.

И первый поѣздъ, который остановился около самаго Колымена — это былъ революціонный поѣздъ. Съ нимъ вернулся въ Колыменъ — Донатъ, полный (недоброй памяти!) воспоминаній юношества, полный ненависти и воли. Новаго Донатъ не зналъ, Донатъ зналъ старое и старое онъ хотѣлъ уничтожить. Донатъ пріѣхалъ творить — старое онъ ненавидѣлъ. Въ домъ къ отцу Донатъ не пошелъ.

По древнему городу, по мертвому кремлю ходили со знаменами, пѣли красныя пѣсни, — пѣли пѣсни и ходили толпами, когда раньше древній, кононный купеческій городъ, съ его монастырями, соборами, башнями, обулыженными улицами, глухо спалъ, когда раньше жизнь теплилась только за каменными стѣнами, съ волкодавами у воротъ. Кругомъ Колымена лежали лѣса, — въ лѣсахъ загорѣлись пожары барскихъ усадебъ, изъ лѣсовъ потянулись мужики съ мѣшками и хлѣбомъ.

Домъ купца Ратчина былъ взятъ для красной гвардіи. Въ домѣ Бланмажова поселился Донатъ. Донатъ ходилъ всюду съ винтовкой, кудри Доната вились по-прежнему, но въ глазахъ вспыхнулъ сухой огонь — страсти и ненависти.

Соляные ряды разрушили. Изъ подъ половъ тысячами разбѣгались крысы, въ погребахъ хранилась тухлая свинина, въ фундаментахъ находили человѣческіе черепа и кости. Соляные ряды рушились по приказу Доната, на ихъ мѣстѣ строился Народный Домъ.

Вотъ и все.

Вотъ еще что (кому не лѣнь, иди, посмотри!): каждый день въ безъ пяти семь утра къ новой стройкѣ Народнаго Дома, какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ была торговля «Ратчинъ и сынъ», приходитъ каждый день древній старикъ, въ круглыхъ очкахъ, въ ватномъ картузѣ, съ изсохшей спиной, съ тростью, — каждый день садится около на тумбу и сидитъ здѣсь весь день, до вечера, до половины восьмого. Это — Иванъ Емельяновичъ Ратчинъ, правнукъ Дементія.

Въ городѣ — голодъ, въ городѣ скорбь и радость, въ городѣ слезы и смѣхъ. Надъ городомъ идутъ весны, осени и зимы. По новой дорогѣ ползутъ мѣшечники, оспа и тифъ.

И — опять — одинъ человѣкъ остался въ сторонѣ отъ всѣхъ, — Данилушка. Иконописный, рыжій, синеокій, ходитъ въ веригахъ, нагъ и босъ. Данилушка принялъ революцію, ждетъ и вѣритъ, вѣритъ: придетъ истинный, подлинный — въ лаптяхъ — Христосъ, котораго встрѣтятъ краснымъ звономъ. Онъ по-прежнему добръ и правдивъ, но теперь изсякла его строгость, — синіе глаза его лучатся и тихо и скорбно.

На кремлевскихъ колыменскихъ воротахъ написано:

«Спаси, Господи
Градъ сей и люди твоя
И благослови
В ходъ воврата сіи».

Коломна,
Никола-на-Посадьяхъ.

Апрѣль 1919.

СМЕРТЕЛЬНОЕ МАНИТЪ.

I.

Пахнетъ іюньское сѣно, въ сущности, плохими духами, — и все же нѣтъ запаха сладостнѣе, въ іюнѣ ночами горько пахнетъ березами, и разсвѣты въ іюнѣ — хрустальны.

То, чѣмъ встрѣтитъ земля человѣка, то навсегда остается ему. Алена родилась въ лѣсной сторожкѣ, гдѣ были небо, сосны, песокъ и рѣка. Но по рѣкѣ вправо и влѣво были луга, и Алена знала отъ матери своей, что желтый звѣробой — іюньскаго цвѣтенія, — бородавки со стеблей его и листьевъ, настоенные, — идетъ людямъ отъ груди; что лапчатка желтая — отъ головной боли и простуды помогаетъ очень; что тысячелистники розовые и бѣлые — отъ порѣзовъ, отъ порѣзовъ же и столѣтникъ; что шалфей пряный — отъ зубовъ, отъ горла, отъ зубовъ же — ромашка; можно еще ромашкой вытравить изъ чрева ребенка; что мята сладкая — отъ хрипоты и груди; что чистотѣлъ невзрачный — оранжевый сокъ изъ корешковъ его — отъ бородавокъ; что сороконедужникъ строгій — отъ всѣхъ земныхъ, тѣлесныхъ болѣстей; что единственная трава отъ змѣинаго укуса — цвѣточекъ незамѣтный, синій — звѣздочка; что чертополохомъ синимъ, колючимъ, что растетъ на откосахъ, изгоняютъ изъ избы чертей. Вмѣстѣ съ матерью собирала Алена эти травы передъ сѣнокосомъ въ іюнѣ, — всѣ онѣ

іюньскаго цвѣтенія, кромѣ чертополоха, колкаго и синяго, августовскаго. Вмѣстѣ съ матерью ставила на травахъ для зимы настойки.

Въ іюнѣ родилась Алена, и навсегда осталось въ памяти у нея іюньское сѣно, сладко пахнущее, и вся іюньская сѣнокосная страда.

Дѣвочкой уже знала она, что — смертельное манитъ.

Рядомъ со сторожкой проходила насыпь и шелъ черезъ рѣку желѣзный мостъ, по которому, рокоча, пролетали поѣзда. Весной, въ полую воду, разливалась рѣка, и люди ходили въ зарѣчье по мосту. Передъ Пасхой, когда буйничала весна, таяли снѣга, слѣпило солнце и лѣсъ гудѣлъ птичьими токами, въ ослѣпительный день проходилъ по насыпи студентъ, зарѣчный баринъ. Былъ онъ молодъ и здоровъ, съ фуражкой на свѣтлыхъ кудряхъ, въ смазныхъ сапогахъ, подходилъ къ окошку, просилъ попить, смѣялся.

— День-то какой, благодать! Тяга теперь какая. Черезъ мостъ, значитъ, можно? — смѣялся громко, беззаботно, красивый, молодой, здоровый, съ разстегнутымъ воротомъ синей косоворотки и съ капельками пота на бѣлой шеѣ.

— Ахъ, благодать-то какая, тетка Арина!

Взглянулъ на Алену, усмѣхнулся, сказалъ:

— Дочка, что ли? Красавица будетъ. Ой, красавица!

Мать называла студента по имени-отчеству, говорила ему, чтобы шелъ — не смотрѣлъ внизъ, — вода по веснѣ быстрая, закружится голова. Студентъ снялъ фуражку, тряхнулъ кудрями и ушелъ. Дошелъ до середины моста и бросился въ воду: чудомъ спасся, — нанесло его водою на старый быкъ, оставшійся отъ прежняго моста.

И вечеромъ мать разсказывала дочери, что — смертельное манитъ, манитъ полая вода къ себѣ, манитъ земля къ себѣ съ высоты, съ церковной ко-

локольни, манитъ подъ поѣздъ и съ поѣзда. Дѣвочкой не поняла этого Алена, — въ тотъ вечеръ, когда шумѣло половодье и въ открытое окно шелъ запахъ свѣжей земли. Но потомъ поняла, поняла уже дѣвушкой: черезъ нѣсколько весенъ сама стояла на мосту въ половодье и чувствовала, что манитъ, — манитъ вода, — невѣдомое, смертельное, — и углубила, поняла, что смертельное манитъ повсюду, что въ этомъ — жизнь: манитъ кровь, манитъ земля, манитъ — Богъ.

Дѣвушка ходила за рѣку, на село, на гулянки, пѣла на откосѣ съ дѣвушками пѣсни и водила хороводы, встрѣтила парня и полюбила его, и быть бы свадьбѣ, но мать ея, Арина, вдругъ заупрямилась, а потомъ покаялась дочери, говорила:

— Аленушка, вѣдь женихъ-отъ твой — родной твой братецъ. Грѣхъ... давно это было, молодая была, на сѣнокосѣ — согрѣшила съ отцомъ его. Отецъ-отъ твой въ солдатчинѣ былъ. Грѣхъ приключился, — говорила тихо, шопотомъ, утирала кончикомъ платка уголки губъ, нѣкогда красивыхъ.

Мать покаялась, а Алена перестала ходить на откосъ, проводила вечера около своей сторожки, ночами прислушивалась къ перепелиному крику, слѣдила за рѣчнымъ туманомъ, и еще разъ почуяла, что — смертельное — грѣхъ манитъ; грѣшное манитъ такъ же, какъ и святое, и рубежомъ всему — смерть.

Такъ прошла молодость, въ избѣ подъ соломеннымъ навѣсомъ, гдѣ были около небо, сосны, песокъ и рѣка съ лугами, съ цвѣтами и травами.

II.

Потомъ была жизнь.

Любитъ каждый однажды, и всегда любовь несчастна, ибо иначе не можетъ быть и должно такъ быть, потому что послѣ любви человѣкъ становится подлинно человѣкомъ, потому что страданіе очи-

7*

щаетъ; красота и радость любви — въ тайнѣ ея. И никто не зналъ, какъ тосковала Алена ночами, молодая, одинокая, съ молодымъ своимъ тѣломъ, — въ іюнѣ, въ іюньскія сѣнокосныя ночи. Поэтому она осталась и вѣковушкой, не вышла замужъ до положенныхъ своихъ двадцати лѣтъ, послѣ которыхъ рѣдко берутъ уже дѣвушку; поэтому не показывала никому и поминальной своей книжечки, гдѣ на первой страницѣ было написано здравіе раба Божьяго Алексія, перваго ея жениха, кровнаго ея брата. Помогала матери въ собираніи травъ, ходила за отца по рельсамъ съ фонаремъ и зеленымъ флагомъ, пряла зимними вечерами на безконечной прялкѣ. Такъ было до двадцать четвертаго года; остро начала чувствовать Бога съ смертельными тайнами, ходила въ церковь и молилась зарями, — вѣдь всегда религіозное связано съ плотскимъ, съ тѣлеснымъ...

Съ тѣхъ поръ, съ того апрѣля, какъ мать разсказала о томъ, что смертельное манитъ, прошло пятнадцать лѣтъ. Изъ Алены-дѣвочки стала красивая женщина, крѣпкая, румяная, широкая, съ черными глазами, опущенными скромно долу.

Тотъ же молодой студентъ, что тогда смѣялся и стоялъ подъ окошкомъ съ разстегнутымъ воротомъ, радостный и бодрый, — успѣлъ уже сильно размѣнять свою жизнь, такъ, какъ размѣниваютъ ее многіе русскіе бары: женился неудачно, метался съ женой по Россіи и за границей, все время тоскуя по своему помѣстью и тихой, разумной жизни; разошелся съ женою не скоро и трудно, потративъ на это все, что было отпущено ему для творенія жизни; вернулся, наконецъ, въ свою усадьбу, въ Марьинъ Бродъ, поселился одинъ въ старомъ домѣ, зарылся книгами. Былъ онъ уже зрѣлымъ мужчиной, съ бородою окладистой, съ усталыми уже глазами и печальной улыбкой.

И Алена ушла къ нему жить. Правила народа нашего строги и просты, — каждый родившійся дол-

женъ по веснѣ обвѣнчаться, родить и потомъ умереть; всѣмъ же отступившимъ отъ этого можно дѣлать по-своему свою жизнь — и не грѣхъ, если вѣковушка пойдетъ ко вдовцу въ работницы, не грѣхъ, если ко вдовѣ заѣзжаютъ почтари со станціи, — не осудитъ ихъ никто: вѣдь цвѣтетъ рожь и въ цвѣтеніи своемъ несетъ колосы, вѣдь ржатъ по веснѣ въ поляхъ лошади, токуютъ на токахъ птицы и поютъ на откосѣ дѣвушки.

Алена ходила въ церковь къ обѣднѣ, дома плакала потихоньку, потомъ взяла на плечи сундучокъ свой и пѣшкомъ пошла за рѣку, въ усадьбу Марьинъ Бродъ; уходя, остановилась въ дверяхъ, окинула взоромъ избу, сказала тихо:

— Что же, прощайте. Ухожу.

И ушла, — никто не осудилъ, не понесла грѣха.

Опять былъ іюнь. Во ржи въ поляхъ кричали перепела, небо было зеленымъ, солнце садилось на западѣ, и на востокѣ сталъ хрустальный серпъ; шла тихо, срывала колосики и высасывала сладко-вяжущій сокъ изъ будущихъ зеренъ.

III.

Въ усадьбѣ у барина Полунина прожила она пять лѣтъ.

Пришла къ нему вечеромъ, поставила въ кухнѣ на скамью сундучокъ, прошла въ его кабинетъ. Полунинъ сидѣлъ у стола. Сказала:

— Вотъ я, баринъ. Пришла — и, какъ мать ея, платкомъ утерла уголки губъ, еще красивыхъ очень.

Полунинъ былъ изъ тѣхъ русскихъ баръ, что ищутъ правду и Бога, и позвалъ къ себѣ Алену онъ потому, что полюбилъ ее и еще потому, что думалъ въ ней найти правдивое и естественное, отдохнуть съ ней и создать жизнь правильную и крѣпкую. Они жили вдвоемъ въ усадьбѣ, сами справляли хозяйство. Полунинъ училъ Алену грамотѣ и читалъ съ ней

Житія, самъ увлекающійся ими, ищущій подлинно-русское.

Черезъ полгода родилась у нихъ дочь Наталья,—и Алена предалась ребенку, въ немъ и черезъ него чувствуя жизнь. Была жизнь ея проста и сурова, какъ жизнь и Полунина, — вставала съ зарей, молилась Богу, шла доить коровъ, готовила къ обѣду, снова въ полдень доила коровъ, была съ ребенкомъ, кормила его, пеленала, мыла. Никто къ ней не ходилъ, не уходила и она никуда, кромѣ церкви. Зимой заметала ихъ метелица, весной къ самой усадьбѣ подходила рѣка, осенью шли дожди и стояли пустынные, ясные, холодные дни. Полунинъ сидѣлъ за книгами, рубилъ дрова, говорилъ о правдѣ и — не примѣчалъ, вѣрно, что слова его о добрѣ иной разъ были черствы и злы, — люди старѣютъ.

Годъ смѣнялся годомъ. Весны многое творятъ въ жизни человѣческой, — у Алены былъ еще іюнь, панхущій травами, съ горькимъ березовымъ разсвѣтомъ и съ хрустальнымъ серпомъ надъ горизонтомъ. Дѣвочка Наталья умерла.

Смертельное — манитъ. Дѣвочка Наталья умерла въ апрѣлѣ, и жизнь Алены стала пустой. Богъ всегда былъ съ нею — у нея въ сердцѣ. Хоронить ходили съ Полунинымъ черезъ мостъ, — разлилась рѣка. Оттуда шли молча, рядомъ, на мосту остановились на минуту, — вѣрно, каждый вспомнилъ о своей молодости, — пошли тихо дальше; въ домѣ было сыро, пустынно и темно.

И когда подошелъ іюнь, Алена рѣшила — идти. Смертельное — манитъ, манитъ броситься съ моста въ полую воду, манитъ — въ дали, въ конецъ, чтобы идти, идти, идти, — и есть люди, которые уходятъ.

Сзади была жизнь, въ которой остались іюнь съ его травами, женихъ Алексѣй, дочь Наталья, быть можетъ, Полунинъ, матернина тайна, — впереди осталось смертельное — Богъ и дорога.

Утромъ сказала Полунину:

— Ухожу завтра, прощай!

— Куда уходишь?

— Такъ... въ монастыри... куда придется... въ святыя мѣста. И ушла, отнесла сундучекъ свой къ матери въ сторожку, а на разсвѣтѣ вышла, шла полями, ржанымъ моремъ, раскусывала сладко-вяжущія ржинки, смотрѣла въ небо, шла отъ креста колокольнаго ко кресту, чуяла, — чуяла, какъ пахнетъ іюнь, и думала, глядя на дорогу, что подорожники — отъ порѣза, отъ лишаевъ, что синенькія звѣздочки — отъ змѣинаго укуса.

Въ монастыряхъ молилась, — вынимала просвирки за упокой.

Согрѣшила только однажды, въ монастырской гостиницѣ, въ темнюмъ коридорѣ: сладокъ грѣхъ около Бога, и смертельное — манитъ.

Мартъ, 1918 г.

ПОЗЕМКА.

I.

Съ синихъ сумерекъ поднялась луна. Шла надъ снѣгомъ колкая поземка, — двигались надъ землею мглистыя облака, луна за ними казалась поспѣшной и мутной. Передъ ночью на суходолѣ, тамъ, гдѣ собиралась всегда стая, выли призывно волки, призывали вожака.

Вожакъ лежалъ весь день и всю ночь въ своемъ логовѣ.

Ко дну лощины сходилъ суходолъ, часто поросшій красностволными соснами. Тринадцать лѣтъ тому назадъ здѣсь прошла необычайная гроза, повалила цѣлую борозду сосенъ. Буреломъ, съ корявыми его корнями, уже слежался, остались лишь коряги корней и ямы отъ нихъ. Кругомъ разрослись молодыя елочки, уже переставшія хмуриться и чахнуть подъ открытымъ небомъ, пробивались дубки, орѣшникъ, ольха, — здѣсь было логово волка. Здѣсь тринадцать весенъ волчиха приносила ему дѣтенышей, которыхъ надо было кормить. Волкъ былъ уже старъ, былъ онъ великъ, силенъ, жаденъ, хищенъ и храбръ, съ крѣпкими челюстями, короткой шеей, на которой свирѣпо торчала шерсть, устрашая младшихъ, съ быстрыми поджарыми ногами, — и не даромъ онъ, старый, большой волкъ съ, желтыми подпалинами на брюхѣ, сталъ вожакомъ. Семь лѣтъ былъ онъ

вожакомъ и водилъ свою стаю, чтобы рыскать пищу. Днемъ онъ былъ въ буреломѣ, передъ ночью онъ шелъ въ поле и вылъ короткимъ призывнымъ воемъ, — призывалъ стаю и охотился съ нею ночами, рыская по полямъ и оврагамъ, и около селъ и хуторовъ. Зимой были вьюги, не было пищи, волки садились въ кругъ, лязгали зубами и выли ночами, тоскливо и долго.

Тринадцать лѣтъ волкъ жилъ со своей самкой, родя и радуясь отъ нея, и семь лѣтъ былъ вожакомъ, страшнымъ и безпощаднымъ, перерѣзавшимъ много не только лосей, лошадей, быковъ и еще подобныхъ имъ, но и волковъ, ослушивавшихся и не подчинявшихся, и медвѣдей,—волкъ жилъ, чтобы охотиться, ѣсть и родить, какъ живетъ каждый волкъ. А пять дней тому назадъ, у рѣки на ярѣ, неподалеку отъ волчьей тропы къ водопою, у молодого сосняка, въ кустарникахъ, заваленныхъ снѣгомъ, люди съ хутора бросили теленка, спрятавъ подъ нимъ крѣпкій капканъ. Ночью, шаря по полямъ, волки нашли теленка. Долго сидѣли въ сѣромъ ночномъ мракѣ вокругъ него, воя тоскливо, пощелкивая голодно зубами, труся придвинуться ближе и подталкивая трусливо впередъ другъ друга, съ глазами жестокими и недобрыми. У молодого волченка голодъ оказался сильнѣе смертнаго страха, и онъ бросился съ визгомъ на теленка, а за нимъ устремились всѣ, взвизгивая, рыча, приподнявъ хвосты, изогнувъ костлявыя спины и щетиня шерсть на короткихъ своихъ толстыхъ шеяхъ,—и въ капканъ попала самка вожака. На нее не обращали вниманія и жрали, и лишь когда стая съѣла теленка и разбѣжалась, было понятно, что самка останется здѣсь навсегда. Всю ночь она выла и металась, кружась на лязгающей цѣпи. Утромъ пришли люди съ хутора — два человѣка, — вскинули ее на лыжи и увезли.

А вожакъ остался стоять, пока не прошелъ весь день не навернулась другая ночь. Тогда онъ со-

звалъ всю стаю, разорвалъ молодого волченка, и пошелъ крупной безразличной побѣжкой, съ понурой головой и все торчащей щетиной, уходя отъ стаи по вѣтру къ себѣ въ буреломъ. Стая подчинилась смертному наказанію его, ибо онъ былъ вожакъ, захватившій себѣ власть, и осталась ждать, думая, что онъ одинъ пошелъ искать ѣсть.

Потомъ же, когда не приходилъ сутки, новыми сумерками стая стала выть, призывая вожака, но теперь уже затѣмъ, чтобы убить его, забывшаго, что изъ вожаковъ только одинъ путь обратно, ибо, по звѣриному закону, — отступившему отъ равенства — смерть. Вожакъ же лежалъ неподвижно весь день въ своемъ логовѣ, какъ и слѣдующіе дни.

II.

Шла поземка. Дулъ вѣтеръ, не сильный, но рѣзкій. Небо оставалось еще по-ночному чернымъ; снѣгъ лежалъ сѣрый, твердый. На горизонтѣ справа меркнула круглая красная луна, мутная отъ облаковъ; слѣва начиналъ уже краснѣть восходъ.

Вожакъ понуро поднялся съ вылежаннаго мѣста, тоскливо потянулся, сначала передними ногами, потомъ задними, изогнулъ спину, щелкнулъ зубами и запекшимся своимъ языкомъ лизнулъ снѣгъ. Кругомъ подъ сѣрымъ небомъ лежали сваленныя сосны, стояли молодыя елочки, закутанныя снѣгомъ.

Вожакъ пошелъ на лысый верхъ суходола, вышелъ изъ деревьевъ и остановился съ опущенной головой у опушки, слушая и нюхая. Дулъ вѣтеръ здѣсь много крѣпче, поскрипывали деревья, изъ чернаго поля несло пустотой и холодомъ.

Вожакъ протяжно завылъ. Ему никто не отвѣтилъ. Тогда онъ пошелъ по пути къ водопою, къ рѣкѣ, къ тому мѣсту, гдѣ погибла самка.

Шелъ быстро и безшумно, пристилаясь къ землѣ, лишь глаза минутами свѣтились, и было бы страшно

повстрѣчать его въ ту пору. Поля лежали ровно, въ снѣгахъ, съ холма у рѣки видно было село, съ подслѣповатыми оконцами, уже засвѣтившимися, около рѣки неподалеку стоялъ хмурый хуторъ. Волкъ бродилъ по пустымъ полямъ безъ цѣли, безъ дороги. Была еще сѣрая ночь, но по тому, какъ синими красками свѣтился разсвѣтъ, можно было узнать, что близокъ мартъ, — уже мартъ. Вѣтеръ дулъ постариковски, сердито, кололъ поземкой.

Прошло немного дней, но на томъ мѣстѣ, гдѣ были капканы, уже все сгладилось, и ничто не говорило о недавней смерти, — едва-едва лишь улавливались запахи самки, уже вывѣтренные. Развороченный снѣгъ около капкана замела поземка. Луна шла внизъ и краснѣла мутно. Волкъ поднялъ голову къ лунѣ и завылъ тоскливо и тихо, лунный свѣтъ отразился въ безвыразительныхъ его глазахъ, они слезились маленькими гнойными слезинками. Волкъ опустилъ голову къ землѣ и замолчалъ, глаза загорѣлись недобрыми, зелеными огоньками.

На хуторѣ въ окнахъ вспыхнулъ свѣтъ. Волкъ пошелъ на него. Вѣрно, учуяли собаки, залаяли громко и трусливо. Волкъ легъ на снѣгъ и провылъ тоскливо и громко. Вышелъ на дворъ человѣкъ и улюлюкалъ, думая, что нахлынула стая. Въ небѣ, почти у горизонта, красная луна скользила въ облакахъ, поспѣшныхъ и мутныхъ. Здѣсь, около рѣки, внизу на водопоѣ, въ лѣсу, по суходоламъ, — здѣсь тринадцать лѣтъ жилъ самецъ. Теперь его самка лежала на дворѣ, на хуторѣ.

Ночь уже проходила, волкъ все бродилъ безъ дороги, безъ цѣли, съ опущенной широкой головой, со свирѣпыми глазами, глядящими исподлобья. Луна сѣла за землю, краснымъ загорѣлся восходъ, снѣга стали лиловатыми.

Волкъ пошелъ къ себѣ въ берлогу.

Около сваленныхъ сосенъ стояли стройныя, зеленыя елочки. Волчата, рождавшіеся раньше по вес-

намъ, потѣшно полные и неуклюжіе, любили играть здѣсь въ буреломѣ, противъ входа въ логово, защищеннаго молодыми зелеными елочками.

III.

Утро пришло и вѣрно разсказало, что надъ землею творится мартъ, что, уже не по зимнему, небо поголубѣло и поднялось далеко ввысь, что скоро поползутъ снѣга и изъ-подъ нихъ, изъ разбухшей земли, придетъ буйная весенняя страда, когда нѣтъ возможности не искать радости. Солнце поднялось высоко, облака стали бѣлыми, легкими и прозрачными, точно лѣтомъ. Снѣгъ подъ теплымъ солнцемъ сѣрѣлъ и покрывался коркой; въ тѣни былъ синимъ, елочки казались особенно зелеными и привѣтливыми. Въ соснахъ постукивалъ дятелъ и, грѣясь на солнцѣ, весело покрикивали галочки, синицы и снѣгири. Пахло отъ сосенъ уже по-весеннему, возбуждающе и смолянисто. Было тепло и очень ясно.

Волкъ весь день лежалъ въ логовѣ. На кровати бурелома навалилась сгнившая листва, по ней пошелъ уже мохъ, дѣлая навѣсъ. Кругомъ тѣсно столпились молодыя елочки, засыпанныя снѣгомъ. Волкъ долго лежалъ, положивъ голову на лапы и сумрачно глядя передъ собой маленькими своими слезящимися глазами, лежалъ неподвижно, и во всей его фигурѣ чувствовалась усталость, тоскованіе и сумракъ. Два раза лишь онъ поднималъ голову вверхъ, разѣвалъ широко пасть и скулилъ, тоскливо и жалостно; тогда глаза его становились слабыми и безпомощными, никакъ не свирѣпыми, и онъ, точно щенокъ, махалъ хвостомъ, задѣвая имъ толстый сукъ. Потомъ опять онъ затихалъ въ тоскливой неподвижности. И лишь когда день сталъ по-мартовски зеленѣть, солнце ушло на западъ и сѣло, поднялась красная луна, — тогда волкъ, впервые за эти дни, выявилъ злобу и безпокойство.Опять за ушедшимъ солнцемъ побѣжали

облака, и въ нихъ стала танцовать мутная луна, пошла поземка, старчески захаркалъ вѣтеръ. Небо стало темно-синимъ, снѣгъ — сѣрымъ и мутнымъ, свинчиваясь воронкой и разсыпаясь косынками, шла поземка.

Волкъ вышелъ изъ логова и завылъ громко, свирѣпо щетинясь, присѣлъ на заднія лапы и завизжалъ, точно ему стало больно очень и безсильно освирѣпила его эта боль, сталъ разрывать снѣгъ лапами и грызть его. Потомъ, поспѣшной, стелющейся побѣжкой, пошелъ въ поле, къ хутору, къ тому мѣсту, гдѣ стояли капканы.

Въ поляхъ было темно и холодно, поземка колола остро, настъ рѣзалъ ноги. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ капканъ, уже ничего не говорило о недавней смерти, — днемъ образовался настъ, по всегдашнему стояли здѣшнія елочки и молодыя березки. Послѣдній запахъ, что вчера былъ еще уловимъ, единственный запахъ его самки, исчезнулъ сегодня уже навсегда. Стояла круглая луна. На суходольѣ, вдалекѣ, голодно и озлобленно выли волки, призывая вожака. Въ ту ночь, долго, и много, крупной побѣжкой бѣгалъ волкъ, мечась и воя, по полямъ и суходоламъ, съ тѣмъ, чтобы умереть утромъ.

IV.

Человѣкъ съ хутора, спавшій со своими дѣтьми, всталъ ночью, когда было еще совсѣмъ темно, и пошелъ на село по своимъ дѣламъ. Онъ надѣлъ ватную куртку и шапку, закурилъ трубку, — огонекъ отразился на корявыхъ его ладоняхъ, — и вышелъ на дворъ. Собаки бросились подъ ноги, трусливо и нагло, повизгивая, какъ рабы. Человѣкъ усмѣхнулся, откинулъ ихъ ногой и пошелъ къ калиткѣ.

За дворовымъ навѣсомъ небо было чернымъ, облака зеленоватыми, снѣгъ изсиня-сѣрымъ. Голубоватая мутная луна поспѣшно бороздила небо. По-

земка начала уже засыпать дорогу. Вѣтеръ дулъ злобно и колко. Человѣкъ посмотрѣлъ на небо, свистнулъ и пошелъ къ селу крупнымъ, бодрымъ шагомъ.

Человѣкъ не замѣтилъ, какъ мимо него, около дороги прокрался волкъ и побѣжалъ впередъ. Лишь когда человѣкъ сталъ подходить къ селу, на дорогѣ онъ увидѣлъ волка. Волкъ сидѣлъ посреди проселка на заднихъ лапахъ и гнусными своими слезящимися глазами, горящими зеленымъ огонькомъ, вглядывался въ человѣка. Человѣкъ свистнулъ и замахнулся рукой. Волкъ сидѣлъ неподвижно, только на моментъ померкли и опять вспыхнули его глаза. Человѣкъ зажегъ спичку и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Волкъ не шевельнулся. Тогда человѣкъ остановился, улыбка сошла съ его лица, и онъ серьезно осмотрѣлся кругомъ. Были кругомъ поля, впереди лишь приплющивались къ землѣ сельскія избы. Человѣкъ сжалъ комъ снѣга и бросилъ его — уже заискивающе — въ волка, — волкъ остался неподвиженъ, лишь лязгнулъ челюстями, на шеѣ встала грива. Человѣкъ постоялъ неподвижно, потомъ повернулъ обратно. Сначала онъ шелъ медленно, потомъ началъ бѣжать, и все быстрѣе и быстрѣе. Но когда онъ подбѣгалъ къ хутору, на дорогѣ онъ снова увидѣлъ волка. Волкъ опять сидѣлъ неподвижно на заднихъ лапахъ. Человѣкъ закричалъ и побѣжалъ обратно, и теперь уже бѣжалъ, не сознавая, что дѣлаетъ, крича дико и визгливо. Подъ мутной луной, надъ синими снѣгами, была мертвая тишина, лишь кричалъ безсмысленно человѣкъ.

У села опять былъ волкъ. Тогда человѣкъ бросился съ дороги. Онъ махалъ руками, кричалъ, шапка его давно упала, волосы, вмѣстѣ съ краснымъ шарфомъ, отбрасывались вѣтромъ назадъ. Сейчасъ же за дорогой человѣкъ завязъ и упалъ, и когда онъ хотѣлъ подняться изъ рыхлаго и глубокаго снѣга, на него налетѣлъ волкъ и ударилъ его сзади, очень

крѣпко и коротко, по шеѣ. Человѣкъ упалъ опять, и черезъ минуту онъ уже не кричалъ, и тогда завылъ свирѣпо и одиноко волкъ.

V.

Съ сумерекъ, когда пошла въ сѣромъ, ночномъ missing мракѣ поземка, собрались волки на суходолѣ и стали выть. Они призывали вожака.

Небо было сѣрымъ, вѣтеръ шумѣлъ въ соснахъ, волки сидѣли въ снѣгу кругомъ на заднихъ лапахъ и хмуро выли, потому что они были голодны и не ѣли уже шесть дней. У нихъ ушелъ вожакъ, кто водилъ ихъ на охоту и кто заботился о нихъ, — тотъ, кто, семь лѣтъ тому назадъ, убилъ прежняго вожака, чтобы стать. Сейчасъ, сидя кругомъ, воя, поблескивая глазами, щетиня шерсть, они были тоскливы и злы и по-рабски не знали, что дѣлать. Только одинъ молодой волкъ, братъ недавно убитаго, сильный и ловкій, ходилъ независимо, полязгивая зубами и оглядывая всѣхъ. Съ молодостью и силой къ нему пришла чванная мысль — стать вожакомъ; вѣрно, онъ не зналъ еще, что нерадостно это, что ему тогда предстоитъ лишь одинъ путь — смертный, ибо отступившему отъ равенства — одно звѣриное возмездіе — смерть. Молодой волкъ завылъ гордо, но остальные не смотрѣли на него, тупясь и воя трусливо и робко.

Проходила ночь. Старикъ метался по полямъ и суходоламъ, спускался къ рѣкѣ, рыскалъ въ лѣсу и скулилъ свирѣпо, ибо у него ничего не осталось. Онъ жилъ, чтобы ѣсть и родить. Желѣзнымъ капканомъ человѣкъ отвелъ его отъ закона, и ему предстояла смерть.

Разсвѣтъ шелъ медленно. На западѣ очень красная и большая сѣла луна, на востокѣ загорѣлся красный костеръ, небо было еще по-ночному мутно, снѣга — сини. Былъ мартъ, когда разсвѣты ранни и длинны. Волкъ, убивъ человѣка, пошелъ къ сухо-

долу, гдѣ собиралась стая. Волки увидѣли его и бросились навстрѣчу, и когда бѣжали, никто не зналъ, что будетъ, бѣжали раболѣпно и низко. Лишь когда молодой волкъ бросился на вожака, осмѣлился броситься, — вдругъ всѣ повспомнили свои давнія обиды, и всѣ бросились на него съ ощеренными зубами.

Надъ ними было еще черное, лишь на востокѣ покраснѣвшее, небо. Волкъ не сопротивлялся. Волкъ умеръ, его растерзали на клочья, и клочья эти вмѣстѣ съ костями были подъѣдены.

VI.

Это было на седьмой день послѣ смерти самки, — когда умеръ вожакъ. А еще черезъ семь дней подъ золотымъ солнцемъ и синимъ небомъ поползли снѣга, очищая землю къ веснѣ, всполошились ручьи и побурѣла рѣка, а елочки стали еще зеленѣй. Весной, какъ семь лѣтъ тому назадъ было со старикомъ, молодой волкъ сталъ вожакомъ и взялъ себѣ самку, чтобы родить. Зори были очень красными и медленными, сумерки же зелеными. Самка молодого волка была дочерью стараго вожака, и она пошла родить въ буреломъ.

Іюнь, 1917 г.

ГОДЪ ИХЪ ЖИЗНИ.

I.

На югъ и сѣверъ, востокъ и западъ, — во всѣ стороны на сотни верстъ, — шли лѣса и лежали болота, закутанныя, затянутыя мхами. Стояли бурые кедры и сосны. Подъ ними — непролазной чащей росли елки, ольшаникъ, черемуха, можжевельникъ, низкорослая береза. А на маленькихъ полянахъ, среди кустарника, въ пластахъ торфа, обрамленныхъ брусникой и клюквой, во мху лежали «колодца» — жуткіе, съ красноватой водой и бездонные.

Въ сентябрѣ приходили морозы — пятьдесятъ ниже нуля. Снѣгъ лежалъ твердый и синій. Только на три часа поднимался свѣтъ; остальное время была ночь. Небо казалось тяжелымъ и низко спускалось надъ землей. Была тишина; лишь въ сентябрѣ ревѣли, спариваясь, лоси; въ декабрѣ выли волки; остальное время была тишина, такая, которая можетъ быть только въ пустынѣ.

На холмѣ у рѣки стояло село.

Голый, изъ бураго гранита и бѣлаго сланца, изморщенный водою и вѣтромъ, шелъ къ рѣкѣ скатъ. На берегу лежали неуклюжія, бурыя лодки. Рѣка была большой, мрачной, холодной, щетинившейся сумрачными синевато-черными волнами. Избы бурѣли отъ времени, крыши, высокія, выдвинувшіяся впередъ, до-

счатыя, покрылись зеленоватымъ мхомъ.Окна смотрѣли слѣпо. Около сохнули сѣти. Здѣсь жили звѣроловы. Зимой они уходили надолго въ тайгу и били тамъ звѣря.

II.

Весною разливались рѣки: широко, свободно и мощно.

Шли тяжелыя волны, рябя. рѣчное тѣло, и отъ нихъ расходился влажный, придавленный шумъ, тревожащій и неспокойный. Стаивали снѣга. На соснахъ выростали смолистыя свѣчи и пахли крѣпко. Небо поднималось выше и синѣло, а въ сумерки оно было зеленовато-зыбкимъ и грустно-манящимъ. Въ тайгѣ, послѣ зимней смерти, творилось первое звѣриное дѣло — рожденіе. И всѣ лѣсные жители, — медвѣди, волки, лоси, лисицы, песцы, совы, филины, — всѣ уходили въ весеннюю радость рожденія. На рѣкѣ кричали шумно гагары, лебеди, гуси. Въ сумерки, когда небо становилось зеленымъ и зыбкимъ, чтобы ночью перейти въ атласно синее и многозвѣздное, когда стихали гагары и лебеди, засыпая на ночь, и лишь свирбили воздухъ, мягкій и теплый, медвѣдки и коростели, — на обрывѣ собирались дѣвушки пѣть о Ладѣ и водить хороводы. Приходили изъ тайги съ зимовій парни, и тоже собирались здѣсь.

Круто падалъ яръ къ рѣкѣ. Шелестѣла внизу рѣка. А наверху стлалось небо. Притихало все, но чуялось въ то же время, какъ копошится и спѣшитъ жизнь. На вершинѣ обрыва, гдѣ на гранитѣ и сланцѣ росли чахлый мохъ и придорожныя травы, сидѣли дѣвушки, сбившись въ тѣсную кучу. Были онѣ въ яркихъ платьяхъ всѣ, крѣпкія и ядреныя; пѣли онѣ грустныя и широкія, старинныя пѣсни; смотрѣли куда-то въ темнѣющую, зеленоватую мглу. И казалось, что поютъ дѣвушки неизбытыя, широкія свои

пѣсни эти — для парней. А парни стояли темными, взерошенными силуэтами вокругъ дѣвушекъ, рѣзко всгогатывая и дебоширя, точно такъ же, какъ самцы на лѣсныхъ звѣриныхъ токахъ.

У гулянокъ былъ свой законъ.

Приходили парни и выбирали себѣ женъ, спорили за нихъ и враждовали другъ съ другомъ; а дѣвушки были безразличны и во всемъ подчинялись мужчинамъ. Спорили, всгогатывая, и бились парни, шумѣли, и тотъ, кто побѣждалъ, — тотъ первымъ выбиралъ себѣ жену.

И тогда они, онъ и она, уходили съ гулянокъ.

III.

Маринѣ было двадцать лѣтъ, и она пошла на откосъ.

Удивительно было сложено ея высокое, тяжелое немного тѣло, съ крѣпкими мышцами и матово-бѣлой кожей. Грудь ея, животъ, спина, бедра, ноги очерчивались рѣзко — крѣпко, упруго и выпукло. Высоко поднималась круглая, широкая грудь. У нея были черны очень — тяжелыя косы, брови и рѣсницы. Черны, влажны, съ глубокими зрачками были глаза. Щеки ея сизо румянились. А губы казались мягкими, звѣриными, красныя очень и большія. Ходила она всегда медленно переставляя высокія свои, сильныя ноги и едва покачивая упругія бедра.

Она приходила на откосъ къ дѣвушкамъ.

Пѣли дѣвушки свои пѣсни — затаенно, зовуще и неизбыто.

Марина забивалась въ кучу дѣвушекъ, откидывалась на спину, закрывала затуманенные свои глаза и тоже пѣла. Шла пѣсня, расходилась широкими и свѣтлыми кругами, и въ нее, въ пѣсню, уходило все. Закрывались истомно глаза. Ныло сладкою болью неизбытое тѣло. Сжималось зыбко сердце, будто нѣмѣло, а отъ него, по крови, шла эта нѣмота въ

8*

руки и голени, обезсиливая ихъ, и туманила голову. И Марина вытягивалась страстно, нѣмѣла вся, уходила въ пѣсню, и пѣла; и вздрагивала лишь при возбужденныхъ, вcгогатывающихъ голосахъ парней.

А потомъ дома, въ душной клѣти ложилась Марина на свою постель; закидывала руки за голову, отчего высоко поднималась ея грудь; вытягивала ноги; открывала широко темные, туманные глаза; сжимала губы и, снова замирая въ весенней томѣ, пролеживала такъ долго.

Двадцать лѣтъ было Маринѣ, и отъ дня рожденія росла она, какъ чертополохъ на обрывѣ, — свободно и одиноко — со звѣроловами, тайгой, обрывомъ и рѣкою.

IV.

Демидъ жилъ на урочищѣ.

Такъ же, какъ село, стояло урочище надъ рѣкой. Только выше былъ холмъ и круче. Близко пододвинулась тайга; къ самому дому протянули лѣсныя свои лапы темно-зеленые, буростволые кедры и сосны. Далеко было видно отсюда: неспокойную, темную рѣку, займища за ней, тайгу, зубчатую у горизонта и темно-синюю, и небо — низкое и тяжелое.

Домъ съ бревенчатыми стѣнами, съ бѣлыми некрашенными потолкомъ и полами, сдѣланный изъ огромныхъ сосенъ, весь заваленъ былъ шкурами медвѣдей, лосей, волковъ, песца, горностая. Висѣли шкуры на стѣнахъ и лежали на полу. На столахъ лежали порохъ, дробь, картечь. Въ углахъ были свалены силки, петли, капканы. Висѣли ружья. Пахло здѣсь остро и крѣпко, будто собраны были всѣ запахи тайги. Было двѣ комнаты здѣсь и кухня.

Въ одной изъ комнатъ посрединѣ стоялъ столъ, самодѣлковый и большой, и около него низкіе козлы, крытые медвѣжьей шкурой. Въ этой комнатѣ жилъ Демидъ, въ другой комнатѣ жилъ молодой медвѣдь Макаръ.

Дома Демидъ лежалъ на своей медвѣжьей постели, долго и неподвижно, прислушиваясь къ большому своему тѣлу, къ тому, какъ живетъ оно, какъ течетъ въ немъ крѣпкая кровь. Къ нему подходилъ медвѣдь Макаръ, клалъ ему на грудь тяжелыя свои лапы и дружелюбно нюхалъ его тѣло. Демидъ шарилъ у медвѣдя за ухомъ, и чуялось, что они, человѣкъ и звѣрь, понимаютъ другъ друга. Въ окна глядѣла тайга.

Былъ Демидъ кряжистъ и широкоплечъ, съ черными глазами, большими, спокойными и добрыми. Пахло отъ него тайгой, здорово и крѣпко. Одѣвался онъ, — какъ и всѣ звѣроловы, — въ мѣха и въ грубую, домашней пряжи, бѣлую съ красными прожилками, ткань. Ноги его были обуты въ высокіе, тяжелые сапоги, сшитые изъ оленьей шкуры, а руки, красныя и широкія, покрылись крѣпкой коркой мозоли.

Макаръ былъ молодъ и, какъ всѣ молодые звѣри, — нелѣпъ. Онъ ходилъ вперевалку и часто озорничалъ: грызъ сѣти и шкуры, ломалъ силки, слизывалъ порохъ. Тогда Демидъ Макара наказывалъ, —怒дралъ. А Макаръ переваливался на спину, дѣлалъ наивные глаза и жалобно повизгивалъ.

V.

Демидъ пошелъ на яръ къ дѣвушкамъ, увелъ Марину съ яра къ себѣ въ урочище, и Марина стала женой Демида.

VI.

Лѣтомъ росли, поспѣшно и сочно, буйныя, темнозеленыя травы. Днемъ свѣтило солнце съ синяго и влажнаго, такъ казалось, небо. Ночи были бѣлыми, и тогда казалось, что неба нѣтъ совсѣмъ: растворялось оно въ блѣдной мглѣ. Ночи были короткими и бѣлыми, все время алѣли слитыя зори — вечерняя и утренняя — и ползли зыбкіе туманы надъ землей.

Крѣпко, поспѣшно шла жизнь, чуя, что дни ея коротки здѣсь.

У Демида Марина стала жить въ комнатѣ Макара.

Макаръ же былъ переведенъ къ Демиду.

Макаръ встрѣтилъ Марину недружелюбно. Когда онъ увидѣлъ ее первый разъ, онъ зарычалъ, скалясь, и ударилъ ее лапой. Демидъ за это его высѣкъ, и медвѣдь стихъ. Потомъ же Марина съ нимъ сдружилась.

Днемъ Демидъ уходилъ въ тайгу. Марина оставалась одна.

Свою комнату она убрала по-своему, съ грубой и подчеркнутой какой-то граціей. Развѣсила симметрично шкуры и тряпки, расшитыя ярко-краснымъ и синимъ, пѣтухами и оленями; повѣсила въ углу образъ Богоматери; обмыла полы; и ея комната, пестрая и все попрежнему пахнущая тайгой, стала походить на лѣсную молельню, гдѣ лѣсные люди молятся своимъ божкамъ.

Блѣдно-зеленоватыми сумерками, когда приходила безнебная ночь и лишь кричали въ тайгѣ филины, а у рѣки скрипѣли медвѣдки, Демидъ шелъ къ Маринѣ. Марина не умѣла думать, — ея мысли ворочались, какъ огромныя, тяжелыя булыжины, — медленно и неуклюже. Она умѣла чуять, она вся отдалась Демиду-мужу, и блѣдными, безнебными ночами, жаркая, пахнущая тѣломъ, разметавшись на своей медвѣжьей шкурѣ, она принимала Демида; и отдавалась, подчинялась ему вся, желая раствориться въ немъ, въ его силѣ и страсти, избывая свою страсть.

Бѣлыя, зыбкія, туманныя были ночи. Таежная, ночная стояла тишина. Шли туманы. Ухали филины и лѣшаки. Утромъ же краснымъ пожаромъ горѣлъ восходъ и поднималось большое солнце на влажно-синее небо. Поспѣшно и сочно росли травы.

Шло лѣто, проходили дни.

VII.

Въ сентябрѣ пошелъ снѣгъ.

Еще съ августа замѣтно стали сжиматься и сѣрѣть дни, и выросли большія, черныя ночи. Тайга сразу затихла, занѣмѣла и стала казаться пустой. Пришелъ холодъ и заковалъ льдомъ рѣку. Были длинными очень сумерки, и въ нихъ снѣгъ и ледъ на рѣкѣ казались синими. Ночами, спариваясь, ревѣли лоси. Они ревѣли такъ громко и такъ необычно, что становилось жутко и вздрагивали стѣны.

Осенью Марина забеременѣла.

Разъ ночью, передъ разсвѣтомъ Марина проснулась. Въ комнатѣ было душно отъ натопленныхъ печей и пахло медвѣдемъ. Чуть начинало свѣтать, и на темныхъ стѣнахъ едва замѣтно синими пятнами свѣтлѣлись рамы оконъ. Гдѣ-то близко около урочища ревѣлъ старый лось: по грубому голосу съ басовыми, шипящими нотами можно было узнать, что это старикъ.

Марина сѣла на своей постели. У нея кружилась голова и ее немного тошнило. Рядомъ съ ней лежалъ мѣдвѣдь. Онъ уже проснулся и глядѣлъ на Марину. Его глаза свѣтились тихими зеленоватыми огоньками, будто сквозь щелочки было видно небо весеннихъ сумерокъ, покойное и зыбко-тихое.

Еще разъ подступила къ горлу тошнота, накатило головокруженіе, — и эти огоньки глазъ Макара, подсознательно и углубленно переродились въ душѣ Марины въ огромную, нестерпимую радость, отъ которой затрепетало больно ея тѣло, — беременна. Билось сердце, точно перепелъ въ силкахъ, и накатывало головокруженіе, зыбкое и туманное, какъ лѣтнія утра.

Марина поднялась съ своей постели, — съ медвѣжьей шкуры, — и быстро, нелѣпо-неувѣренными шагами, голая пошла къ Демиду. Демидъ спалъ, — обхватила голову его горячими своими руками, при-

жала ее къ широкой своей груди и прошептала:

— Ребеночекъ... Беременна я...

Понемногу сѣрѣла ночь, и въ окна шелъ синій свѣтъ. Лось пересталъ ревѣть. Въ комнатѣ закопошились сѣрыя тѣни. Подошелъ Макаръ, вздохнулъ и положилъ лапы на постель. Демидъ свободной рукой взялъ его за шиворотъ и, трепля любовно, сказалъ ему:

— Такъ-то, Макаръ Иванычъ, — домекаешь?

Потомъ добавилъ, обращаясь къ Маринѣ:

— Какъ думаешь, — домекаетъ? Маринка!.... Маринка! Маринка!

Макаръ лизнулъ руку Демида и умно, понимающе опустилъ голову на лапы. Ночь сѣрѣла, вскорѣ по снѣгу пошли лиловыя полосы, зашли въ домъ. Красное, круглое, далекое поднялось солнце. Подъ обрывомъ лежали синіе льды рѣки, за нею рубчато поднималась тайга.

Демидъ не пошелъ въ тайгу въ этотъ день, какъ и много еще дней послѣ этого.

VIII.

Пришла, пошла, проходила зима.

Снѣгъ лежалъ глубокими пластами, былъ онъ синимъ — днемъ и ночью, — и лиловымъ при короткихъ закатахъ и восходахъ. Солнце, блѣдное и немощное, едва восходя надъ горизонтомъ, поднималось на три часа, казалось далекимъ и чужимъ. Остальное время была ночь. Ночами зыбкими стрѣлами лучилось сѣверное сіяніе. Морозъ стоялъ молочно-бѣлымъ туманомъ, нацѣпливающимъ всюду иней. Была тишина пустыни, которая говорила о смерти.

У Марины измѣнились глаза. Были раньше они затуманенно-темными и пьяными, стали теперь — ясными удивительно, спокойно-радостными, прямыми и тихими, и цѣломудренная стыдливость появилась въ нихъ. У нея стали шире бедра и увеличился очень

животъ, и это ей давало нѣкую новую грацію, неповоротливо-мягкую и тяжелую, и опять — цѣломудренность.

Марина мало двигалась, сидя въ своей комнатѣ, похожей на лѣсную молельню, гдѣ молятся божкамъ. Днями справляла она несложное свое хозяйство: топила печь, рубила дрова, варила мясо и рыбу, сдирала шкуры съ убитыхъ Демидомъ звѣрей, чистила свое урочище. Вечерами — вечера были длинны — Марина сучила на веретенѣ основу и на станѣ ткала полотно; шила для своего ребенка. И, когда шила, думала о ребенкѣ, пѣла и улыбалась тихо.

Марина думала о ребенкѣ, — неизбытая, крѣпкая, всеобъемлющая радость полонила ея тѣло. Билось сердце и еще сильнѣе подступала радость. А о томъ, что она, Марина, будетъ родить — страдать — не было мыслей.

Демидъ, утренними лиловыми разсвѣтами, когда стояла на юго-западѣ круглая луна, уходилъ на лыжахъ, съ винтовкой и финскимъ ножемъ въ тайгу. Стояли сосны и кедры, вычерченные твердыми и тяжелыми узорами снѣга, подъ ними тѣснились колючія елки, можжуха, ольшаникъ. Стояла тишина, задавленная снѣгомъ. Въ мертвыхъ беззвучныхъ снѣгахъ шелъ Демидъ отъ капкана къ капкану, отъ силка къ силку, глушилъ звѣря. Стрѣлялъ, и долго въ безмолвіи плясало эхо. Выслѣживалъ лосей и волчьи стаи. Спускался къ рѣкѣ, караулилъ бобровъ, ловилъ въ полыньяхъ очумѣлую рыбу, ставилъ верши. Было кругомъ все, что зналъ всегда. Медленно меркнуло красное солнце и начинали лучиться зыбкія стрѣлы сіянія.

Вечеромъ, на урочищѣ, стоя, разрѣзывалъ рыбу и мясо, вѣшалъ морозиться, кидалъ куски медвѣдю, самъ ѣлъ, мылся ледяною водой и садился около Марины, — большой, кряжистый, широко разставивъ сильныя свои ноги и тяжело опустивъ на колѣни

руки, отъ него тѣсно становилось въ комнатѣ. Онъ улыбался спокойно и добродушно.

Горѣла лампа. За стѣнами были снѣга, тишина и морозъ. Подходилъ Макаръ и шебаршилъ на полу. Въ комнатѣ, похожей на молельню, становилось уютно и спокойно-радостно. Трескались въ морозѣ стѣны, въ промерзшія окна смотрѣлъ мракъ. Висѣли на стѣнахъ полотенца, шитыя краснымъ и синимъ, оленями и пѣтухами. Потомъ Демидъ поднимался со своей скамьи, нѣжно и крѣпко бралъ Марину на руки и относилъ на постель. Тухнула лампа, и во мракѣ теплились тихо глаза Макара.

Макаръ за зиму выросъ и сталъ такимъ, какими бываютъ взрослые медвѣди: сумрачно-серіознымъ, тяжелымъ и неуклюже-ловкимъ. Была у него широкая очень, лобастая морда съ сумрачно- добродушными глазами.

IX.

Съ послѣднихъ дней декабря, съ Снѣжнаго праздника, когда выли волки, Марина стала чувствовать, какъ въ ней, подъ сердцемъ у нея сталъ двигаться ребенокъ. Онъ двигался тамъ внутри, нѣжно и такъ мягко, точно гладилось тѣло поручней изъ гагачьяго пуха. Марина полонилась радостью, — чуяла только того маленькаго, кто былъ внутри ея, кто извнутри взялъ ее крѣпко, и безстыдныя, безсвязныя слова говорила Демиду.

По разсвѣтамъ тамъ, внутри, двигался ребенокъ. Марина прижимала руки — удивительно нѣжно — къ животу своему, гладила его заботливо и пѣла колыбельныя пѣсни о томъ, чтобы изъ ея сына вышелъ охотникъ, который убилъ бы на своемъ вѣку триста и тысячу оленей, триста и тысячу медвѣдей, триста и еще триста горностаевъ и взялъ бы въ жены первую на селѣ красавицу. А внутри ея, едва замѣтно, чрезмѣрно мягко, двигался ребенокъ.

За домомъ же, за урочищемъ были въ это время: туманный морозъ, ночь и тишина, говорящая о смер-

ти, и лишь иногда начинали выть волки; подходили къ урочищу, садились на заднія лапы и выли въ небо, долго и нудно.

X.

Весною Марина родила.

Весною всполошились и разлились широко рѣки, зарябились сумрачными, щетинящимися свинцовыми волнами, берега облѣпили бѣлыми стаями — лебеди, гуси, гагары. Въ тайгѣ пошла жизнь. Тамъ творилось звѣриное, лѣсъ настороженно гудѣлъ шумами медвѣдей, лосей, волковъ, песцовъ, филиновъ, глухарей. Зацвѣли и поросли буйныя темно-зеленыя травы. Сжались ночи и выросли дни. Лиловыми и широкими были зори. Сумерки были блѣдно-зелеными и зыбкими, и въ нихъ на яру у рѣки, въ селѣ дѣвушки пѣли о Ладѣ. Утренними зорями поднималось большое солнце на влажно-синее небо, чтобы много весеннихъ часовъ проходить свой небесный путь. Пришелъ весенній Праздникъ, когда, по легендѣ, улыбается солнце, люди мѣняются красными яйцами, символами солнца.

Въ этотъ день Марина родила.

Роды начались днемъ. Весеннее, большое и радостное солнце шло въ окно и обильными снопами ложилось на стѣны и на полъ, покрытыя шкурами.

Марина помнила только, что была звѣрская боль, корчащая и рвущая тѣло. Она лежала на медвѣжей своей постели, въ окна свѣтило солнце, — это она помнила, помнила, что лучи его легли на стѣну и на полъ такъ, какъ показывали они полдень, затѣмъ отодвинулись налѣво, на полъ-часа, на часъ. Потомъ, дальше все ушло въ боль, въ корчащія судороги живота.

Когда Марина опомнилась, были уже сумерки, зеленыя и тихія. Въ ногахъ, въ крови весь, лежалъ красный ребенокъ и плакалъ. Около стоялъ медвѣдь

и особенно, понимающе и строго смотрѣлъ добродушно-сумрачными своими глазами.

Въ это время пришелъ Демидъ, — онъ оборвалъ пуповину, обмылъ ребенка и положилъ Марину, какъ слѣдуетъ. Онъ далъ ей ея ребенка, — удивительно много цѣломудрія было въ свѣтлыхъ ея глазахъ. На рукахъ у Марины былъ маленькій, красный человѣчекъ, который безпричинно плакалъ. Боли уже не было.

XI.

Въ эту ночь ушелъ отъ Демида медвѣдь. Вѣрно, почуялъ весну и ушелъ въ тайгу, чтобы искать себѣ пару.

Ушелъ медвѣдь поздно ночью, выломивъ дверь. Была ночь. У горизонта легла едва-замѣтная полоса восхода. Гдѣ-то далеко дѣвушки пѣли о Ладѣ. На обрывѣ изъ бураго гранита и бѣлаго сланца, сидѣли тѣсною кучею дѣвушки, пѣли, и около нихъ, темными, взъерошенными силуэтами, стояли парни, вернувшіеся съ зимовій изъ тайги.

Декабрь, 1915 г.

ТЫСЯЧА ЛѢТЪ.

Оставимъ мертвымъ погребсти своя мертвецы (Матѳей, гл. VII.).

Братъ пріѣхалъ ночью, ночью же говорилъ съ Вильяшевымъ. Братъ Константинъ вошелъ съ кэпи въ рукахъ, въ глухой тужуркѣ, высокій, худой. Свѣчи не зажгли. Говорили недолго, Константинъ сейчасъ же ушелъ.

— Умерла тихо, покойно. Вѣрила Богу. Разорвать съ тѣмъ, что было, возможности нѣтъ. Кругомъ голодъ, цинга, тифъ. Люди — звѣри. Тоска. Видишь — живу въ избѣ. Домъ взятъ — чужой. Мы чужіе — они чужіе.

Константинъ сказалъ коротко, спокойно:

— Въ мірѣ насъ было трое: я, ты и она, Наталья. Finita. Со станціи шелъ пѣшкомъ, ѣхалъ въ свиномъ вагонѣ. Не успѣлъ къ похоронамъ.

— Похоронили вчера. Знала, что умретъ. Идти отсюда никуда не хотѣла.

— Старая дѣвка. Здѣсь все изжито.

Константинъ ушелъ, не простившись. Младшій Вильяшевъ увидалъ брата еще разъ вечеромъ, — оба бродили весь день кругомъ, по суходоламъ. Говорить было не о чемъ.

Разсвѣтъ былъ желтымъ и мутнымъ. Въ разсвѣтѣ на курганѣ Вильяшевъ примѣтилъ беркута: беркутъ

сидѣлъ на плоской курганной вершинѣ, рвалъ голубя, — увидавъ Вильяшева, улетѣлъ въ пустынное небо, къ востоку, прокричалъ надъ весенними полями, одиноко, гортанно. Одинокій этотъ тоскующій крикъ запомнился надолго.

Съ холма, отъ кургана на десятки верстъ было видно кругомъ: луга, перелѣски, села, церковныя бѣлыя колокольни. Надъ лугами восходило красное солнце, шли розовые туманы. Былъ утренникъ со звонкими льдинками на межахъ. Была весна, синимъ куполомъ стало небо надъ землею, дули бодрые вѣтры, тревожные, какъ полусонъ. Земля разбухла, дышала, какъ лѣшій. Ночами шли перелеты, кричали разсвѣтами у кургана журавли, разсвѣтами голоса ихъ казались стеклянными, прозрачными, скорбными. Приходила буйная, обильная весна — непреложное, самое главное.

Надъ весенней землей гудѣли колокола: по деревнямъ, по избамъ шли тифъ, голодъ и смерть. По прежнему стояли слѣпыя избы, вѣящія по вѣтру гнилой соломой стрѣхъ, какъ пятьсотъ лѣтъ назадъ, когда каждую весну снимали ихъ, чтобы нести дальше въ лѣса, къ востоку, къ чувашамъ. Въ каждой избѣ была смерть, въ каждой избѣ подъ образами лежали горячечные, отдававшіе душу Господу такъ же, какъ и жили: покойно, жестоко и мудро. Въ каждой избѣ былъ голодъ. Каждая изба, какъ пятьсотъ лѣтъ назадъ, свѣтилась ночами лучиной, и огонь высѣкали кремнемъ. Живущіе несли мертвыхъ къ церквамъ, и гудѣли весенніе колокола. Живущіе въ смятеніи ходили по полямъ крестными ходами, вокругъ селъ, окапывали ихъ, святили межи святою водой, — молили о хлѣбѣ, объ избавленіи отъ смерти, и гудѣлъ въ весеннемъ воздухѣ колокольный гулъ. И все же звенѣли сумерками дѣвичьи пѣсни: сумерками приходили къ кургану дѣвушки, въ пестрыхъ своихъ домотканныхъ одеждахъ, пѣли древнія пѣсни, — ибо шла весна и пришелъ ихъ часъ родить. Парни ушли

на злую-лихую войну: подъ Уральскъ, подъ Уфу, подъ Архангельскъ. Выйдутъ землю пахать по веснѣ — старики.

Вильяшевъ, — князь Вильяшевъ, древній родъ его повелся отъ Мономаха, — стоялъ на холмѣ понуро, смотрѣлъ въ даль, — богатырь. Мыслей не было. Была боль, — зналъ, что кончено все. Пятьсотъ лѣтъ назадъ такъ же стоялъ, быть можетъ, его предокъ-варягъ, съ мечемъ, въ кольчугѣ, опираясь на копье: усы были у того, должно быть, какъ у брата Константина. У того было все впереди. Сестра Наталья умерла отъ голоднаго тифа, смерть свою — знала, звала. Ни Константинъ — старшій, ни онъ, ни младшая Наталья — не нужны. Гнѣздо раззорено — гнѣздо стервятниковъ. Хищные были люди. Силы въ Вильяшевыхъ было много: обезсилила сила.

Отъ кургана Вильяшевъ пошелъ на Оку, за десять верстъ, — бродилъ весь день, шелъ полями, суходолами, — кряжистый, въ плечахъ сажень, съ бородой по поясъ, — богатырь. Въ оврагахъ лежалъ еще снѣгъ, текли по лощинамъ ручьи, шумѣли. На сапоги налипала разбухшая земля. Было небо теплымъ по весеннему, широкимъ. Ока разлилась широкимъ просторомъ. Шелъ надъ рѣкою вѣтеръ, — былъ въ вѣтрѣ нѣкій полусонъ, какъ въ русской дѣвушкѣ, не испившей страсть, и хотѣлось потянуться, размять мышцы: были въ Вильяшевѣ скорбь и тревожный полусонъ, тревога. Есть у русскаго тоска по далямъ, манятъ рѣки, какъ широкія дороги, на новыя мѣста: кровь предковъ еще не угасла. Вильяшевъ легъ на землю, голову положилъ на руки, лежалъ неподвижно. Холмъ надъ Окою былъ лысъ, вѣтеръ обдувалъ ласково, тихо. Звенѣли жаворонки. Справа, слѣва, сзади кричали птицы, весенній воздухъ несъ всѣ звуки, — отъ рѣки же шла строгая тишина, лишь къ сумеркамъ заныл надъ нею зарѣчный колокольный звонъ, понесся надъ водою на много верстъ. Вильяшевъ лежалъ долго, понуро, неподвижно, — богатырь

въ тоскѣ, — поднялся быстро, быстро пошелъ назадъ. Вѣтеръ ласкалъ бороду.

Брата Вильяшевъ встрѣтилъ у кургана. Небо залилось вечернимъ свинцомъ, березки и елочки подъ курганомъ стали призрачны и тяжелы. Нѣсколько минутъ весь міръ былъ желтымъ, какъ болотныя купавы, позеленѣлъ и началъ быстро синѣть, какъ индиго. Западъ померкъ лиловой чертой, въ долинѣ поползъ туманъ, прокричали пролетѣвшіе гуси, простонала выпь, и стала весенняя ночная тишина, та, что не теряетъ ни одного звука, сливая ихъ въ настороженный весенній гулъ, — настороженный, какъ сама весна. Братъ, князь Константинъ шелъ прямо къ кургану, съ тростью на рукѣ. Подошелъ и закурилъ, огонекъ освѣтилъ орлиный его носъ, костистый лобъ, сѣрые глаза блеснули холодно и покойно, какъ ноябрь.

— Весной, въ перелетъ, какъ птицу, тянетъ человѣка куда-то. Какъ умерла Наталья?

— Умерла на разсвѣтѣ, въ сознаніи. Жила же безъ сознанія, ненавидѣла, презирала.

— Посмотри кругомъ. — Константинъ помолчалъ. — Завтра Благовѣщеніе! Я думалъ. Посмотри кругомъ.

Курганъ стоялъ темнымъ пятномъ, шелестѣла едва слышно прошлогодняя полынь, булькалъ выходившій изъ земли воздухъ, какой-нибудь земляной газъ. Запахло тлѣніемъ. Небо за курганомъ помутнѣло, долина лежала пустынной, безкрайней. Воздухъ посырѣлъ, походолѣлъ. Встарину въ долинѣ былъ волокъ.

— Слышишь?

— Что?

— Земля стонетъ.

— Да, просыпается. Весна. Земная радость.

— Не то. Не объ этомъ... Скорбь. Пахнетъ тлѣніемъ. Завтра Благовѣщеніе, великій праздникъ. Я думалъ. Посмотри кругомъ. Люди обезумѣли, дикари, смерть, голодъ, варварство. Люди обезумѣли отъ ужаса и крови. Люди еще вѣрятъ Богу, несутъ

покойниковъ, когда ихъ надо сжигать, — еще идолопоклонство. Еще вѣрятъ лѣшему, вѣдьмамъ, черту и Богу. Сыпной тифъ люди гонятъ крестными ходами. Въ поѣздѣ я все время стоялъ, чтобы не заразиться. Люди думаютъ только о хлѣбѣ. Я ѣхалъ, мнѣ хотѣлось спать, предъ моими глазами маячила дама въ шляпкѣ, которая захлебываясь говорила, что ѣдетъ къ сестрѣ попить молочка. Меня тошнило, она говорила — не хлѣбъ, мясо, молоко, а хлѣбецъ, мясцо, молочко. Дорогое мое маслице, я тебя скушаю!.. Дикость, люди дичаютъ, міровое одичаніе. Вспомни исторію всѣхъ временъ и народовъ: розни, жульничество, глупость, суевѣріе, людоѣдство, — не такъ давно, въ Тридцатилѣтнюю войну, въ Европѣ было людоѣдство, варили и ѣли человѣческое мясо... Братство, равенство, свобода... Если братство надо вводить прикладомъ, — тогда... лучше не надо... Мнѣ одиноко, братъ. Мнѣ скорбно и одиноко. Чѣмъ человѣкъ ушелъ отъ звѣря?..

Константинъ снялъ кэпи. Костистый лобъ былъ блѣденъ, зеленъ въ мутномъ ночномъ мракѣ, глазницы запали глубоко, — лицо напомнило на моментъ черепъ, но князь повернулъ голову, взглянулъ на западъ, хищно изогнулся горбатый носъ: мелькнуло въ лицѣ птичье, хищное, жестокое. Константинъ вынулъ изъ кармана пальто кусокъ хлѣба и передалъ брату.

— Ѣшь, братъ. Ты голоденъ.

Слышно было, какъ въ долинѣ, во мракѣ загудѣлъ колоколъ, на выселкахъ гулко лаяли собаки. Широкимъ крыломъ обвѣивалъ вѣтеръ.

— Слушай. Я думалъ о благовѣщеніи... Я представлялъ себѣ. — Медленно меркнетъ надъ западомъ красная заря. Кругомъ дремучіе лѣса, болота и топи. Въ лощинахъ, въ лѣсахъ воютъ волки. Скрипятъ телѣги, ржутъ лошади, кричатъ люди, — это дикое племя Русь ходило собирать дань, и теперь волокомъ идутъ съ Оки на Десну и на Сожъ. Медленно

меркнетъ красная вечерняя заря. На холмѣ князь сталъ таборомъ: умиралъ медленной вечерней зарей юный княжичъ, сынъ князя. Молились богамъ, жгли на кострахъ дѣвушекъ и юношей, бросали людей въ воду водяному, призывали Іисуса, Перуна и Богоматерь, чтобы спасти княжича. Княжичъ умиралъ, княжичъ умеръ страшною весеннею вечернею зарею. Тогда убили его коня, его женъ и насыпали курганъ. А въ станѣ князя былъ арабъ, арабскій ученый Ибнъ-Садифъ. Былъ онъ въ бѣлой чалмѣ, тонокъ, какъ стрѣла, гибокъ, какъ стрѣла, смуглъ, какъ варъ, съ глазами и носомъ, какъ у орла. Ибнъ-Садифъ Волгой поднялся на Каму къ булгарамъ, теперь съ Русью пробирался въ Кіевъ, въ Царьградъ. Ибнъ-Садифъ бродилъ по міру, ибо все извѣдалъ, кромѣ странъ и людей... Ибнъ-Садифъ поднялся на холмъ, на холмѣ жгли костеръ, на плахѣ лежала обнаженная дѣвушка съ распоротой лѣвой грудью и огонь лизалъ ея ноги, кругомъ, съ мечами въ рукахъ стояли хмурые усатые люди, древній попъ-шаманъ кружился передъ огнемъ и неистово кричалъ. Ибнъ-Садифъ повернулся, ушелъ отъ костра, спустился на волокъ, къ рѣкѣ. Уже померкла заря. Четкія звѣзды были въ небѣ, четкія звѣзды отражались въ водѣ. Арабъ взглянулъ на звѣзды въ небѣ и на звѣзды въ водѣ, — всегда одинаково дорогія и призрачныя, — и сказалъ: — «Скорбь. Скорбь». За рѣкою выли волки. Ночью арабъ былъ у князя. Князь правилъ тризну. Арабъ поднялъ руки къ небу, какъ птичьи крылья взметнулись бѣлыя его одежды, сказалъ голосомъ, напоминающимъ орлиный клекотъ: — «Сегодня ночь, когда ровно тысячу лѣтъ тому назадъ въ Назаретѣ Архангелъ сказалъ Богоматери о приходѣ вашего Бога, Іисуса. Скорбь. Тысяча лѣтъ!» — такъ сказалъ Ибнъ-Садифъ. Никто въ таборѣ не зналъ о Благовѣщеніи, о свѣтломъ днѣ, когда птица не вьетъ гнѣзда... Слышишь, братъ?— гудятъ колокола. Слышишь, какъ воютъ собаки?..

А надъ землей по прежнему — голодъ, смерть, варварство, людоѣдство. Мнѣ жутко, братъ.

Лаяли подъ холмомъ на выселкахъ собаки. Ночь стала синей, холодной. Князь Константинъ присѣлъ на корточки, опираясь на трость, и сейчасъ же поднялся.

— Поздно уже, холодно. Идемъ. Очень жутко. Я ни во что не вѣрю. Одичаніе. Что мы? Что наши чувствованія, когда кругомъ дикари. Одиноко. Мнѣ одиноко, братъ. Никому не нужны, — наши предки, не такъ давно, пороли на конюшнѣ, дѣвокъ въ брачную ночь брали къ себѣ въ постель. Проклинаю и ихъ. Звѣри . . . Ибнъ-Садифъ ! . . — князь вскрикнулъ глухо, гортанно, дико. — Тысяча лѣтъ. Отсюда въ Москву я, вѣрно, пойду пѣшкомъ.

— У меня, Константинъ, силы — какъ у богатыря. — Вильяшевъ говорилъ тихо. — Сломать, изорвать, растоптать хочется, а сладили со мной, какъ съ дитятей.

Курганъ остался позади. Шли холмомъ. Обильная, разбухшая земля, вязла въ морозцѣ, налипала на сапоги, связывала движенія. Во мракѣ прокричали журавли, сѣвшіе на ночь. На лугу синѣлъ туманъ. Вошли въ деревню, деревня была безмолвна, за околицей лаяла собака. Шли безшумно.

— Въ каждой избѣ тифъ и варварство, — сказалъ Константинъ и замолкъ, прислушиваясь.

За избами на проселкѣ изъ села дѣвушки пѣли церковный тропарь о Благовѣщеніи. Въ весеннемъ настороженномъ вечерѣ мотивъ гудѣлъ торжественно-просто и мудро. И , должно быть, оба почуяли, что тропарь этотъ непреложенъ, какъ непреложна весна, съ ея закономъ рожденія. Стояли долго, переминая промокшія ноги. Каждый, должно быть, почувствовалъ, что — все же въ человѣкѣ течетъ свѣтлая кровь.

— Хорошо. Скорбно. Это не умретъ, — сказалъ Вильяшевъ. — Изъ вѣковъ.

9*

— Удивительно хорошо. Странно хорошо. Жутко хорошо! — отозвался князь Константинъ.

Изъ-за угла вышли дѣвушки въ пестрыхъ поневахъ, прошли мимо чинно, парами, пѣли:

«Богородице Дѣво, ра-адуйся!..
«Благодатная Марія, Господь съ тобою.
«Благословенна ты въ жена-ахъ...

Повѣяло землей — сырой, обильной, разбухшей. Дѣвушки шли медленно. Братья стояли долго, пошли тихо. Кричали полночные пѣтухи. За холмомъ поднялся послѣдній передъ Пасхой мѣсяцъ, кинулъ глубокія тѣни.

Въ избѣ было темно, сыро и холодно, такъ же, какъ въ день смерти Натальи, когда хлопали безпрестанно дверями. Братья разошлись по своимъ комнатамъ быстро, не разговаривали, свѣчей не зажигали, Константинъ легъ на постели Натальи.

На разсвѣтѣ братъ Константинъ разбудилъ Вильяшева.

— Ухожу, прощай. Finita. Изъ Россіи, изъ Европы — уѣду. Насъ въ округѣ, — отцовъ, — стервятниками звали. Травили борзыми волковъ, людей, зайцевъ. Скорбь. Ибнъ-Садифъ.

Константинъ зажегъ на столѣ свѣчу, прошелся по комнатѣ, и Вильяшевъ поразился: на стѣну, выбѣленную известкой, преломленная сквозь синій разсвѣтный свѣтъ, упала синяя тѣнь брата, удивительно синяя, точно на стѣну пролили синьку, и братъ, князь Константинъ, показался мертвымъ.

Апрѣль, 1919 г.